

Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже
Мужской монастырь Животворящего Креста, с. Погост Крест
Шуйской епархии Русской православной церкви (Московский патриархат)

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 12

К 600-летию явления Иисусова креста
на Сахотском болоте
*(ныне с. Погост Крест Ильинского р-на
Ивановской обл.)*

Шуя-Южа
2023

Издаётся с июля 2006 года

Редактор-составитель А. Е. Лихачёв

Редакционная коллегия:

К. Е. Балдин, д-р истор. наук (Иваново)
Д. Ю. Кривцов, канд. истор. наук (г. Дзержинск)
А. Е. Лихачёв, священник, канд. богосл. (г. Южа)
(редактор-составитель)

В сборнике могут встречаться следующие сокращения:

ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГМЗРК – Государственный музей-заповедник Ростовский кремль
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ИТК – исправительно-трудовая колония
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РБС – Российский биографический словарь
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва
РИБ – Русская историческая библиотека
РНБ – Российская национальная библиотека (библиотека в Санкт-Петербурге, бывшая Публичная)
СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТСЛ – монастырь Троице-Сергиева Лавра
УПЦ – автокефальная Украинская православная церковь
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

Настоящий выпуск, посвящённый 600-летию явления Животворящего Креста Господня в Никольском погосте (ныне с. Погост Крест Ильинского района Ивановской области), издаётся при организационной и финансовой поддержке Мужского монастыря

Животворящего Креста Господня, расположенного на месте явления.

По слову настоятеля обители, игумена Гавриила (Лысова),
«чудеса такого масштаба не есть праздник одной только обители или общины.

Это радость для всей полноты Русской Православной Церкви».

Обитель ждёт паломников на юбилейные торжества,
которые состоятся 10-11 июня (28-29 мая ст.стиля) 2023 года

Предисловие

Пожарский юбилейный альманах – продолжающееся общественно-церковное научно-популярное издание, родившееся в 2006 г. на приходе Смоленской иконы Божией Матери в г. Юже Ивановской области в связи с приближающимся 450-летием первого упоминания селения. В это время активизировалась краеведческая работа, стали проходить Пожарские Неопалимовские чтения, материалы которых дали возможность составить первые сборники. Мы благодарим Ивановское отделение Российского фонда культуры, которое поддержало наши первые начинания, а с выпуска № 7 нас стала поддерживать местная администрация. После небольшого перерыва издание с 2020 г. силами прихода выходит ежегодно.

Настоящий выпуск нашего научно-популярного издания посвящён 600-летней годовщине явления Креста, ставшего на пять столетий главной святыней не только Никольского погоста Ростовского уезда Ярославской губернии, но и всей Русской церкви. Промыслом Божиим в эпоху гонений святыня была спасена совместным подвигом клириков и прихожан как Никольского прихода, так и Златоустовской церкви в селе Годеново, куда на время было перемещено (можно сказать, спрятано) резное Распятие, уникальное произведение XIV-XV вв. Слава Богу, в 1990-2000-е годы трудами игумении Евстолии (Афониной) было восстановлено всеобщее почитание Животворящего Креста, в селе был построен паломнический комплекс, возводится новый вместительный храм. В последние годы с Креста были изготовлены десятки почти точных (в размер) копий, которые были освящены и приняты как святыни в храмах многих стран мира и ближнего зарубежья, энтузиасты возят их по всем уголкам России от Магадана до Крыма и носят крестными ходами, знаменуя возвращение русского народа ко Господу. В августе 2020 г. и наш Южский богоородичный крестный ход (тогда протяжённостью 195 км.) принимал и нёс с собой эту святыню, привезённую на ивановские земли Союзом православных женщин России.

Из Сказания (документа начала XVIII века) мы достоверно знаем, что летопись чудесной помощи, связанной с молитвами у Креста, велась изначально, что молитвы как у древней святыни, равно как возле её благочестивых подражаний, даруют реальное переживание близости Божией и привлекают спасительную благодать до сего дня. Традиция записи чудес возрождена. Поэтому инициатива приснопамятного игумена Бориса (Храмцова, + 2001) по возрождению обители на месте Явления святыни (с 1998 г. стали вестись первые работы) нашла благословение у Господа и отклик у добрых людей. С этого же времени на месте явления Креста уже появилась монашеская община, а в 2011 г. обитель, мужской монастырь Животворящего Креста Господня, была официально зарегистрирована. Она и ныне развивается трудами игумена Гавриила (Лысова), духовного чада отца-основателя. Юбилейной тематике посвящён не только весь первый раздел выпуска, но и отдельные работы в разделах «Наши публикации» (текст Сказа-

ния) и «Творческое приношение родному краю». Данный выпуск организационно и финансово осуществляется при тесном сотрудничестве с монастырём.

Недавно ушедший 2022 год был столетним со дня страдания за веру наших земляков, шуйских новомучеников, в память которых в нашем прошлогоднем сборнике появился новый раздел, надеемся, постоянный – «Стояние в вере». Сегодня в нём мы продолжаем тему статьи (прошлого выпуска) Н.В. Фролова «Серапионова пустынь» и помещаем отрывок из книги вязниковского краеведа Ю.А. Васищева «Последняя тайна Серапионовой пустыни» с описанием трудов и исповеднического служения ряда насельников этой обители. В этот же раздел нам любезно согласился предоставить свой материал доктор исторических наук, научный руководитель регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской православной церкви» архимандрит Дамаскин (Орловский) – о новомученике, чья биография была связана с Южей.

Традиционные разделы нашего альманаха сохраняются при наличии подходящих для них публикуемых материалов. Напоминаем, что наше продолжающееся издание является **краеведческим**, то есть открытым для любых авторов, лишь бы они обоснованно излагали свои исследования и наблюдения. Среди наших авторов есть не только историки, археологи или музеиные работники, но и врачи и рабочие, художники и предприниматели, пенсионеры и студенты. Если какая-то тема, статья Вас заинтересовали и Вам есть что сказать в диалоге с автором – смело пишите на наш э/адрес yuzha-church@yandex.ru, мы с готовностью поможем в совместной работе привести Ваши наработки в достойный для публикации вид. Новые выпуски издаются по мере накопления материалов и нахождения средств для тиража. Вашу поддержку альманаху можете направлять по ссылке: <https://old-yuzha.ru/pozhertvovat.html>.

Раздел I

К 600-летию явления Креста на Сахотском болоте

О.А. Балагуров

Святыни и люди: из истории явленного на Сахотском болоте Животворящего Креста Господня

1 423 год вошёл в историю многими знаменательными событиями. Всего полгода до того были обретены мощи преподобного Сергия Радонежского и заложен белокаменный красавец-храм – Троицкий собор. Теперь же его предстояло украсить стенным писанием и иконами. Этим занялись известные на всю Московскую Русь мастера – преподобный Андрей Рублев и Даниил Чёрный. Вероятно, именно тогда и была явлена миру знаменитая Троица – икона, известная ныне практически каждому.

В Москве правил великий князь Василий I Дмитриевич, сын святого благоверного великого князя Димитрия Донского, впервые одолевшего в открытом бою на Куликовом поле ордынские полчища. И хотя до окончательного свержения ненавистного «агарянского ига» было ещё далеко, московские правители всё меньше оглядывались в сторону погрязших в междуусобицах ханов.

А вот в Ростовской земле год выдался тяжёлым. Голод и моровое поветрие вновь пришли в этот край. Однако, по свидетельству «Ростовского летописца», «...бедствие это люди скоро забыли», вследствие посетивших их «духовной радости и торжества», чем стало явление Животворящего Креста Господня¹.

Знаменательно, что чудо свершилось за тридцать лет до поистине эпохально-го события. 29 мая 1453 года под ударами турок-османов пал Константинополь. Вместе с ним прекратила своё существование и Византийская империя. Можно с уверенностью сказать, что гибель тысячелетнего Ромейского государства была предопределена его отступничеством от Православия, которое свершилось на Флорентийском соборе 1438-1439 годов. Тогда, стремясь избежать мусульманского ига, император и греческие епископы (все, кроме святителя Марка Эфесского) подписали унию с католическим Римом на условиях признания Православной

Церковью латинской доктрины и главенства папы римского при сохранении православных обрядов. Византия совершила свой цивилизационный выбор, обернувшийся для неё катастрофой; во многом причиной тому стало чрезмерное упование на политические способы построения ответов на вызовы той эпохи.

Современники восприняли гибель Византии как событие апокалиптическое, однако Христос Спаситель не может оставить Свою Церковь без промыслительного о ней попечения. Ещё не успела закатиться звезда Римской империи, как в далёкой от Византии Руси сложились предпосылки преемственности в деле хранения истины Православия.

От Господня Распятия был голос к обретшим его пастухам: «*Будет на сем месте благодать Божия и дом Божий; аще кто с верою приидет помолитися, будут многие исцеления и чудеса от Животворящего Креста молитв ради чудотворца Николы. Шедше проповедите сия всем людем, чтобы на сем месте людие поставили церковь Мою*»².

Весть о чудесном событии быстро достигла Ростовского архиепископа (так у автора. – Ред.)³ Дионисия, который выдал благословенную грамоту на строительство заповеданного Господом храма⁴. Но как воздвигнуть церковь на болоте? Местные зодчие посчитали такое невозможным и дерзнули заложить храм чуть поодаль. Впрочем, Господь вновь явил чудо. В первую же после начала строительства ночь поставленное основание новой церкви исчезло. Найти пропажу озадаченным строителям помог всё тот же неизреченный свет, изливавшийся точно на месте явления Креста. Там же, в трясине, виднелись и брёвна постройки.

Теперь уже мастера сподобились услышать глас Божий, который повторно повелел: «*На сем месте поставите церковь Мою. И будет благодать велика и чудеса многа произыдут с верою приходящим помолитися; и будут многа исцеления*». И чудеса не замедлили случиться... Непостижимым для человеческого разума образом, за одну ночь образовался поток, который вымыл всю болотную воду, а на месте явления Креста образовался холм, на котором выстроить храм уже не представляло никакой сложности. Освящать построенную церковь прибыл сам архиепископ Ростовский Дионисий, который долго и, как отмечает Сказание, слёзно, молился перед святыней. С тех самых пор «*проиде слава про чудеса Животворящего Креста (...) во многия страны*».

Такова была история возведения первой деревянной церкви, построенной точно на месте явления святыни. Со временем здесь возникает и поселение, получившее название «Никольский погост, что у Иисусова Креста». Первый храмостоял до 1506 года, когда Господь через скорбь явил Свою милость и всемогущество. В означенный год случился пожар – явление для деревянной Руси обычное. В огне погибла и церковь. Прихожане не сумели спасти святыню, которая, казалось, была утрачена навсегда. Но какова же была радость православных, когда на пепелище они обнаружили совершенно невредимым Крест. Было принято решение о немедленном строительстве новой церкви – также деревянной. Храм был возведён в том же году.

Многочисленные богомольцы делали богатые вклады, о некоторых из которых мы узнаём из Сказания и позднейших описей убранства храма. Вплоть до начала богоchorческого периода XX века хранился в храме шитый золотом воздух необыкновенной красоты – дар княгини Евдокии Бельской, супруги князя Семёна Ивановича Бельского, незадолго до этого перешедшего из Литвы под руку московского великого князя Ивана III. Воздух был пожертвован в 1520 году.

Интересно, что старший брат князя Семёна Ивановича Фёдор, спасаясь от литовского гонения на православных, перешёл на Русь вместе со своим домом ещё раньше. Среди сопровождавших его лиц был и состоявший на военной службе при князе Тимофеи, который вскоре после прибытия на Русь оставил мир ради служения Господу. Теперь он нам известен как преподобный Тихон Луховский Чудотворец. В 1521 году Иов Васильевич Тетерин пожертвовал рукописные Минеи, столь необходимые для богослужения, а в 1593 году Мария Михайловна Луговская сделала другой ценный вклад – шитую золотым позументом плащаницу.

В 1705 году Никольский погост посещает боголюбивый князь Пётр Лукич, московский окольничий. Именно его стараниями была восстановлена традиция записи чудес, дарованных Господом через Свой Крест. Он же понудил местное духовенство воссоздать древнее Сказание. Кто такой Пётр Лукич, достоверно нам неизвестно. Но можно предположить, что это – благочестивый князь Львов, который нёс свою службу при царях Алексее Михайловиче, Фёдоре Алексеевиче, малолетних Иване и Петре Алексеевичах при регентстве их сестры Софьи, и наконец, при единоличном правлении Петра Первого.

Князь Пётр Лукич стал не последним высоким гостем Никольского погоста. В 1708 году стольник Илья Иванович Мещеринов украсил Крест двумя скульптурными изображениями, Божией Матери и святого апостола Иоанна Богослова, в благодарность за долгожданное чадорождение. Через два года в храм Никольского погоста был пожертвован серебряный вызолоченный напрестольный крест, имевший в себе частицы мощей многих святых – пророка Захарии, пророка Иоанна Предтечи, апостолов и евангелистов Матфея, Марка и Луки, апостола Варнавы, святителя Николая Чудотворца и других. К несчастью, сей крест пропал во времена гонений на Церковь в минувшем столетии. Со временем в

образовавшемся на месте явления Креста Никольском погосте была выстроена и вторая церковь.

Источники, датируемые серединой XVIII века, говорят нам уже о двух деревянных храмах – Никольском и Покровском, – а также об отдельно стоящей колокольне⁵. Тогда же стало ясно, что необходима постройка каменной церкви. Прощение об этом было подано Ростовскому митрополиту священномученику Арсению (Мацеевичу), который в 1762 году и выдал соответствующую благословенную грамоту. История донесла до нас имена ходатаев – священников Матвея Васильева и Петра Григорьева⁶. К слову сказать, святой владыка бывал в Никольском погосте и даже произнёс проповедь, которая хранилась в списке, но до наших дней не дошла.

Гонения, которым был предан святой митрополит Арсений, вероятно, заставили приостановить благое начинание: в 1764 году было подано повторное прошение и получена вторая благословенная грамота от нового Ростовского Владыки Афанасия (Вольховского). Он повелел воздвигнуть церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня с двумя приделами: святителя Николая Чудотворца – слева, и тёплый Покрова Пресвятой Богородицы – справа⁷. Через два года было получено благословение разобрать на дрова для обжига кирпичей ветхую деревянную Покровскую церковь и колокольню. Старый Никольский храм был разобран чуть позже – в 1784 году.

31 августа 1776 года, согласно благословенной грамоте архиепископа Ростовского Самуила (Миславского), в Никольский погост прибыл протопоп Успенского кафедрального собора Стефан, который и совершил освящение вновь построенной Воздвиженской церкви с Никольским приделом (холодные). Как видим, Покровский придел выстроен ещё не был⁸. В 1780-е годы священники Никольского погоста неоднократно подавали прошение о пристройке к храму тёплой каменной Покровской церкви. Однако сей богоугодный замысел был реализован лишь в 1832 году⁹.

Незадолго до этого – в 1811 году – при Крестовоздвиженском храме была устроена колокольня над папертью, не отделённая от западной церковной стены¹⁰. А ещё ранее, в самом начале XIX века, был построен кирпичный братский корпус. Дело в том, что архиепископ Антоний (Знаменский) задумал воздвигнуть на святом месте обитель. Для будущей братии и соорудили корпус. Впрочем, устроения монастыря тогда не случилось, и здание передали служащему на приходе белому духовенству, позже в нём будет учреждена земская школа¹¹.

Почти два века спустя мечта владыки Антония осуществилась – ныне на месте явления святыни (сейчас оно именуется село Погост Крест) устроен мужской монастырь Животворящего Креста Господня, а в историческом братском корпусе, который сохранился до наших дней, действительно, проживают монахи.

Отдельно необходимо сказать о часовне, сооружённой на месте, где строители, вопреки воле Божией, захотели первоначально построить храм. Благословение на возведение таковой дал ещё владыка Дионисий в год явления Животворящего Креста. Но, то ли по нерадению, то ли в силу иных причин, это благосло-

вение не было исполнено вплоть до начала XX века. В 1911 году находящийся на покое диакон Алексий Феодорович Виноградов, отдавший служению Господу более сорока лет, подал епископу Угличскому Иосифу (Петровых) прошение выстроить часовню на собственные средства. Благословение было дано, и в 1916 году состоялось её освящение¹².

На момент наступления богоchorческой эпохи в приход Никольского погоста входили кроме него самого четырнадцать окрестных деревень, он составлял 2661 человек (исключая духовенство и членов их семей – 26 человек). 22 сентября 1919 года было заключено соглашение граждан погоста Никольского от Иисусова Креста Барановской волости Ростовского уезда Ярославской губернии с Ростовским уездным совдепом. На основании договора, верующие прихода приняли от новой власти в бесплатное бессрочное пользование Никольскую церковь с богослужебными предметами на стандартных условиях (прежде всего, полное содержание здания, обеспечение сохранности имущества, недопущение антисоветской пропаганды)¹³.

В 1925 году всё имущество церкви, включая богослужебные предметы и главную святыню – явленный Животворящий Крест, – было передано на баланс Ростовского музея Ярославской губернии. Однако с образованием в 1929 году Ивановской промышленной области и Ильинского-Хованского района приход территориально вышел из Ростовского уезда¹⁴, в связи с чем община верующих тут же поспешила подать заявление на возможность «совместного удовлетворения религиозных потребностей». Был заключён стандартный договор между административным отделением Ильинского райисполкома и общиной верующих, принявшей в 1930 году в бесплатное пользование «здание церкви и имущество с богослужебными предметами»¹⁵.

Накануне этих событий – в 1928 году – был арестован священник Иоанн Добротин, погибший в концлагере в Кomi в 1931 году¹⁶. В том же году в лагерях сгинул и другой священник Никольского погоста – Алексей Алексеевич Виноградов (время ареста точно установить пока не удалось: от 1924 до 1930 гг.)¹⁷. Несмотря на репрессии советской власти, община проявила стойкость. Верующие ходатайствуют о приглашении на приход нового священника, регулярно подают прошения о разрешении проведения крестных ходов, коих только в 1930 году было организовано, как минимум, шесть¹⁸.

Особой страницей истории Никольского погоста (при советской власти он несколько раз переименовывался) является борьба верующих за сохранение храма и его главной святыни, которые, безусловно, были раздражающим фактором для богоchorческой власти.

В июле 1937 года были арестованы священник и регент¹⁹, после чего храм оказался закрыт по факту. Практически сразу же по ходатайству общины прсылается другой священник, но местная администрация не разрешает открыть церковь. Была создана специальная комиссия, которая признала здание аварийным и опасным для богомольцев. Более того, власти ставят нереально малый срок для исправления замечаний комиссии. Акт был составлен 23 августа, а все дефекты было нужно устранить не позже 15 сентября того же 1937 года²⁰.

В ответ на решение о закрытии храма община верующих направила в марте 1938 года письмо М. И. Калинину. Ссылаясь на «Сталинскую Конституцию» и на отделённость Церкви от государства, верующие прямо пишут, что «районная организация не вправе вмешиваться насильно» и просят ВЦИК «в кратчайший срок» разрешить исполнять церковные обряды. Ссылаются верующие в своём, прямо скажем, чрезвычайно смелом письме и на 500-летнее существование храма на святом месте²¹.

О весомости обращений верующих говорит тот факт, что местные власти раз за разом возвращались к своим решениям о закрытии храма. Значит, не могли сразу добиться своего. Так, 14 августа 1939 года Президиум Ильинского райисполкома, опираясь на «ходатайство общих собраний колхозников», постановил просить облисполком утвердить решение о закрытии храма как «молитвенного здания» и его сломе. Дополнительными аргументами стали уже упомянутые акты технической экспертизы от 1937 и 1938 годов, которые признавали, что храм «требует большого ремонта». Ставилась в вину верующим и налоговая задолженность²².

Об условности, если не сказать, лживости заявлений местной власти об аварийном состоянии здания храма свидетельствуют противоречия в самих решениях атеистов. Например, в июне того же 1939 года общее собрание членов колхоза «Будённый» селения Антушково вовсе не требует снести здание, а напротив, выступает за его передачу в «фонд государства». Потому как главная проблема не в ветхости здания, а во «вреде религии». Также колхозники сетуют о неуплате налогов общиной верующих²³.

29 февраля 1940 года было принято окончательное решение исполкома Ивановского областного совета о расторжении договора с религиозной общиной погоста «Иисусов Крест», закрытии церкви и передаче её Ильинскому совету с разрешением здание разобрать²⁴.

Важно отметить, что явленный в 1423 году Животворящий Крест Господень все эти годы и столетия находился в Никольском погосте, на месте, обозначенном Самим Господом. Святыня и, соответственно, церковь погоста привлекали значительное внимание верующих и в советское время. Безусловно, власть всячески стремилась данное положение изменить. Поэтому ситуация закрытия храма сразу же была использована для его уничтожения. Правда, начатая разборка храма затянулась весьма надолго, но была выполнена главная задача: в церкви, которую начали разбирать, было невозможно возобновить богослужение (никто не дал бы такого разрешения).

В этих условиях встал вопрос о сохранении святынь. Формально всё имущество храма принадлежало местным властям. Приходская община являлась лишь пользователем. Поэтому с закрытием церкви появилась реальная опасность утраты этих святынь и, прежде всего, Креста. Подлинным актом действенного исповедания православной веры членами общины погоста стал перенос святыни в ближайший действующий храм. Им стала церковь во имя святителя Иоанна Златоуста в селе Годеново Ростовского района Ярославской области. Точная датировка перенесения Креста неизвестна. Исходя из имеющихся документальных свидетельств, можно говорить об августе-сентябре 1940 года.

Примечательно, что уже в начале следующего года местный священник, отец Николай Введенский, был арестован (и позже осуждён) по обвинению в антисоветской деятельности. В ходе следствия и судебного заседания были заданы и вопросы относительно Креста. Речь шла об исчезновении святыни, которую власти хотели уничтожить, а верующие, не мыслившие святое место без явленного Креста Господня, спасли от поругания.

При этом они планировали в самое ближайшее время вернуть Крест обратно. Об этом свидетельствуют материалы протокола допроса в качестве свидетеля старосты храма святителя Иоанна Златоуста села Годеново монахини Синклитикии (Смирновой) от 14 марта 1941 года. Она показала, что «... Животворящий Крест принесли верующие из Ильинско-Хованского района Ивановской области. Принесли к нам этот Крест по согласованию с отцом Николаем и церковным советом, но не насовсем, а только покуда они построят себе часовню. Крест этот Животворящий, ему более 500 лет. На этом месте, где нашли этот Крест, стояла когда-то церковь, сгорела, а этот Крест не сгорел, вот на этом месте сложили новую церковь. Когда принесли этот Крест, отец Николай посоветовал убрать этот Крест в укромное местечко, чтобы не было большого стечения народа. Несмотря на то, что Крест стоит в отдалённом месте, но на него приходят смотреть многие верующие, приходят из других районов и областей. Как, например, из Ивановской области, из Ростовского района Ярославской области, а также и других приходов»²⁵.

Таким образом, община прихода бывшего Никольского погоста собиралась бороться за сохранение святыни на указанном Самим Спасителем месте до последнего. Как видно из показаний монахини Синклитикии, в условиях закрытия и начала разрушения храма богоchorческой властью первой заботой верующих было на время переместить Животворящий Крест в подобающее безопасное место, которым и стал храм святителя Иоанна Златоуста в Годеново.

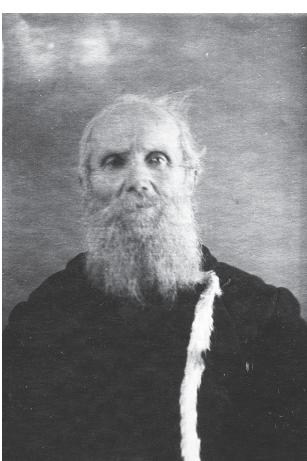
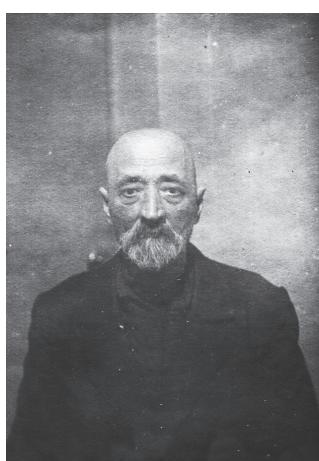

Фото священников Николая Введенского и Алексия Прозорова из уголовного дела. Архив ГАИО.

Но одновременно прихожане собираются строить часовню подле закрытого храма как новое место пребывания святыни, понимая, что на более масштабное строительство, равно как и на открытие церкви, советская власть просто не даст разрешения. Начавшаяся Великая Отечественная война, вероятно, не позволила реализовать замысел верующих.

9 мая 1941 года состоялось судебное заседание по обвинению группы священников (в том числе и отца Николая Введенского) в антисоветской деятельности (протокол заседания по делу № 194). Священник Николай Введенский, в частности заявил: «*В отношении животворящего креста могу сообщить следующее: в один день приходит ко мне гражданка, говорит, у нас ломают церковь, и там валяется крест, который я хочу купить. Я ей не советовал, и больше ничего и ни с кем разговоров не было. На другой день вижу человек пять несут на носилах вроде человека, и я подумал, что несут человека, но потом ко мне подходит опять эта женщина и говорит, что я купила крест, я сначала не брал, но потом составил акт на его с обязательством взять его временно и в последствии передать в Музей. Но я сам ничего не знал о кресте*»²⁶.

Показания священника Николая Введенского несколько противоречат показаниям монахини Синклитикии (Смирновой) в части его осведомлённости о желании верующих перенести Крест, но согласуются с тем, что именно верующие погоста, спасая святыню, перенесли его в храм святителя Иоанна Златоуста.

Священник Алексий Прозоров (из села Никольское Петровского района), лично участвовавший в перенесении Креста (протокол судебного заседания по делу № 194) показал: «*Животворящий Крест нашла женщина. Этот Крест находится в церкви Введенского. Когда мы его несли, Введенский видел, но не знал, что мы несём. Об этом Кресте я никаких слухов не распространял. Крест был поставлен в тёмной комнате*»²⁷.

Противоречия в показаниях объясняются обстоятельствами, при которых они давались. Подсудимый священник Николай Введенский, конечно, пытался хоть как-то облегчить своё положение (в чём ему содействовал его сотоварищ священник Алексий Прозоров). Было важно показать, что Крест принесли без предварительного согласия, а сам отец Николай намеревался передать его властям. Монахиня же Синклитикия (Смирнова), вероятно, рассказала всё как было, подчеркнув, что святыню перенесли прихожане разрушающего храма из погоста Крест на время, но по согласованию с местным священником. Необходимо ещё раз подчеркнуть: все, переносившие Крест, сильно рисковали быть обвинёнными как минимум в хищении социалистической собственности, а как максимум, – в антисоветской деятельности. К сожалению, их имена неизвестны. Вероятно, недостаточное знакомство с историческими источниками обусловило наличие в некоторых современных изданиях неточностей, искажений и документально неподтверждённых интерпретаций обстоятельств перенесения святыни, что не только не способствует установлению исторической правды, но и умаляет подвиг верующих, спасших Крест от поругания безбожной властью²⁸.

Со временем здание церкви медленно разрушалось. Братский же корпус использовался как детский дом. Затем в бывшем Никольском погосте решили устроить МТС. Для новых построек храм стали активно разбирать на кирпич. К 1974 году он был практически полностью разрушен, сохранились нижние ярусы колокольни и руины северного придела.

Восстановление храма связано с образованием здесь в 1998 году монашеской общины, которую возглавил игумен Борис (Храмцов). Воссоздание каменного Воздвиженского храма началось в 2000 году. Как и в былые времена, главный престол посвящён празднику Воздвижения Креста, а приделы – Святителю Николаю Чудотворцу и празднику Покрова Богородицы. Дополнительный придел в трапезной части храма был устроен в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба.

Главный престол и придел Святителя Николая Чудотворца были освящены в 2004 году архиепископом Иваново-Вознесенским и Кинешемским Амвросием (Шуровым). В 2011 году указом епископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского Иосифа был учреждён мужской монастырь Животворящего Креста Господня. В 2012 году освящён Покровский придел храма. Нынешний монастырь, его храм, как и прежде, стоит точно на месте явления Животворящего Креста Господня. А значит, вновь исполнена воля Божия, изречённая в далёком XV веке нашим предкам: «**На сём месте** поставите церковь *Мою*». И это очень важно, ведь Господь Иисус Христос и Его Крест есть средоточие христианской жизни. Явление Креста не может быть «случайным» чудом. Это сакральный акт, таящий в себе множество смыслов, постижение которых ведёт не только к осмысливанию произошедшего в 1423 году, но и к пониманию дня сегодняшнего.

«Место сие» есть Сахотское болото, издревле известное как пристанище колдунов и волхвов. Явление Креста и строительство храма есть символ победы Истины над силами тьмы. «Место сие» – это чреда чудес, в коих Господь дарует православному люду укрепление в вере. «Место сие» есть воздвигнутая на месте разрушенного большевистской властью древнего Никольского погоста обитель.

«Место сие» есть Россия, которая промыслительно принимает на себя великую честь и бремя сохранения чистоты Православия, что является её миссией

до сего дня и для будущих поколений.

Наконец, «место сие» есть душа каждого православного христианина, от молитвенных усилий которого зависит будущее не просто нашей страны, но и Вселенского Православия. «Место сие» – это мы с вами в нашем стремлении взять свой Крест и идти за Спасителем, невзирая на тернистость избранного пути.

Интерьер церкви св. Иоанна Златоуста с хранящимся в ней Животворящим крестом

- Артынов А.Я. Ростовский летописец. – М.: «Фирма «АКТЕОН», 2010 –Часть II. – С. 14. *Примеч. редакции:* Надо отметить , что «Ростовский летописец» – это сочинение конца XIX века «по мотивам» летописных сказаний, как они отражены в народном сознании (автор – крестьянин, церковный староста), и представляет собой не столько исторический, сколько фольклорный интерес.
- Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великаго во святителях Чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова Креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от животворящего креста Господня и святителя Николая Чудотворца. – Ярославль: Типография Губернской Земской Управы, 1913. – С. 4.
- Примеч. редакции.* «Архиепископом» Ростовский Владыка Дионисий называется в «Летописце» Артынова, а также в некоторых поздних источниках. Однако все ранние источники согласно называют его «епископом», что прослежено в статье А.Е.Тарасова «Ростовский епископ Дионисий Грек» // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2008. См. также статью в «Православной энциклопедии»: <https://www.pravenc.ru/text/178453.html>
- Сказание... Цит. соч. С. 5.
- ГАЯО. Ф-230. Оп. 13 Д. 4184 Л. 1, 1-об.
- Там же. Д. 3235. Л. 8-9.
- Там же. Д. 3235. Л. 10.
- ГАЯО. Ф-230. Оп. 13 Д. 3235. Л. 12-13 об.
- ГМЗРК. АД-730. Л. 123-об.
- Там же. АД-730. Л. 129-об.
- Известный ростовский краевед А. А. Титов ошибочно датирует постройку братского корпуса 1824 годом – годом смерти архиепископа Антония, который ушёл на покой ещё в 1820 году. См.: Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М.: Синодальная типография, 1885. С. 243.
- ГАЯО. Ф-230. Оп.5. Д. 4685. Л. 1-14.
- ГМЗРК. АД-730. Л. 121-121-об.
- В 1936 году Ярославская область была отделена от ИПО, но Ильинско-Хованский район остался в составе Ивановского региона.
- ГАИО. Ф. 1661 Оп. 1 Д. 19 Л. 1-2.
- Добротин Иван Михайлович // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века: сайт.
- http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/qrgenerator//qrcode/no_dbpath/docum/ans/ans/newmr/?
- HYZ9EJxGHoxlTYZCF2JMTdG6Xbu2fe5Ui8cfG06ce0h66mctO0deuuWeCQ* дата обращения: 10.01.2019 г
- В 1924 году отец Алексий предстал с группой священников перед судом, за то, что не зарегистрировал церковный совет. Но суд неожиданно вынес оправдательный приговор: Дневники С. А. Соколова / Публикация Л. Ю. Мельник // Сообщения Ростовского музея Выпуск VIII. Ростов, 1995 С. 216. Не известно точно, вернулся ли он на служение. Внук отца Алексея в электронном письме на адрес монастыря сообщил, что дед так на свободу и не вышел.
- ГАИО Ф.1661. Оп. 1 Д. 19 Л. 52, 58, 68, 69,72,77.
- В период 1930-1937 гг. мы знаем, как минимум трёх священников (один из них обновленец – прошёл на приходе всего несколько месяцев) и двух диаконов. При этом точно установить личности арестованных в 1937 году пока не представляется возможным.
- ГАИО. Ф. Р-29559. Оп. 3 Д. 718 Л. 2-3, 16.
- Там же. Д. 718. Л. 13-14.
- же. Д. 122. Л. 2.
- Там же. Д. 122. Л. 4.
- ГАИО. Ф. Р-2959. Оп. 1 Д. 122 Л. 1.
- ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. С-4535. Л. 186.
- Там же. Л. 286.

А.Ю. Парфёнов,
священник

Обзор краеведческих работ по датировке явления Иисусова Креста

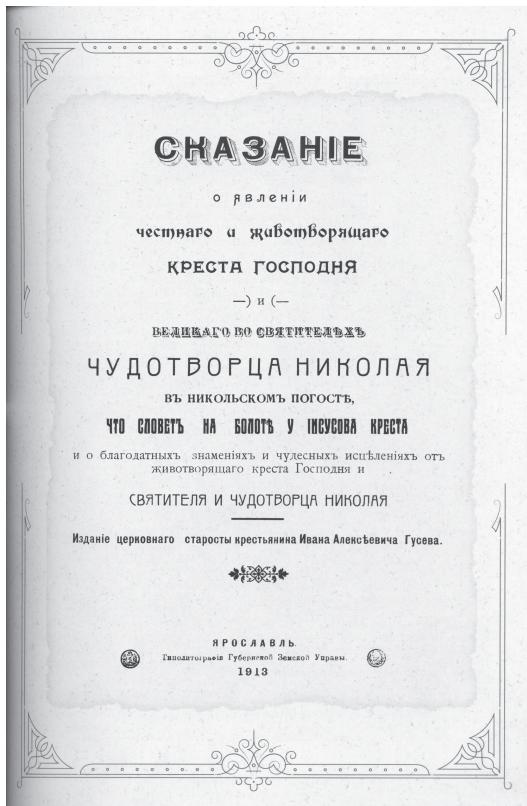
Чудотворный образ Распятия много веков хранился в церкви Никольского погоста у Иисусова креста Ростовского уезда. Место, где явилась и почиталась прославленная святыня, располагается ныне в Ильинском районе Ивановской области. До 1776 года на месте явления стояли деревянные храмы, после – кирпичный Воздвиженский храм с Никольским приделом. Рядом был выстроен двухэтажный корпус, здесь жили священники и работала школа. К 70-м годам XX века населённый пункт «Никольский погост» обезлюдел, здание церкви было разрушено. В XXI веке церковь была восстановлена, возрождён жилой корпус и на территории святого места учреждён монастырь Животворящего Креста Господня Шуйской епархии (Иваново-Вознесенская митрополия). В 1940 году верующие перенесли Иисусов крест из закрытой церкви Никольского погоста в церковь Иоанна Златоуста села Годеново¹, где он по ошибке называется «Годеновским».

В науке разделяются литература по заданному предмету и собственно исторические источники: материальные свидетельства, рукописи и их публикации. Задача предлагаемой ниже заметки в приведение в порядок хронологии выпущенных статей и книг о явлении Иисусова креста, чтобы выявить дальнейшее направление поиска исторических источников. Непосредственное исследование самих источников ещё впереди.

Наиболее ценным среди них является «Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и Великаго Святителя и Чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова Креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от Животворящего Креста Господня и Святителя и Чудотворца Николая»², далее – Сказание. Первая его часть, о явлении Креста, опубликована в настоящем сборнике в разделе «Наши публикации».

Однотипное печатное издание Сказания, которым мы пользуемся, состоялось впервые в 1874 году по списку рукописи, хранившейся в Никольском погосте у Иисусова креста. Публикацию осуществил церковный староста погоста В. П. Ехлаков. Сказание переиздавали неоднократно, например, в 1913 году его слово в слово перепечатал староста Никольского погоста И. А. Гусев³, а также оно издаётся с конца XX века до наших дней⁴.

Научного издания списков рукописей Сказания, судя по всему, немногочисленных, не существует. В монографии филолога М.С. Крутовой имеется, например, упоминание рукописи, хранящейся в Российской Государственной библиотеке в Москве. Она датирована 1809 годом⁵. Впрочем, имеющаяся печатная публикация вполне отвечает запросу первоначального изучения, но в дальнейшем необходимо исследование всех имеющихся в архивах списков.

Согласно рукописи, на Сахотском болоте явился образ Распятия и стоящий перед ним святитель Николай, но дата события в ней не указана. На месте явления строится деревянная церковь в честь святителя, а в ней устанавливается явленный образ Распятия. Первозданная церковьостояла «много лет» и сгорела. Иисусов крест остался невредим от огня, «а святые книги и церковные ризы все сгорели без остатка, и книга с записью о чудесах Животворящего Креста тоже сгорела»⁶. Была срублена новая деревянная церковь, и в ней поставили чудотворный образ Распятия. Сказание записано снова где-то в XVII или XVIII веке, но хронология в нём не была установлена: «Истари, из давних лет ... а епископу тому имени за давностию лет священноионоцы и сказать не упомнили»⁷.

Зацепка для уточнения датировки имеется только в слове «епископ», она подсказывает дату явления 1394–1448 годами или до 1386 года⁸ (это лишь в том случае, если слово «епископ» не является здесь обобщением архиерейского титула). Ранняя фиксированная дата в Сказании – это 1507 год. Тогда в церковь на погосте внесли пожертвование. Запись сохранилась в архиве церкви и так попала в рукопись.

В 1848 году, задолго до публикации в печати текста Сказания, на страницах периодики вышла первая обширная статья о чудотворном образе Распятия. Нет сомнения, что её автор – один из первых ярославских краеведов, Фёдор Яковлевич Никольский. Работа написана на основании Сказания, существовавшего на тот момент только в рукописной форме. С её помощью автор делает первую попытку выявления времени явления (создания) нашей прославленной святыни. Он пишет: «Устное предание не сохранило имени Епископа Ростовского, при котором эта церковь построена. Современный летописец Ростовский, к удивлению, не упомянул о явлении Креста.

После этого, конечно, нет никакой возможности определить с точностью год явления этой Святыни. За то можно указать приблизительно столетие. Истори-

ческими данными для этого могут служить: 1) Время построения второй деревянной церкви на месте сгоревшей. Ближайшим к этому времени обстоятельством были пожертвования в новую церковь. Первое из них сделано в 1507 году, и описано в рукописи со всею историческою подробностию»⁹.

Для выяснения времени явления Ф. Я. Никольский отталкивается от наличной даты. Расчёт несложен, для примера он приводит деревянную церковь Иоанна Богослова на Ишне 1687 года и замечает, что церковь «довольно еще свежая», а значит, вторая деревянная церковь Никольского погоста аналогичноостояла полтораста лет. По его словам, «крестоиисусовская церковь своим началом (может) войти в первую или по крайней мере последнюю половину XIV века»¹⁰. Предложенная им умозрительно датировка надолго вошла в литературу и неизменно упоминается другими авторами.

Может быть, день и год явления дошли до нас по преданию, как бесхитростно пишет об этом государственный эксперт Т.Л. Васильева¹¹? Однако сомневаться в «предании» заставляют некоторые обстоятельства. Во-первых, отрицательное свидетельство Сказания. Во-вторых, изданная в 1885 году справочная публикация о Никольском погосте в книге ростовского краеведа Андрея Александровича Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии». Она составлялась, в том числе, благодаря опросам с мест:

«Раньше же здесь были две деревянные церкви: одна построена в начале XIV века¹², в год явления креста Господня, а стоявшая до 1506 года, в который и сгорела, а вторая была построена вместо сгоревшей и существовала до 1716 года»¹³.

Составитель статьи «Погост Никольский, что у Иисусова креста» между прочим приводит список более двенадцати крестных ходов, но ни один не проводится 29 мая¹⁴. Он интерпретирует Сказание по-своему и, если бы знал настоящую датировку, то привёл бы её. Вместо этого им предлагается рационалистическая датировка – 1 ноября 1467 года. Приведём большую цитату и оценим характер авторской мысли (м.б. его корреспондента или сотрудника):

«Можно так же допустить, что гора, на которой он явился, поднялась из местного болота, в XV веке; это произошло, смотря на предмет с естественной точки зрения, вследствии подземного вулкана, как и вся горная гряда, идущая из Угличского уезда по направлению к Кресто-Иисусовской горе и оканчивающаяся горой Зимилихой у сел Назорного и Ильинского, имеет характер вулканического образования. Сомневаться в подъеме Кресто-Иисусовской горы из болота нет никакого основания, при полной достоверности означенного сказания в других частях повествования.

Теперь спрашивается: действие этого вулкана не совпадает ли с тем физическим явлением, которое у летописца отмечено под 1-м ноября 6975¹⁵ (1467 г.), когда «ставясь Ростовское озеро выло по две недели, и ночи людем в городе спать не дало, и после протяжно застучит, как бы в десятере молотят или осьмере, и за много лет того не бывало»?¹⁶

Авторитет А. А. Титова велик в ростовском краеведении. Не имея высшего образования, он скупал рукописи как исторические источники и всю жизнь занимал-

ся выпуск научно-популярной литературы, список которой насчитывает более 700 изданий¹⁷. Это публикации рукописей в печати, выпуск справочников, путеводителей, исторических эссе, этнографических заметок и тому подобное. В XX веке всё ростовское краеведение держалось на его изданиях, потому что в это время рукописные источники мало использовались в научно-популярной литературе.

Впервые, а также раз и навсегда, 29 мая 1423 года как дата явления чудотворного креста появляется в 1890 году в новом печатном труде А. А. Титова – «Летописец о Ростовских архиереях». В первой части книги, правда не впервые, опубликован текст этого старинного памятника русской истории и словесности¹⁸, но в нём упоминание об Иисусовом кресте вообще отсутствует. Датировка находится во второй части книги под заголовком «Примечания к Летописи архиереем Ростовским членом-корреспондентом А.А. Титова». Это – справочный материал, он написан самим ростовским краеведом, на современном языке. Сначала в статье о епископе Дионисии даются добротные ссылки на справочники, но после, в продолжение статьи, А. А. Титов даёт собственный материал, в том числе, «по Ростовскому летописцу был (Дионисий) поставлен в лето 6926 г. июля в 12 день митрополитом Фотием. При нем (Дионисии) же на Сахотском болоте в 6931 мая в 29 день явился животворящий крест с иконою св. Николая чудотворца»¹⁹.

Здесь им, к сожалению, даны только две ссылки на письменные источники. А. А. Титов обозначил их как «рукописи моего собрания». Сразу под словами «Ростовский летописец» примечание ведёт к рукописи № 3494. Найти её описание несложно, поскольку ещё в 1889 году ростовский краевед издал охранный каталог своей коллекции²⁰, и доныне сама она хранится по воле собирателя в Российской национальной библиотеке (РНБ)²¹.

Это вовсе не летопись, а справочник из двух частей. В первой части размещены статьи о Ростовских князьях. Вторая часть озаглавлена «Иерархи Ростова Великаго. Часть вторая. Сочинение А. Я. Артынова»²². Александр Яковлевич Артынов – это известный корреспондент А. А. Титова, грамотный ростовский крестьянин и староста церкви в селе Угодичи²³. Похоже, А. А. Титов почти слово в слово процитировал свой «источник»: «Дионисий Архиепископ 1418 год. Дионисий Игумен Спасокаменского Вологодского Монастыря проживал до посвящения своего во Епископы в Московском Богоявленском монастыре посвящен в Архиепископа Ростову в лета 6426 июля в 12 день Митрополитом Фотием, при этом Архиепископе явился чудесно Животворящий Крест Господень с иконою свят. Николая на «Сохатском» болоте при нем же пришел в Ростов св. Исидор блаженныи, Дионисий скончался в лето 6933 октября 18 дня»²⁴.

Ссылка очень обобщённая, не содержит новых данных. А.А. Титов на той же странице своего труда, но в статьях о других епископах, Григории и Ефреме, ссылается на другую свою рукопись – № 2768. Это написанная от руки книга, она озаглавлена «Ростовской летописец А. Артынова» и создана в 1881 году (также ныне хранится в РНБ). По счастью, в 2010 году текст рукописи опубликован полностью в печатном виде. Конечно, это не исторический источник, а некий вольный пересказ услышанных народным писателем сведений. Здесь авторский

текст по структуре, действительно, подобен летописи с погодными записями, но по стилистике похож на народный лубок:

«1423. Голод и моровое поветрие с новой силой повторились еще (раз) при наместнике Ростовском князе Александре Ивановиче Хохолкове, сыне князя Ивана Андреевича Брюхатого, и архиепископе Ростовском Дионисии, но бедствие это люди скоро совершенно забыли, (после) посетившей их духовной радости и торжества. Это было явление – животворящего Креста Господня с иконой Святителя Николая на непроходимом Сохатском болоте»²⁵.

В рукописи к годовым статьям внизу приложено примечание автора, весьма информативное, и, тем не менее, легко заметить, что 29 мая и здесь не упомянуто: «О явлении Креста Господня рукопись П. В. Хлебникова говорит следующее: “В лето 6931 (1423) голод моровое поветрие повторились при Ростовском наместнике князе Александре Ивановиче Хохолкове. Но бедствие это люди скоро забыли – были обрадованы чудным явлением животворящего Креста Господня с иконой Святителя Николая среди непроходимой трясины Сохатского болота. Ростовские князья-братья Глеб и Иван Константиновичи, вместе с владыкою Дионисием после получения вести об этом поспешили поклониться новоявленной святыне. Владыка благословил строительство церкви, а князь Иван Андреевич Ян приказал написать ваплы – четыре таких Креста Господня: для Ростовской соборной церкви, второй – для своего брата, князя Владимира Андреевича в сельцо Никола-Дудник, третий – в свою отчину, сельцо Приимково, четвертый – князю Борису Андреевичу в волость Угожь”»²⁶.

Отдельными выпусками А. А. Титов ещё дважды издавал свой справочный материал под названием «Ростовская иерархия»²⁷. Вот таким образом обнародованная им в 1890 году датировка явления Иисусова креста постепенно обрела вес.

Детальное исследование использованных им рукописных данных – задача ближайшего будущего. О том, как трудно входила в церковный обиход предложенная А. А. Титовым датировка явления Иисусова креста, можно хорошо показать на примере популярной до сих пор книги 1899 года «Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца и слава его в России». В главе, посвящённой Никольскому погосту, вкратце изложено Сказание и внесены ценные сведения о почитании святыни. Достойны нашего внимания известные и по другим справочникам престольные праздники погоста – 14 сентября и 9 мая, то есть праздники Воздвижения Креста и святителя Николая²⁸. Самое интригующее находится в примечании, которое следует читать не спеша. Заметно, что местный священник не имел побуждения праздновать 29 мая: «**Дня явления иконы**, – пишет нам настоятель, о. Николай Попов, – **не празднуем** потому, что только в последнее время опубликованы два сообщения о нем, но и те на наше несчастье, несогласны между собою, хотя сообщавшие их ссылаются на один и тот же источник. Именно, в книге А.А. Титова: «Ростовские иерархи, изд. 1890 г., при жизнеописании XXVII епископа Дионисия сказано: «по Ростовскому летописцу при Дионисии, на Сахотском болоте, в лето 6931, мая в 29 день явился животворящий крест с иконою св. Николая Чуд.»; в Яросл. же Епарх. Ведомост. 1894 г. в № 8 в неоффц. ч. в ста-

тье «Ростовско-Ярославск. иерархи», при жизнеописании того же Дионисия, по счету уже XXIX—сказано: «По Ростовскому летописцу при Дионисии на Сахотском болоте, в лето 6931(1423) **мая 24** дня явился животворящий крест с иконою св. Николая чуд»²⁹.

В любом случае, поиск новых источников с прямым упоминанием явления Креста Господня и их исследование должны быть продолжены, в том числе и по косвенным данным, включая исследование самого Креста как образца древнерусской деревянной скульптуры. Что говорят о Кресте искусствоведы?

Первое и впечатляющее описание Иисусова креста как памятника искусства дал Ф. Я. Никольский в далёком 1848 году: «Самый образ Божественного Страдальца вырезан из липового дерева. Печать отдаленной древности лежит на святом изображении. Несмотря на давность существования Креста и недолговечность существа, из которого он сделан, время не смело коснуться изображения Того, Кто неприкосновенен существом своим. Оно доселе сохранило первобытную свежесть. Простота материала не помешала художнику изобразить священную идею с искусством так, что не только вид Распятого, но и самое выполнение художественной мысли возбуждает в зрителе глубокое благоговение к святому изображению. — Чистота отделки, естественность изображения и высота мысли художественно воплощенного в веществе, не принятом для произведения искусства, — свидетельствуют о высокой степени развития в отечестве художника, из под резца которого вышло это святое произведение. Надпись на Кресте «I, Ставру икон» начертано полурусскими буквами, вероятно в более позднее время неопытным подражанием изгладившемуся или поврежденному оригиналу, — еще более утверждает в мыслях, что этот Крест — произведение не нашего отечества, где искусства до времени Преобразователя стояли на низкой степени»³⁰.

Снова в историю искусства чудотворный образ попал в 1906 году, когда И. И. Шляпкин опубликовал его в книге-альбоме исследований о русских средневековых крестах. В представленном им описании явно ничего нового: «Любопытный крест Никольского погоста в Ростовском уезде деревянный, резной, почти в рост человека, с полурусской, полугреческой надписью «Ставру икон» существовал еще до 1507 года, а по некоторым данным должен быть отнесен к XIV веку. (См. снимок с фотографии)»³¹.

Нашей святыне посвящено также несколько страниц в монументальном труде Г. К. Вагнера 1974 года о русской скульптуре:

«Не исключено, что уже в начале или в середине XIV века появились большие скульптурные распятия с одной крупной фигурой Христа «статуарного» характера, но пока единственным известным подобного типа является деревянное Распятие из церкви Никольского погоста бывшего Ростовского уезда ... И.И. Шляпкин, опубликовавшей фотоснимок с этого креста, снабдил его датой – XIV век, но в Сказании о явлении данного креста, на которое ссылается Шляпкин, такой даты нет. В надписи под крестом фигурирует дата «1425 год». По видимому у Шляпкина были какие-то дополнительные материалы»³².

Предположительно, что у самого автора тоже были какие-то «дополнительные материалы», возможно, присланные работавшим тогда в Ростове искусствоведом В. Г. Пуцко. Значит, датировка явления святыни 1425 годом как-то всплыла в солидной советской литературе и сближается с датой 1423 года. Заслуживает внимания данное Г. К. Вагнером стилистическое определение образа: «Перед нами так называемая «блочная» скульптура, без какой-либо пластической проработки деталей, что было характерно для западной романской пластики вплоть до XIII века ... Отзвуки романского понимания образа в рассматриваемой фигуре Христа проявляются в порознь прибитых к кресту ногах Христа, в акцентировке пропорций раскинутых рук, особенно в преувеличении ладоней, что романские мастера особенно любили. Но уменьшение головы (1:8) выдает знакомство с готикой»³³.

Недавно попытку анализа иконографии Иисусова креста предпринял В. Г. Пуцко. Он попал под обаяние датировки 1467 года и даже пытался найти подходящие под эпоху стилистические признаки. В целом можно согласиться с маститым искусствоведом, что способ и манера изготовления чудотворного креста не имеют аналогов в русской средневековой резьбе, которая была более плоской и менее динамичной. Учёный замечает, что больше, нежели с резьбой, в иконографии образа обретается сходства с православной металлоконструкцией XIII–XVI веков. По его словам, «...крест из Никольского погоста Ростовского уезда... воспринимается как образец европеизированной скульптуры, хотя и не принадлежащей к одному из классических художественных стилей»³⁴.

Косвенные данные о возрасте Иисусова креста могут дать как сам его материал, так и иконография с палеографией. Действительно, в ходе прошедшей в 2002-03 годах реставрации нашли неизвестную ранее надпись по-славянски «Царь славы», с характеристикой: «Киноварные надписи исполнены красивым

Резной Крест в Тулузе, Франция. Фото автора

нения практически не исследованы. Долгое время, на основании предположения Ф. Я. Никольского, именно XIV век использовался в литературе как время явления Иисусова креста. В 1880 году А.А.Титов предложил не получившую признания рационалистическую датировку – 1 ноября 1467 года. В 1890 году он предъявил новую точную дату – 29 мая 1423 года, но при этом сослался на неизвестный до сих пор исторический источник, вероятно, почерпнутый из обширного рукописного наследия А.Я. Артынова. Можно лишь констатировать, что другие имеющиеся источники этой датировке не противоречат, но и не несут в себе точного дня и года. Таким образом, цель библиографического обзора достигнута. Для окончательно вердикта о времени явления необходимо исследовать следующие рукописные источники по истории великой святыни:

1. Все списки Сказания;
2. Круг рукописей из собрания А. А. Титова, где упоминается прославленная святыня;
3. Архивные материалы Никольского погоста у Иисусова креста;
4. Архивные материалы по реставрации 2002-2003 годов.

Думается, что в текущем юбилейном году такая работа по силам настоящим исследователям и патриотам России. На практике, до проведения полных исследований рукописного материала, о принятой датировке корректнее упоминать, как «согласно данным краеведов XIX века». Несомненно, что следует осторожнее заниматься историософскими построениями вокруг отмечаемой даты³⁶, пока научное сообщество не закрыло сей вопрос окончательно.

уставом, в котором ощущимы традиции XIV – начала XV веков»³⁵.

Итак, в работах историков искусства датировка явления чудотворного креста имеет примерно одинаковый результат, а именно, «XIV – начало XV веков, 1425 год». Без сомнения, изучение иконографии и палеографии Иисусова Креста в широком контексте русского, византийского и европейского искусства ещё впереди, и, заодно, необходимо введение в научный оборот корпуса архивных рабочих документов, отложившихся в ходе реставрации ростовской святыни.

Что удалось выяснить? Введённые в научный оборот летописные источники о явлении Креста в Ростовском уезде умалчивают. Имеющиеся рукописные списки более позднего Сказания

- Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста... Сост., предисл. О.А. Балагуров. С. Погост Крест, Монастырь Животворящего креста Господня. 2019. С. 16.
- Сказание. Ярославль Изд. В. П. Ехлакова, 1874, 1882, 1892. Неоднократно переиздавалось в наше время. В 1998 году автор этих заметок передал дискету с текстом Сказания по ксерокопии из библиотеки Ростовского музея в Никольский женский монастырь Переславля-Залесского.
- Сказание. Ярославль Издание церковного старосты крестьянина Ивана Алексеевича Гусева, 1913., факсимильное издание: Иваново, 2019. Ссылки в статье выше даются по этому изданию.
- Сказание. М. Издание храма Спаса Нерукотворного Образа в Андронниковом монастыре, 2000. 24 с. Это первое переиздание наших дней.
- Круглова М. С. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности М., «Мартис», 1997. С. 134.
- Сказание. С. 3.
- Сказание. С. 5.
- Парфёнов Александр, священник К вопросу о времени появления сана архиепископа у архиереев ростовских // История и культура Ростовской земли. Сборник материалов конференции Ростов, 2012. С. 35-41.
- (Никольский Ф. Я.) Наблюдения путешественника по Ростовскому уезду // Ярославские губернские ведомости 1848 №№ 35 и 36. С. 176.
- Там же. С. 177.
- Васильева Т. Л. К уточнению атрибуции Годеновского Креста // XXI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995) Сборник статей. Ярославль, 2017. С. 5–10. Благодарю за указание Е. К. Шадунц, г. Переславль.
- Никольский Ф. Я. Путеводитель по Ярославской губернии Ярославль, 1859. С. 332.
- Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 238.
- Там же. С. 241.
- Типографская летопись. ПСРЛ. Том XIV. М. «Языки русской культуры», 2000. С. 186.
- Там же. С. 242.
- Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911) М. «Восточная литература», 2001. С. 216.
- Тарасов А.Е. О времени и обстоятельствах создания «Летописца о Ростовских архиереях» // История и культура Ростовской земли: Материалы конф. 2012, Ростов, 2013. С. 200–210.
- Титов А. А. Летописец с Ростовских архиереях, СПб, 1890. Примечания. С. 14.
- Титов А. А. Охранный каталог славяно-русских рукописей. Выпуск четвертый. М. Типография Л. и А. Снегиревых, 1889.
- РНБ Отдел рукописей Фонд 775 (Собрание А. А. Титова), ед. хр. 3262 «Великие князья, иерархи Ростова» (Тит. 3494) / Опись фонда из собрания Андрея Александровича Титова Отдела рукописей Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ) 1, 3, 157 с. – Ленинград, 1987. (машинопись) Л. 114.
- Артынов А. Я. «Великие князья, иерархи Ростова» РНБ Оп.775. ед. хр. 3262 (Титов 3494) 245 лл.
- Бегунов Ю. К. Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым Женева “Буй Турь”, 2000. С. 9–10.
- Там же. Л. 29, 29 об.
- Артынов А. Я. Ростовский летописец. (по рукописи РНБ Титов 2768) Часть II. М. «Актеон», 2010. С. 14.
- Там же. Примечание 58. С. 14–15.
- Титов А. А. Материалы для истории русской церкви. II. Ростовская иерархия // Чтения в Обществе любителей древней письменности 1890 Вып. 5–6 (Отд. III). С. 43; Отдельный оттиск: Ростовская иерархия. Материалы для истории русской церкви. [Вып. 2]. Типография Л. и А. Снегиревых. М., 1890.
- Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 181.
- Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца и слава его в России СПб, 1899. С. 698, примечание 550.
- (Никольский Ф. Я.) Наблюдения путешественника ... С. 179.
- Шляпкин Н. А. Древние русские кресты: 1. Кресты новгородские до XV века, не подвижные и не церковной службы. СПб, 1906. С. 13.
- Вагнер Г. К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в искусстве XIV–XV веков. М., 1980. С. 174, 177–180.
- Там же. С. 174, 177.
- Пуцко В. Г. Иисусов Крест из Никольского погоста (около 1467 г.). Скульптурное распятие в русском пластическом искусстве // Сообщения Ростовского музея. Вып. XII. Ростов, 2002. С. 268–273.
- Васильева Т. Л. К уточнению атрибуции ... С. 9.
- Шкатов М. Е. (составитель) Беседы в Годеново М., «Отчий дом» М., 2014. С. 25.

**«Сказание о явлении честного и животворящего
Креста Господня и великого во святителях
чудотворца Николая в Никольском погосте»
между историческими реалиями
и агиографическими топосами**

Поклонные кресты, помещаемые внутри храмов, и представляющие собой образ Распятия (со скульптурным или живописным изображением Спасителя), покоящиеся, как правило, на основании, символически имитирующем Голгофу, стоят практически в каждом православном храме и являются одним из самых массовых объектов церковного поклонения, что уже должно привлекать к ним заинтересованное внимание учёных специалистов самых разных специальностей гуманитарного профиля. И тем более такое внимание должно быть оправданным, если вспомнить, что среди храмовых поклонных крестов есть такие, которые почитаются чудотворными.

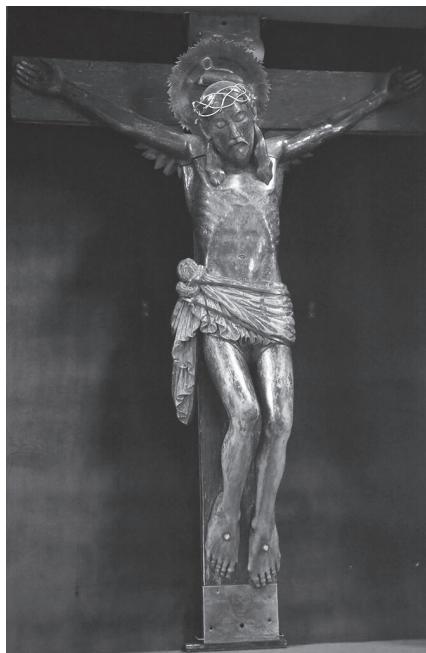
В их числе можно указать на Дмитровский чудотворный крест, который, по преданию, в 1291 г. приплыл против течения по реке Яхроме к городу Дмитрову, где сразу же явил первое своё чудо, даровав прозрение слепорождённой девице, и продолжал подавать чудесные исцеления и в дальнейшем¹. А в городе Арзамасе со второй половины XVII в. почтился крест, о котором рассказывали, что он был дарован ангелом арзамасскому жителю из семьи Шаянских во время посещения им Макарьевской ярмарки; от Макарьева до Арзамаса крест этот был на руках перенесён в Арзамас, где до начала XX века пребывал в церкви Ильи Пророка, прославившись многочисленными чудесами². В XVIII в. на Белгородщине чудотворный крест появился в селе Кошары. В середине того столетия он был прислан местному помещику его родным братом – послушником Афонского монастыря. Помещик, будучи человеком весьма неблагочестивых нравов, однажды приказал бросить крест в болото, что и было исполнено. А в конце XVIII в. некий слепец услышал во сне голос, обещавший ему исцеление, если он вынесет из Кошарской трясины поруганную святыню. При помощи нескольких помощников ему удалось отыскать крест, приложившись к которому, слепой тотчас прозрел. А чудотворный крест и впредь продолжил подавать исцеления³. В XIX в. в Забайкалье избавления от посещавших тот край эпидемий чумы, засух и иных бедствий связывали с чудотворным крестом из села Бырка Нерчинско-заводского округа. В 1824 г. крестьянину Ивану Семеновичу Преженникову в сонном видении было указано на три дерева, стоявшие в пади Гадари на реке Уров, выше промысла Кудои, и повелено срубить среднее из них, а из него соорудить изображение распятого на кресте Христа Спасителя, что и было исполнено. Прославление этого креста в качестве чудотворного произошло после того, как в 1868 г. он

был принесен в село Цаган-Олуй, где прекратил вспыхнувшую чуму. Причём, указание принести туда крест было получено от святителя Николая, чудесно явившегося в сонном видении одной заболевшей девице. Впоследствии успешно избавлявшие от различных несчастий крестные ходы с Быркинским крестом устраивались ежегодно⁴.

Однако, безусловно, самым известным и самым почитаемым явленным чудотворным крестом среди святынь Русской Православной Церкви является крест, явленный на Сахотском болоте и пребывающий ныне в храме святителя Иоанна Златоуста в селе Годеново Ростовского района Ярославской области (отчего часто его именуют

Дмитровский чудотворный крест

Арзамасский чудотворный крест

«Годеновским»). В соответствии с постановлением Священного Синода РПЦ от 25.08.2022 г. мы будем именовать его «Животворящим». Чтобы убедиться в популярности этой святыни, достаточно заглянуть в интернет, где количество материалов, посвящённых «Годеновскому кресту», в несколько раз превосходит материалы о четырёх вышеупомянутых чудотворных крестах вместе взятых. При этом и ресурсы интернета, и регулярно появляющиеся печатные публикации о Животворящем кресте в подавляющем большинстве своём носят популярный, духовно-просветительский характер (что само по себе отнюдь и не плохо). В лучшем случае, авторы этих материалов пересказывают тексты двух литературных сочинений – Сказания о явлении Животворящего креста и Сказания о его

чудесах, да повторяют сведения, почерпнутые из трудов ростовских краеведов XIX в. Ф.Я. Никольского и А.А. Титова.

В научном плане интерес к Животворящему кресту проявляли преимущественно искусствоведы, которые в своих работах предлагали различные датировки этого произведения средневековой монументальной пластики; выявляли художественно-стилистические особенности, объединяющие Животворящий крест с искусством Западной Европы; прослеживали влияние Сказания о явлении Животворящего креста на изделия мастеров ростовской финифти⁵. Поднимались в историографии вопросы историко-архитектурного характера, связанные с храмоздательной деятельностью на месте явления чудотворного креста⁶. Рассматривались возможные взаимосвязи текста Сказания о явлении Животворящего креста с русскими народно-религиозными представлениями фольклорного характера⁷. Предпринимались попытки разобраться в истории текстов Сказания о Животворящем кресте и Сказания о чудесах и определить художественную и историческую ценность этих литературных сочинений⁸.

Очевидно, небольшой объём научных исследований, так или иначе касавшихся Животворящего креста, обусловлен тем, что историкам, филологам, культурологам, религиоведам и представителям других учёных специальностей приходится сталкиваться с откровенным дефицитом материалов, на основе которых они могли бы построить свою работу. Так, исследователи историко-филологического профиля могут воспользоваться в качестве источников, по сути, лишь двумя текстами: Сказанием о явлении Животворящего креста и Сказанием о его чудесах. Причём тексты эти приходится брать из печатных публикаций второй половины XIX – начала XX вв., которые даже для своего времени не отвечали академическим требованиям к научно-критическим изданиям⁹. С тех пор появилась только одна новая публикация краткой редакции Сказания о явлении Животворящего креста¹⁰.

А когда историк, за неимением лучшего, открывает эти печатные издания Сказаний, то вновь сталкивается с дефицитом – дефицитом их внутреннего фактического содержания. Прежде всего, это касается Сказания о явлении Животворящего креста. (Сказание о чудесах определённо богаче в содержательном плане.) Из Сказания о явлении мы не можем узнать ни даты этого явления, ни дат постройки двух деревянных церквей на месте обретения креста, ни имён лиц, участвовавших в обретении святыни, строительстве и освящении связанных с ней храмов. Ладно бы были опущены только имена пастухов, первыми пришедших к явленному кресту, но нет даже имён ростовских архиереев, дававших благословение на возведение храмов. Максимум, что мы имеем, так это поимённое указание в пространной редакции Сказания о явлении тех лиц, которые побудили автора Сказания начать работу над ним, и поделились с ним скучными припоминаниями об истории Животворящего креста. А датировка одних и тех же событий в разных списках пространной редакции «разбегается» от 1667 до 1750 г. Конечно и с таким скучным противоречивым исходным материалом всё

равно нужно работать. Вот только ни быстрого, ни богатого результата ждать от такой исследовательской работы не приходится, о чём и свидетельствует более чем красноречиво невеликий объём историографии Животворящего креста.

И, тем не менее, есть одно направление в изучении текстов Сказания о явлении Животворящего креста, которое уже сейчас определённо может принести заметные научные результаты. Для этого нужно взглянуть на Сказание не как на источник сведений о реальных исторических фактах, а как на сложную, взаимосвязанную систему агиографических топосов. В данном случае топос понимается как более или менее часто встречающееся в агиографической литературе (то есть литературе, повествующей о святых и святынях) стандартное описание определённых, повторяющихся ситуаций, литературное клише. Первый шаг в направлении такого не конкретно-исторического, а семантико-типологического изучения Сказания о явлении Животворящего креста уже был сделан. В статье А. Мороза и Э. Семивраговой был описан набор топосов, на которых построено интересующее нас Сказание: чудесное путешествие святыни по небу, перемещение её из далекого сакрального центра, явление её в пустынном, нежилом пространстве простым людям (пастухам), получение чудесного знака, который указывает на местонахождение святыни (например, свечение), нежелание святыни пребывать в каком-либо уже существующем храме или построенном не на месте обретения, а в более удобном для людей месте, самовольное возвращение перенесённой святыни на место её обретения¹¹. К этому перечню можно добавить ещё ряд позиций, например, чудесное преображение местности после явления святыни, спасение святыни из огня пожаров без всякого вреда для себя. Но вместо того, чтобы просто механически продолжать этот перечень, мы в настоящей статье попробуем подробно рассмотреть топосы полёта святыни по воздуху, обретения святыни пастухами, явления святыни на лоне дикой природы и преображения окружающей местности после чудесного явления. Подберём такие же топосы из иных агиографических сочинений и попробуем оценить, насколько Сказание о Животворящем кресте типично или, напротив, оригинально по сравнению с ними. А кроме того постараемся понять роль рассматриваемых топосов в раскрытии идейного и духовного замысла автора Сказания о явлении Животворящего креста.

Самый заметный агиографический топос, находящийся в тексте Сказания о явлении Животворящего креста, который более всего вызывает интерес в литературе, посвящённой данной святыне, это перелёт святыни по воздуху из Греции на место своего явления на Сахотском болоте под Ростовом. В Сказании внимание читателя к этому чудесному перелёту привлекается через сопоставление Животворящего креста с иконой Иверской Божией Матери: «Якоже бо и образ пресвятая Богородица прииде из Иверского царства во святую гору Афонскую по воздуху Божиим промыслом; тако и зде на болоте явися Крест пресвятый»¹². Благодаря такому сопоставлению Животворящий крест становится бровень с од-

Иверская икона Божией Матери. Афон

ной из самых почитаемых святынь Православия, каковой является Иверская икона. А вместе с этим подчёркивается именно типологичность, а не уникальность воздушного путешествия явленной святыни.

Хотя стоит отметить, что прилёт по воздуху отнюдь не самый распространённый способ появления новообретаемой святыни. Даже Иверская икона, как мы это увидим ниже, летает отнюдь не во всех редакциях Сказания о ней. В качестве типичного примера летающей святыни можно упомянуть ещё икону Успения Пресвятой Богородицы из болгарского города Несебыр, о которой в одном из вариантов предания

совершенно недвусмысленно говорится: «Наша чудотворная икона прилетела к нам из греческого города Мегара и села на дерево»¹³. Зачастую же полёт иконе лишь приписывается на основе косвенных признаков. Так, например, Тихвинская икона Божией Матери, согласно ранним редакциям Сказания о ней, неоднократно исчезала в одних местах, а потом являлась в других «на воздухе»¹⁴. То есть, в редакциях Сказания о Тихвинской иконе, созданных до конца XVI столетия включительно, святыня в воздухе лишь стоит, но не «переносится», не летает. Однако в позднейших редакциях, составлявшихся в середине – второй половине XVII в., «невидимые переходы» иконы стали расцениваться и описываться именно как полёты по воздуху¹⁵. Весьма вероятно, что, как и в случае с Животворящим крестом, мотив полёта святыни по воздуху мог возникнуть под влиянием знакомства авторов поздних редакций Сказания о Тихвинской иконе со Сказанием об иконе Иверской. Замечание о том, что Тихвинская икона летела над озером Нево (Ладожским) «быстрее полёта орла»¹⁶, чрезвычайно близко к тексту первой древне-

русской редакции Сказания об Иверской иконе, которая над морем перемещалась «быстрие орлова летания»¹⁷.

В подавляющем большинстве сказаний о чудесных явлениях святыни появляются вообще без всякого разъяснения «технического способа» их перемещения. И исходный пункт чудесного путешествия обычно остаётся неназванным. Святыня просто является «ниоткуда» и «неизвестно как». Но даже если в некоторых сказаниях и сообщается о том, откуда святыня явилась на место нового обретения, то способ её перемещения и в этом случае может не раскрываться. Чаще же всего новоявленные святыни прибывают на место своего обретения водным путем – по реке или по морю. И это объяснимо – за таким способом чудесного путешествия святыни могут стоять вполне жизненные реалии эпохи иконоборчества. В литературных памятниках, связанных с той эпохой, неоднократно описываются ситуации, когда православные, желая спасти икону от поругания еретиками, возлагают её на воды, предоставив её судьбу воле волн.

Показательно, что в трёх редакциях Сказания об Иверской иконе Божией Матери, которые были распространены в древнерусской письменности, имеются все три способа перемещения иконы в Иверский афонский монастырь. Плаванье по морю представлено в самой поздней – третьей редакции, текст которой был помещён в книге «Рай мысленный», напечатанной в 1658–1659 гг. в Иверском монастыре на Валдае. Эта редакция представляет собой перевод на церковно-славянский язык с греческого двадцать первого чуда Богородицы из книги критского монаха Агатия Ландоса «Грешников спасение» (1641 г.)¹⁸. Там действие начинается в Никее – благочестивая вдова, спасая образ Богородицы от иконоборцев, «верже икону в море, и оле чудесе, не паде косвено, но право верху воды путь творящи, течаше к западом солнца»¹⁹. А затем эту икону из моря достают монахи Иверского монастыря²⁰.

Вторая редакция Сказания об Иверской иконе Божией Матери известна только в одном списке в сборнике сочинений Максима Грека 1660 г. – рукопись Российской национальной библиотеки, Соловецкое собрание 495/514.²¹ Согласно данной редакции икона первоначально была водружена над воротами города Фазис. Город этот за грехи его жителей был поглощён морем, но икона до этого «сошла с ворот», а потом «явилась в Святой Горе» более чем за три тысячи вёрст от Фазиса. Как она преодолела это расстояние – по воде, или по воздуху, или каким-то иным способом, – ничего не говорится.

А интересующее нас путешествие Иверской иконы по воздуху представлено на страницах первой редакции Сказания, которая появляется в русских рукописях в XVI в.²² В этой редакции исходной точкой чудесных событий является город Трапезунд в Иверском царстве. Живущий там отрок-сирота, не желая отдать в руки алчных родственников своё последнее сокровище – наследственную икону Богородицы, приносит её на берег и «опуша ея на воду, на море. И се аbie поднявся честная оная икона от воды на воздух, якоб мощно рукою досягнути. И поиде сама от себе быстрие орлова летания.»²³ В конце пути икона «прииде во

едино место Святыя горы», где её, «плавающу близ брегови», нашли и получили в свои руки монахи – «и се устремися икона выскочи отводы сама от себе на руце игумену»²⁴.

Обращает на себя внимание, что и в Сказаниях о «летающих» иконах сохраняется связь с мотивом плавания по воде, пусть даже в редуцированном виде. Например, в болгарской традиции легенды о летающих иконах распространены преимущественно на побережье болгарского Поморья²⁵, где чудесное плавание святыни выглядит более органично, чем полёт по воздуху. Очевидно, мотив полёта дополнял мотив плавания, по мере того, как новообретаемые святыни стали являться в глубине сухопутной территории. Показательно в этом отношение предание об Иконе Богородицы, именуемой Римлянина, где комбинируются водный и воздушный способы перемещения святыни. Во время иконоборческих гонений в Константинополе Патриарх Герман спускает эту икону в море. «Икона плывет и достигает Тибра и Рима. Папа Григорий встречает её с почестями и несёт в собор Святого Петра. После победы над иконоборцами икона … сама поднимается в воздух и летит, несомая ангелами, как предполагает повествователь. Она достигает Тибра и пускается в обратный путь…»²⁶, доплыvая до Константино-поля. Вот и применительно к истории явления Животворящего креста, понятно, что приплыть из земли греческой на Сахотское болото было невозможно. Можно было только прилететь. Поэтому Автору сказания о явлении и понадобились уже осенённые церковным авторитетом тексты о летающих святынях. Обращение в этом контексте именно к первой редакции Сказания об Иверской иконе Божией Матери, не в последнюю очередь, могло быть обусловлено тем, что списки именно этой редакции были представлены в рукописях ростово-ярославской книжной традиции. Так, выше мы цитировали первую редакцию Сказания об Иверской иконе по публикации, подготовленной на основе сборника из коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области № 1265.²⁷

Поскольку в Сказании о явлении Животворящего креста его автором был задействован мотив перелёта святыни по воздуху, то нужно было указать, откуда же она прилетела. Так, во всех редакциях Сказания об Иверской иконе, на которое ориентировался этот автор, маршрут чудесного путешествия четко обозначается двумя точками: Трапезунд – Афон, Фазис – Афон, Никея – Афон. В Сказании о Животворящем кресте такого чёткого и недвусмысленного указания нет. Есть намёк, построенный на использовании ещё одного агиографического топоса – «неизреченного», «пречудного» света, сопровождающего явление креста на Сахотском болоте (С. 6), а позднее указанного места строительства церкви для новоявленной святыни (С. 8). В отличие от мотива воздушного полёта, мотив чудесного света имеет в агиографической литературе самое широкое распространение²⁸. Например, в Сказании об Иверской иконе, в третьей редакции фигурирует «пламень огня, яко столп некий (бяше) и верх его достизаше даже до Небес», отмечающий место появления иконы на море близ берега²⁹. Но у чудесного света в Сказании о Животворящем кресте есть важная оригинальная

особенность – он не просто «ста на болоте» «от небеси и до земли» (С. 6), он ещё был географически ориентирован: «явися о себе от греческия страны» (С. 6). И отсюда читатель Сказания мог догадаться, что и крест, явленный посреди этого «неизреченного» света, тоже явился «от греческия страны», хотя конкретно о кресте этого не говорится.

Намёк на греческое происхождение Животворящего креста в Сказании слишком ясный и прозрачный, чтобы остаться незамеченным или неразгаданным любым читателем этого литературного сочинения. И к началу нынешнего столетия репутация «греческой святыни» настолькоочно прочно закрепилась за Животворящим крестом, что на её основе стали выстраивать внушительные историософские конструкции. Дополнительным элементом такого конструирования стала дата чудесного явления на Сахотском болоте, предложенная ростовским краеведом второй половины XIX – начала XX в. А.А. Титовым – 1423 г. При такой датировке, – за тридцать лет до падения Константинополя под ударами турок, – чудесный перелёт креста из Греции в Россию представляется уже не частным случаем перенесения святыни, но генерализуется, как перенос на Русскую почту всей древней греко-византийской свяности; история явления Животворящего креста становится таким образом материальной иллюстрацией концепции старца Филофея о Москве – III Риме³⁰.

Однако 1423 г. как дата явления Животворящего креста опирается на столь малонадёжные источники, что принимать её всерьёз нет никакой возможности³¹. Да и «греческие элементы» в тексте Сказания об этом кресте отнюдь не носят такого фундаментального, системообразующего значения, какое им зачастую приписывается. В этом плане важно отметить, что оба эти элемента – и указание на явление чудесного света «от страны греческой», и соотнесение Животворящего креста с Иверской иконой Божией Матери – имеются только в пространной редакции Сказания. Кроме неё существует ещё краткая редакция, которая представлена в большинстве введённых в научный оборот списков этого литературного памятника. В краткой редакции «греческих элементов» нет. И их отсутствие нисколько не нарушает ни литературной связности, ни смысловой целостности текста, который полноценно существует без них.

Текстологическое соотношение двух редакций Сказания о явлении Животворящего креста в настоящее не установлено. По предварительным наблюдениям в них не удается выявить надёжных признаков первичности той или другой редакции. Но если предположить, что первой была создана пространная редакция Сказания о Животворящем кресте, то получится, что позднейший редактор совершил пренебрёг намёками на геополитику и историософию, и безболезненно удалил из текста оба «греческих элемента». Ну а в обратном случае – если первична краткая редакция, то выходит, что изначальное содержание Сказания было замкнуто исключительно на местные события, а геополитический контекст в духе теорий «translatio imperii» (переноса империи) был привнесён в него при позднейшем редактировании.

Именно по такому вектору шло развитие текста в разных редакциях Сказания о Тихвинской иконе Божией Матери³². В ранних редакциях о происхождении этой иконы пристодушно заявлялось: «А тое вести нет, откуду явилася», «А того никто же весть, откуду прииде»³³. И лишь позднее, в середине XVI в., редакторы вставляют в текст Сказания рассказ о её пребывании в Константинополе до прихода на Русь³⁴. Причём, в этом рассказе причины перехода святыни из Византии на Русь объясняются вполне в духе историософии старца Филофея – духовным падением греков: «по сих же нача быти в самех патриарсех и во грецах гордость, и братоненавидение, и неправда; тогда ж чюдотворная та икона пречистыя Богородица Одигитрия изыде ис царствующа града»³⁵. Однако, как уже было отмечено В.М. Кириллиным, «оставление» иконой Богородицы Константинополя не связывается здесь с покорением турками, а объясняется с позиций христианской морали³⁶. Лишь ещё столетие спустя, в середине XVII в., появляется прямое утверждение, что икона Богородицы Одигитрии пришла на Русь из Константинополя, предвида захват города турецким царём и безбожными сарацинами³⁷. Следует только ещё раз подчеркнуть, что в Сказании о явлении Животворящего креста пассажи такого рода отсутствуют; там вообще не упоминаются никакие события и никакие реалии «греческой страны».

Если же мы попытаемся посмотреть на ситуацию, описанную в Сказании о явлении Животворящего креста, не как на порождение литературного творчества, а как на отражение реальных событий, то обнаружим удивительную ситуацию: простые пастухи, узревшие над болотом чудесный свет, оказались настолько сведущи в географии, что смогли определить направление, с которого он

явился – «от греческой страны». Едва ли такое могло иметь место в исторических реалиях русского средневековья. Пастухи, типичные сельские «простечи», могли, наверное, знать о существовании «греческой страны», но вряд ли могли показать, где она находится.

Поэтому нам приходится возвращаться на литературную почву и констатировать, что «греческие элементы» в рассматриваемом Сказании привнесены его автором – просвещённым иереем Никольской церкви, работавшим над своим сочинением в первой четверти XVIII в³⁸. А это, к слову сказать, эпоха Петра I, когда идеи старца Филофея о духовно-религиозном преемстве Руси по отношению к Византии уже оказались вытесненными на периферию об-

щественной мысли. Если идеологи той эпохи и искали имперских образцов, то скорее в итальянском Первом Риме, чем в византийском Риме Втором – Константинополе³⁹.

Но мы менее всего склонны приписывать автору сказания о Животворящем кресте какие бы то ни было мотивы политico-идеологического характера. Очевидно, что мотивы, двигавшие его первом, были вполне практического свойства. Так, он, несомненно, знал надпись на верхней, короткой перекладине креста «ΙϹΤΑΒΩΡΟϹΙΚΟ». Современные исследователи считают эту надпись «несоответствующей никакому языку» и на этом основании полагают возможным поставить под сомнение греческое происхождение креста⁴⁰. Но в начале XVIII в. сельский священник таких сомнений наверняка не имел, ибо не был обременён знанием лингвистики и палеографии на современном уровне. Для него эта надпись могла являться несомненным доказательством греческого происхождения святыни. А значит, это происхождение нужно было отразить в тексте Сказания, каковой цели и послужили привнесённые в него два греческих элемента.

Если уж и есть в тексте Сказания о явлении Животворящего креста аллюзии, наполненные глубоким духовным смыслом, то это аллюзии не греко-византийские, а библейско-евангельские. И «проникают» они в текст Сказания именно в связи с использованием его автором большого числа традиционных агиографических топосов. В частности, он обращается к широко распространённой повествовательной модели явления святыни пастухам. О роли пастухов в историях, связанных с обретением явленных святынь коротко, но очень ёмко было сказано в статье А. Мороза и Э. Семивраговой: то, что именно пастухи оказываются свидетелями и первыми участниками явления святынь «связано, с одной стороны, с особенностями их работы, требующей выхода в пространство, удалённое от жилья, незаселённое и часто труднодоступное; с другой стороны, это может быть связано с подчеркнуто низким статусом пастуха в деревенском социуме... поскольку святыня открывается наименее социально защищённому персонажу»⁴¹. Такова оценка современных специалистов по агиографии и фольклору.

А воцерковлённое сознание к сюжету о пастухах, которые обретают явленную святыню и первыми поклоняются ей, сразу же проводит параллель с евангельским рассказом о поклонении пастухов новорождённому младенцу Христу (Лк. 2:8-20). И применительно к Сказанию о явлении Животворящего креста такая параллель проводилась уже неоднократно⁴². Причём именно в Сказании о Животворящем кресте есть ряд моментов, которые максимально сближают его с евангельским повествованием. Согласно Евангелию от Луки, когда перед пастухами предстал Ангел Господень, то «слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим» (Лк. 2:9). Аналогично и пастухи на Сахотском болоте видят свет и сначала пугаются его (С. 6). А когда они преодолевают свой испуг и подходят к «неизглаголенному свету», то видят «животворящий крест Господень, и на нём образ распятия Господня, яко жив» (С. 6), то есть предстают едва ли не перед живым Христом, подобно своим палестинским собратьям.

Святогорская (на Синичьей горе) икона Божией Матери

Ещё одной важной особенностью образа пастухов в Сказании о явлении Животворящего креста является его предельная деконкретизированность. О них нам сообщается только, что «веси некоем пасущим на поле пастухом скот, близ того болота, иже словет ныне Никольской погост». Единственная конкретная деталь здесь – это указание на место, где выпасался скот. Нет ни имён пастухов, ни указания их возраста, ни описания каких-нибудь черт их внешнего облика или внутреннего характера, нет точного места их проживания, даже количество их не названо. И не сказано, какой именно

скот они пасли близ Сахотского болота. А такая информация в чуть большем или чуть меньшем объёме обычно присутствует в «пастушеском» агиографическом топосе.

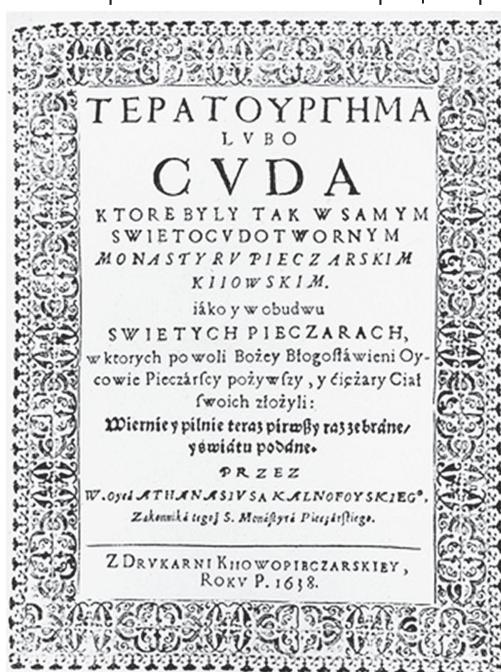
Так в «Повести о явлении иконы Богородицы Одигитрии на Синичьей горе» чудотворная святыня является пастуху Тимофею, пятнадцати лет от роду из «веси, зовомей Ворначе». Названы имена его родителей – Терентий и Анастасия. Описан характер отрока⁴³. Лесинская икона Божией Матери была явлена 14 сентября 1683 г. двум пастухам из села Лесны. По двум Сказаниям об обретении этой иконы, – русскому и польскому, – нам известно, что искалшим заблудившихся коров Александру Стельмащуку и Мирону Макаруку (в польской версии – Макарчуку), в польском варианте указан их возраст – 9 и 10 лет соответственно, посчастливилось найти икону в ветвях грушевого дерева⁴⁴. Купятицкая икона Божией Матери (являющая собой на самом деле наперсный двусторонний медный крест, так называемый энколпион) по преданию была обретена малолетней (около шести лет) крестьянской девочкой Анной, пасшей скот своего отца Василия, о матери же ее сообщается, что она из списка живых уже была вымараана – то есть давно умерла⁴⁵. Напоследок ещё упомянем пастухов, которые в заброшенной

ветхой церкви на правом берегу Волги нашли икону Богородицы Одигитрии Смоленской Игрицкой (Песоченской). О них из Сказания об этой иконе известно, что были они пастухами боярского сына Емилиана Исаева и пасли его скот: «отроцы сего Емелиана, пасяку животная овца и [осля]та»⁴⁶. Немного, конечно, известно, но всё-таки больше, чем о пастухах Сказания о Животворящем кресте.

Отсутствие конкретно-исторической информации, как о пастухах, так и о других действующих лицах Сказания о Животворящем кресте, конечно не может не вызывать сожаления, если подходить к Сказанию как к историческому источнику. Но если смотреть на текст Сказания как на произведение духовно-назидательного характера, то недостаток может парадоксальным образом превратиться в достоинство, особенно с точки зрения воцерковлённого читателя. Мысленный читательский взор не застаивается на фактах преходящей земной действительности, но получает возможность приблизиться к Надмирной духовной реальности, отчётилее увидеть вечные прообразы в образах временной исторической сферы. Пастухи из окрестностей будущего Никольского погоста, о которых известно только то, что они в чудесном сиянии видели Господа «яко жива», предельно близко подходят к пастухам из окрестностей Вифлеема, о которых мы тоже знаем только то, что они видели сияние славы Господней и поклонялись живому Спасителю.

Не берёмся судить, специально ли автор Сказания о Животворящем кресте стремился достичь такого духовного эффекта, и сознательно ли он опускал в своём сочинении малозначимые с точки зрения духовной вечности факты исторического порядка. Может всё, действительно, сводилось к банальной невозможности за давностью лет хоть что-то разузнать об этих фактах. Но в любом случае, – сознательно или бессознательно, – эффект был достигнут: вечность евангельским светом проникла на страницы его произведения.

Присутствие в тексте Сказания о явлении Животворящего креста пастухов в качестве первых свидетелей появления чудесной святыни с неизбежностью потребовало введения в этот текст ещё одного традиционного агиографического топоса – обретения явлен-

Афанасий Кальнофойский. Тератургима. Киев, 1638

ной святыни на лоне природы малообжитых, труднодоступных, диких местах. Сахотское болото, на котором был явлен Годеновский крест, полностью подходит под требования данного топоса. Однако мотив явления святыни на лоне природы для Сказания, составленного в начале XVIII в., может быть признан некоей архаикой. Как отметил видный исследователь русских средневековых легенд о чудотворных иконах Богоматери А. Эббингхаус, такой мотив характерен для древних сказаний, а с XVII в. и позднее уже редко появляется в них⁴⁷.

Если попробовать за этими наблюдениями отыскать не только логику движений русской агиографической литературы от Средневековья к Новому времени, но и конкретику исторического процесса, то такого рода конкретика окажется связана с историей «внутренней колонизации» Европейской России. «Внутренняя колонизация», – хозяйственное освоение ещё не обжитых, не тронутых сохой, косой и топором территорий, – активно развивалась в Северо-Восточной Руси со второй половины XIV в. и к середине XVII столетия практически исчерпала свой ресурс; топор, коса и соха русского крестьянина дотянулись почти повсюду, где только можно было получить хоть минимальный урожай хлеба и сена. Но «внутренняя колонизация» – это появление не только новых хозяйственных угодий, новых поселений, но и новых часовен, церквей и монашеских обителей. Причём, зачастую, появление в лесной глухомани церкви или иноческой кельи предшествовало возникновению там новых крестьянских деревень. Не святыня шла за народом, а народ тянулся за святыней. Поэтому явление икон и крестов в диких дебрях и установление их последующего почитания как чудотворных, по сути, являлось духовным освящением, благословлением успешной «внутренней колонизации». Когда же неосвоенных дебрей практически не осталось, то явление святыни на лоне природы стало всё более и более редким событием.

Возвращаясь от исторических реалий к литературным топосам (которые эти реалии всё равно, так или иначе, отражают), обратим внимание на то, что явленная святыня нередко сама преображает и облагораживает ту лесную или болотную пустыню, в которой она первоначально явилась. Именно так «поступает» и Животворящий крест. Он чудесно появляется на Сахотском болоте в настолько непроходимом месте, что даже деревянную церковь там заложить оказывается невозможно, ближайший более-менее сухой участок, пригодный для церковного строительства, находится в «стадии» (185–210 метрах) от новоявленной святыни (С. 8). Но церковь требуется поставить именно на месте явления, и для этого в одну ночь «проиде посреди болота поток и бысть река велика и явися суша», после чего церковь Божия созидалась уже без труда (С. 8). И подобную «природоустроительную» функцию демонстрирует не один только Животворящий крест.

Весьма похоже, что осушение болота было осуществлено и чудотворным Кошарским крестом на Белгородщине. После того, как эта святыня была избавлена от поругания и извлечена из Кошарской трясины, на месте этого обретения креста оказался ключевой источник, где впоследствии устроен был колодезь, изобилиующий прекрасной водой⁴⁸. Но в трясине колодец не устроишь; получается, что местность стала более сухой.

Кошарский чудотворный крест

Если чудесное осушение Кошарской трясины, строго говоря, лишь логически вытекает из сообщения о колодце, то о благодатном преображении сырой низины близь деревни Лусниковой в Вологодских пределах прямо сообщается в Сказании о Заоникеевской иконе Богородицы. Икона явилась на месте, где изначально была «поляна малая, мокротою исполнена и мелким лесом поросла»⁴⁹. Но сразу вслед за явлением святыни по всей окрестности разлилось благоухание, и сырая и топкая дотоле дебрь сделалась удобной для жительства⁵⁰.

И вновь, если современный учёный-рационалист в вышеприведённых эпизодах чудесных преобразений болотных дебрей увидит только невероятное нарушение естественных природных законов, то человеку с традиционным церковным сознанием в таких эпизодах открывается духовное окно в сверхъестественную реальность. Реальность библейскую по характеру и масштабам влияния на тварный мир. В этом духовном контексте эпизод с чудесным осушением участка

Сахотского болота для возведения на нём церкви превосходно прокомментировал А.С. Сатомский: «Это крайне важный эпизод, — писал он, — так как в нём присутствует прямая параллель с библейским повествованием о творении. Безвидная бездна устраивается так, чтобы в ней мог быть насажен в итоге Эдем и в нём поселено человечество. Здесь, по мановению Божию, пустое и неустроенное болото чудесным образом осушается для того, чтобы на нём было воздвигнуто место селения Славы Божией — храм, место единения Бога и людей.»⁵¹

В таком духовном контексте сохранение в Сказании о Животворящем кресте топоса «явления святыни на лоне дикой природы» выглядит уже не архаикой, заглянувшей из ушедшей эпохи «внутренней колонизации» в начало XVIII столетия, а вполне эффективным литературным приёмом, позволяющим оказать на читателя Сказания сильное духовное воздействие. Ибо без явления святыни в болотно-лесной пустыне невозможно было бы эту пустыню чудесно преобразить. А значит, не получилось бы напомнить читателю о том, что благодатное преображение по-прежнему остаётся возможным и достижимым, как для всего окружающего мира природы, так и для конкретной человеческой души. Только для этого нужно не сходить со стези Божией, не покидать духовного Эдема, подобно тому, как чудотворный Животворящий крест твёрдо стоял на месте своего явления и не хотел покинуть его, хотя, казалось бы, ему предлагали более удобное для пребывания место. Под таким углом зрения строители, из самых благих намерений заложившие церковь в «стадии» от явленной святыни, выглядят уже едва ли не как искуstтели. Вот-вот мог бы разразиться конфликт между явленной святыней и жителями той местности, где произошло чудесное явление.

Куплицикая икона. Копия

Такие конфликты многократно описаны в агиографической литературе. Люди пытаются перенести явленную икону в более удобное, в их житейском понимании, место, а та постоянно возвращается в точку своего явления. При этом икона может «уходить» и из крестьянских домов, и из храмов. Её не останавливает ни помещение в шкатулку, ни в сундук. Так, когда пастухи, обретшие явленный образ Божией Матери Жировицкой, принесли его своему «пану» — Александру Солтану, то «он, взяvши, до шкатулы сховал» этот небольшой, вырезанный на красной яшме образок. Но

вскоре выяснилось, что чудотворный образок «з шкатулы зникнул»⁵². Подобным же образом и девица Анна обретённый ею Купятицкий образ Божией Матери «отнесла до дома и в скрынке (сундуке, коробе – Д.К.) сховала». А когда через некоторое время она заглянула в скрынку, то «там не нашла его»⁵³. Удержать святыню, стремящуюся вернуться на место своего явления, не помогают ни замки, ни печати, ни приставленная стража, а именно такие средства применялись для того, чтобы удержать в московском Успенском соборе Овиновскую икону Божией Матери, принесенную туда из Галича; но в первую же ночь чудотворная икона снова вернулась к себе в Галич⁵⁴. Конфликт между святыней и человеком, пытающимся насильно её удержать, может доходить

до весьма опасных форм. Так, например, когда Иван Косогов (талантливейший русский полководец конца XVII в.), находившийся на воеводстве в Ломове, попытался забрать к себе в город новоявившуюся Нижнеломовскую икону Божией Матери, то она послала болезнь сыну Косогова: «той воевода не я веры и хотя взяти новоявленную икону Пресвятая Богородицы с места того во град и в той час разболелся сын воеводы того»⁵⁵. В Сказании о явлении Животворящего креста дело до конфликта между святыней и жителями той веси не доходит; потенциально конфликтная ситуация снимается благодаря явленному чуду осушения части Сахотского болота.

Осушение это обеспечило возможность и другого чуда – перенесения трёх венцов будущего сруба церковного здания непосредственно на место явления святыни: «воздвигоша первого дня церкви три ряда. Мастера же церковные чрез нощь от труда своего опочиша. И заутра восташа и поидоша на первое свое дело, и не обретоша на том месте здания церковного ни единя щепы, и, сем удивиша-ся. И узреша паки на том же месте неизреченный свет, где первейшее явление бысть пастырем. И приидоша ко свету пречудному оному и обретоша основание все церковное на болоте и бревна все на строение церковное перенесощася, и посреди основания церковного явися во вторые крест Животворящий..» (С. 8)

Иоаникий Галятовский. Небо новое с новыми звёздами.

Могилёв, 1699. Здесь опубликованы сказания о Купятицкой и Жировицкой иконах

Жировицкая икона Божией Матери

Подобный перенос недостроенного сруба мне известен только в ещё одном, но при этом чрезвычайно популярном, агиографическом сочинении – Сказании о Тихвинской иконе Богоматери. Правда, на берегу реки Тихвины венцы начинают изначально выкладывать вокруг иконы, пока ещё спокойно пребывающей на месте своего явления, а не в стороне от святыни, как это было на Сахотском болоте. Но далее события приобретают почти зеркальный характер. В первый день тихвинские плотники тоже «срубили три венцы церковных». Сторожа, оставленные у сруба уснули, и на утро «не обретоша на том месте иконы, ни церковного струба, ни единые щепы, и ужасошася страхом великим». Затем «узрела хри-

стияня» на другом берегу Тихвины «свет велик, аки солнце». А когда они пришли в «пустыню», где сиял свет, то увидели там икону, стоявшую на воздухе посреди церковного сруба – «стены струбныя и до единя щепы»⁵⁶. А в одной из позднейших редакций Сказания о Тихвинской иконе появляется ещё ряд чёрточек, сближающих его со Сказанием о явлении Животворящего креста. Там уточняется, что икона переместилась вверх по течению Тихвины «на два стадия»; в Сказании о Животворящем кресте также используется эта мера длины. И в результате такого перемещения Тихвинская икона и церковный сруб оказались на пустом болотистом месте⁵⁷. Так и сруб, перенесшийся с удобного сухого места непосредственно к Животворящему кресту, сначала оказался на болоте, а осущено оно было только на следующую ночь.

Вышеуказанные совпадения между текстами двух литературных памятников настолько заметны, что заставляют задумываться: а не послужило ли Сказание о Тихвинской иконе одним из источников для автора Сказания о Животворящем кресте? Но даже если параллели в этих текстах возникли непроизвольно, без непосредственного заимствования, то для хорошо знакомого с церковной письменностью читателя XVIII столетия они (параллели) просматривались не хуже, чем для нас в XXI в. И благодаря этому Животворящий крест символически уподоблялся одной из самых чтимых святынь нашей отечественной Русской Православной Церкви, каковой является Тихвинская икона Богоматери.

В результате рассмотрения нескольких традиционных агиографических топосов, представленных в тексте Сказания о явлении Животворящего креста, мы приходим к пониманию их роли в древнерусской книжности, не только как «строительных кирпичиков», используемых для создания литературного произведения, но, скорее, как ключей, позволяющих из обыденной сиюминутной реальности войти в библейско-евангельскую реальность вечной духовности.

Тихвинская икона Божией Матери

1. Касаткин Д.В. Сказание о древнем чудотворном Кресте Господнем, находящемся в Успенском соборе города Дмитрова, Московской губернии. Дмитров, 1895. В настоящее время чудотворный Дмитровский крест находится в храме-музее при Третьяковской галерее – церкви святителя Николая в Толмачах.
2. Щегольков Н. Сказание о Честном и Животворящем Кресте Господнем, находящемся в церкви Илии Пророка в г. Арзамас. Арзамас, 1910. Сейчас этот крест пребывает в арзамасском Воскресенском кафедральном соборе.
3. Амфитеатров П.И., свящ. Явлениный и чудотворный Крест Крестовоздвиженской церкви села Архангельского, Кошары тож, Белгородского уезда, Курской губернии. (На основании церковной летописи и устных преданий). Харьков, 1903. В наше время чудотворный Кошарский крест находится в Крестовоздвиженском храме Белгорода.
4. Дроздовский К., свящ. Сказание о чудотворном Кресте села Быркинского (Нерчинского округа) // Иркутские епархиальные ведомости. 1881. № 45 Прибавления. С. 543–556. После закрытия Быркинского Святоникольского храма в 1935 г. святыня бесследно исчезла.
5. Шляпкин И.А. Древние русские кресты: 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и нецерковной службы // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1906. С. 59, Таб. VII; Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.;Л., 1934. С. 381; Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в искусстве XIV–XV веков. М., 1980. С. 174, 177–180; Пузко В.Г. 1) Иисусов Крест из Никольского погоста (около 1467 г.). Скульптурное распятие в русском пластическом искусстве // Сообщения Ростовского музея. Вып. XII. Ростов, 2002. С. 268–273; 2) Таинственное изваяние Иисусова креста // Московский журнал. 2003. № 1. С. 31; Мельник Л.Ю. Финифтяные иконы, отражающие «Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и Чудотворца Николая» // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXVI. Ростов, 2021. С. 179–203.
6. Балагуров О.А. На сем месте поставите церковь мою (Из истории храмоздания на месте явления Животворящего Креста Господня в селе Погост Крест) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVIII Международной научной конференции, Иваново, 3–4 апреля 2019 г. Иваново, 2019. С. 40–44.
7. Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-49. М., 1971. С. 30; Мороз А., Семиврагова Э. Животворящий крест в селе Годеново – между двух сакральных центров и за их пределами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3 (39). С. 184–208.
8. Крутова М.С. 1) Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и чудотворца Николая // Пензенские епархиальные ведомости. 1992. № 15; 2) Святитель Николай чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997. С. 118, 134, 147, 149, 173; Романова А.А. Чудеса о Кресте Господне в Никольском погосте // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее – СК-КДР). Вып. 3, Ч. 4. СПб., 2004. С. 252–254; Мельник Л.Ю. Финифтяные иконы, отражающие «Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и Чудотворца Николая». С. 177–179, 194–196. Приложение.
9. См.: Чудеса и благодатные исцеления от Животворящего Креста Господня и святителя и чудотворца Николая в погосте Никольском, что словет на болоте у Иисусова Креста Ростовского уезда // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. Часть неофициальная. № 36. С. 281–288; № 37. С. 289–294; № 38. С. 297–302; Сказание о явлении честного и животворящего креста Господня и великого во святителях Чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от животворящего креста Господня и святителя и чудотворца Николая. Издание церковного старосты крестьянина Василия Петровича Ехлакова. Ярославль, 1874; 2-е изд. Ярославль, 1882.; 3-е изд. Ярославль, 1892; Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от животворящего креста Господня и святителя и чудотворца Николая. Издание церковного старосты Ивана Алексеевича Гусева. Ярославль, 1913.

10. Мельник Л.Ю. Финифтяные иконы, отражающие «Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и Чудотворца Николая». С. 194–196. Приложение. Публикация осуществлена по списку из собрания Государственного музея-заповедника Ростовский кремль: ГМЗРК. Ф. 382. Оп. 7. Д. 100.
11. Мороз А., Семиврагова Э. Животворящий крест в селе Годеново... С. 188–189.
12. Сказание о явлении честного и животворящего креста Господня и великого во святителях Чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от животворящего креста Господня и святителя и чудотворца Николая. Издание церковного старосты крестьянина Василия Петровича Ехлакова. Ярославль, 3-е изд. Ярославль, 1892. С. 8–9. Далее Сказание о явлении Животворящего креста будет цитироваться **по этому изданию**, с указанием страниц после цитаты непосредственно в тексте статьи.
13. Анастасова Е. Летящая икона – семантика и функции одной легенды // *Studia mythologica slavica*, X. 2007. С. 230.
14. Сказание о Тихвинской Одигитрии // Кириллин В.М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 238 (редакция А), 242 (редакция Б), 246 (редакция Е).
15. См., например, о таких полётах в редакции, помещённой в составе сборника «Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской»: Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. СПб., 2004. С. 41, 43, 44. Скорее всего, эта редакция восходит к сочинению тихвинского иконописца Родиона Семёнова 50-х гг. XVII в. Крушельницкая Е.В. Предисловие // Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. С. 18–20. Подобная трактовка «невидимых переходов» Тихвинской иконы как «перенесения по воздуху» была подхвачена и широко распространена в популярной церковно-назидательной литературе XIX – начала XX вв. – см.: Явление чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой тихвинской // Жития святых на русском языке, изложенные по рукописи Четырех-Миней св. Дмитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. Кн. 10. Изд. 2-е, М., 1913. С. 566, 567; Снессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных её икон, читимых православною церковью, на основании священного писания и церковных преданий, с изображениями в тексте праздников и икон Божией Матери. Ярославль, 2005. С. 184.
16. Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. С. 41.
17. О святогорьском монастыре зовемем Иверской, в нем же церкви Успение Пречистыя // Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 1 Долепетровская Русь. Кн. 2. М., 2008. С. 591.
18. Буланин Д.М. Опыт комплексного описания: Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтённым в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 3. Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 553–554. Современный русский перевод книги Агапия Ландоса см.: Грешников спасение. Составлена общедоступной речью Агапием, иноком Критском, подвизавшемся на Святой Горе Афон (1641 год). Единец, 2003.
19. Рай мысленный. Иверский монастырь, 1658–1659. Л. 39об.
20. Там же. Л. 40–42.
21. Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Иверской // СККДР. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2 Л–Я. Л., 1989. С. 363. Публикацию древнерусского текста по этому списку см.: Иноха Максима Грека вопросение известно от некоих: почто от тридневного воскресения Христова до Фомины суботы не воздвигают пречистыя хлебца, токмо артус воздвигают, и глаголет диакон «Христос воскресе» трижды, и потребляют артус в Фомину суботу? // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. III. Изд. 2-е. Казань, 1897. С. 92–93.
22. Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Иверской. С. 362.
23. О святогорьском монастыре зовемем Иверской, в нем же церкви Успение Пречистыя // Шмидт С.О. Памятники письменности... С. 591.
24. Там же. С. 592.

25. «Летящие иконы в Болгарии, как правило, связаны с греческой ортодоксией и с населением с греческим этническим самосознанием. Летящие иконы и рассказываемые о них мифы и легенды распространены среди православного населения на болгарском Черноморском побережье и связаны с иконами Св. Богородицы и её храмами.» (Анастасова Е. Летящая икона – семантика и функции одной легенды. С. 229.)
26. См.: Плюханова М.Б. Кипение света: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016. С. 401–402.
27. Археографическую характеристику этого сборника см.: Шмидт С.О. Сказание об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. // Он же. Памятники письменности... С. 589–590.
28. Руди Т.Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // Труды отдела древнерусской литературы. Т. LV. СПб., 2004. С. 212–216.
29. Рай мысленный. Л. 40–40об.
30. См., например: Предисловие к изданию 2009 года (дополненное в 2010 г.) // Годеновский крест или Сказание о явлении честного и животворящего креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте, что сливет на болоте у Иисусова креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от животворящего креста Господня и чудотворца Николая. М., 2010. С. 9; Животворящий Крест Господень в храме святителя Иоанна Златоуста села Годеново / Сост. А. Горюнова-Борисова. Переславский Никольский женский монастырь. 2014. С. 10; Сатомский А.С. Почитание и сохранение христианских реликвий: Животворящий Крест с. Годеново и Корсунский крест Переславского Никольского монастыря // Святитель Николай. Ярославские монастыри. Материалы конференции 23 мая 2019 г. Ярославль, 2019. С. 101.
31. См. об этом статью отца Александра Парфёнова в этом сборнике. Ср.: Романова А.А. Чудеса о Кресте Господне в Никольском погосте // СККДР. Вып. 3 XVII в. Ч. 4 Т-Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 253.
32. Между Сказанием о Животворящем кресте и Сказанием о Тихвинской иконе наблюдаются настолько разительные совпадения не только типологического, но даже и текстологического характера, что можно задуматься: а не послужило ли Сказание о Тихвинской иконе одним из образцов для автора Сказания о Животворящем кресте.
33. Сказание о Тихвинской Одигитрии // Кириллин В.М. Сказание... С. 238 (редакция А), 242 (редакция Б).
34. Там же. С. 164–165 (редакция Д), 251–252 (редакция Е).
35. Там же. С. 165 (редакция Д), 252 (редакция Е).
36. Там же. С. 169.
37. Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. С. 54.
38. Наши наблюдения над текстами Сказания о явлении Животворящего креста и Сказания о его чудесах подтверждают справедливость записи, которая, очевидно, имелась в недоделаном до нас списке Сказания о явлении, хранившемся в середине – второй половине XIX в. в церкви Никольского погоста, согласно которой, автором Сказания являлся служивший в первой четверти XVIII в. в этой церкви священник Антипа Семёнов. (Об этой записи см.: Романова А.А. Чудеса о Кресте Господне в Никольском погосте. С. 253–254.)
39. Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Он же. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 60–74; Светлов Р.В. Константин Великий и Пётр I – стратегии государственно-конфессиональной политики // ΣΧΟΛΗ. Vol. 10.1. 2016. С. 196–204.
40. Мороз А., Семиврагова Э. Животворящий крест в селе Годеново... С. 190. Впрочем, ещё автор первой публикации о Животворящем кресте Ф.Я. Никольский в 1848 г. надпись эту рассматривал как позднюю и испорченную, но при этом признавал, что «крест – произведение не нашего отечества» – см.: [Никольский Ф.Я.] Наблюдение путешественника по Ростовскому уезду // Ярославские губернские ведомости. 1848. № Часть неофициальная. С. 178–179.
41. Мороз А., Семиврагова Э. Животворящий крест в селе... С. 188, Прим. 10.
42. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 242–243; Сатомский А.С. Почитание и сохра-

- нение христианских реликвий... С. 97–98; Мороз А., Семиврагова Э. Животворящий крест в селе Годеново... С. 189, Прим. 10.
43. Приложение III // Кириллин В.М. Сказание... С. 274–275.
 44. Шевченко Э.В. Леснинская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. XL Лангтон – Ливан. М., 2015. С. 610.
 45. Галятовский И. Небо новое з новыми звездами сотворенное, то есть Преблагословенная Дева Мария Богородица з чудами Своими. Могилев, 1699. Л. 194об.–195; Орловский П. Некоторые сведения о чудотворной Купятицкой иконе Божией Матери, находящейся ныне в Киево-Софийском соборе // Киевские епархиальные ведомости. 1867. № 4. С. 108–109; Перепечин В.В., свящ. Купятицкая чудотворная икона Божией Матери // Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1891. № 18. С. 485–486; Ярошевич А.А. Купятицкая (Купятичская) икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. XXXIX Крисп – Лангадасская, Литийская и Рентинская митрополия. М., 2015. С. 379.
 46. Сказание о явлении и чудесах Игрицкой иконы Божией Матери // Зонтиков Н.А. Игрицкая икона Божией Матери: народная святыня Костромского края. Кострома, 2022. С. 311. Сказание издано по рукописи: Государственный архив Костромской области. Ф. 538. Оп. 2. Д. 371. 1665 г.
 47. Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin 1990. S. 92.
 48. Амфитеатров П.И., свящ. Явленный и чудотворный Крест Крестовоздвиженской церкви села Архангельского, Кошары тож, Белгородского уезда, Курской губернии. (На основании церковной летописи и устных преданий) Харьков, 1903.
 49. Верюжский И., свящ. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 591, Прим. 1.
 50. Там же. С. 592.
 51. Сатомский А.С. Почитание и сохранение христианских реликвий... С. 100.
 52. Первое сочинение, посвящённое обретению Жировицкой иконы Божией Матери, было написано в 1622 г. иеромонахом Феодосием (Боровиком). Новейшую критическую публикацию этого литературного памятника по рукописи Библиотеки Академии наук, Собрание П. Дорохотова, № 38. Сказание о Жировицкой иконе Богородицы. XVII в. – см.: Гистория або повесть людей розных, веры годных, о образе чудовном пренасветейшое Девы Марии Жировицком в повете Слонимском, во всем згодливая, коротко выписанаа и з немалою працю и старанем собраная през многогрешного отца Феодосия // Крамко, І., Мальдзіс, А. Невядомы помнік старабеларускай пісьменнасці // Беларуская лінгвістыка. 1983. № 23. С. 49–54. Однако среди читателей России, Украины и Белоруссии гораздо большее распространение получила версия, напечатанная иеромонахом Иоаникием Галятовским в 1665 г. и впоследствии многократно переиздававшаяся – см.: Галятовский И. Небо новое з новыми звездами сотворенное... Л. 113об.–114об.
 53. Галятовский И. Небо новое з новыми звездами сотворенное... Л. 195. В первоначальномпольскоязычном тексте Сказания о Купятицкой иконе Божией Матери (*Hilarion Denisowicz. Parergon cudow świętych obrazu Przeczystej Bogarodzice w monasterze Kupiatickim. Roku Panskiego 1638. W Drukarni Świętocudotwornej Kiowopieczarskiej Ławry // Τερατούρυμα lubo cuda. K.: KPL, 1638. Dodatek (Parergon). 2-ej pag. A. 1–52.*) употребляются в данном месте слова «w skrzynie» или на местном наречии – «w kubel» – см.: Перепечин В.В., свящ. Купятицкая чудотворная икона Божией Матери. С. 486. Оба они означают все тот же сундук.
 54. Авдеев А.Г. Житие преподобного Паисия Галичского. М., 2009. С. 311–314 (Житие преподобного Паисия Галичского), 357 (Повесть о перенесении чудотворного образа Божьей Матери Овиновской в град Галич (старейшая редакция)).
 55. Романова А.А. К истории списков иконы Казанской Богоматери XVII в.: Сказание об иконе Богоматери Казанской Нижнеломовской // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 474.
 56. Сказание о Тихвинской Одигитрии // Кириллин В.М. Сказание... С. 246–247 (редакция Е).
 57. Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской. С. 44.

О связи исторического и мистического измерений (чудесах) в жизни Церкви

В тексте **курсивом** выделены слова источников, коими для нас являются Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, а также Сказание о явлении честного и животворящего креста Господня.

Сегодня мы стоим на пороге видного юбилея в жизни Русской Православной Церкви – шестисотлетия чудесного явления Животворящего Креста Господня и святителя Николая на Сахотском болоте. Обращаясь мысленно к историческому основанию этого события, мы за цепью веков ощущаем глубину пережитого нашими предками духовного восторга. В наше время возвращения народа к вере мы снова свидетельствуем для изверившихся современников о её основаниях, о бытии Бога и Его участии в преображении нашей жизни. Пережив эпоху богооборчества и атеизма, возаждав непреходящего смысла собственного бытия, люди с радостью обращаются от материалистического мировоззрения к религиозному, принимают главное **Чудо участия Бога и «Горнего» мира в мире «дальнем»**. Такого рода торжества дают возможность людям пережить близость Божественного присутствия, действие Божия Промысла в собственной жизни. Становятся достоянием православного сообщества всё новые чудеса по молитве перед Крестом Господним.

Отталкиваясь от изжитого материализма, вновь пришедший член Церкви лицом к лицу встаёт перед фактом участия Бога в судьбе человечества, перед евангельскими и житийными свидетельствами о чудесах, начинает замечать «руку Божию» в своей судьбе. При этом очень важно сохранить духовно верное отношение к чудесам, чтобы избежать крайностей, как «чудомании», так и «чудофобии». «Чудомания» чаще свойственна вновь обратившимся, это чрезмерное увлечение переживанием чудес в ущерб духовной жизни¹. Почему сказал Господь: «род лукавый и прелюбодейный знамения ищет...» (Мф. 16,4)? Истоком веры является не чудо, а покаянная жажда души, ищущей совершенства в Боге, а чудо («знамение» по-славянски) ещё требует своего истолкования, отчего бывают чудеса истинные и ложные. Само по себе чудо не приведёт человека к главному результату – спасению души во Христе, преображению её по законам Царствия Божия, царства любви, без чего человек не сможет войти в благую вечность. Поэтому традицией Православной церкви всегда был в отношении какого-либо чудесного события применяем принцип тщательного исследования чуда, как его внешней канвы (деталей произошедшего, достоверности чудесных явлений), так и его смысловое истолкование.

Надо констатировать, что одновременно с чудоманией даже и в православном сообществе наблюдается противоположная крайность, также вредящая духовной жизни и церковному бытию – чудофобия, огульное отрицание чудесных событий, чаще всего со стороны тех представителей духовенства, к кому пережившие их люди обращаются за истолкованием или фиксацией чудесного события². Как свидетельствуют представители Экспертной группы по описанию чудес при Синодальной богословской комиссии РПЦ, «вместо этого принимаются решительные и необратимые административные меры, последствия которых весьма печальны»³. Самое главное, что недоверие Божиему промыслу, казалось бы, являющееся противоположностью склонности к обольщению, точно также является следствием маловерия и своеумия, то есть, в конечном итоге, гордыни ума.

Золотую середину в отношении к чудесам помогают найти некоторые принципы, в основе которых лежат три качества духовной жизни: трезвение (т.е. критичное, осторожное отношение к своему собственному восприятию и мышлению), благоговение к святыне (то есть полное недопущение всякого рода небрежности или несерьёзности) и церковность (пребывание ума в послушании Писанию и святоотеческой мысли). Первое из них требует надёжности свидетельств о чуде («*при двух или трёх свидетелях станет всяк глагол*») и применения принципа «презумпции естественности», то есть не объявлять чего-либо сверхъестественным, пока не исчерпаны все возможности естественного (не значит, не чудесного) объяснения. Второе требует при исследовании чуда, в особенности святых мощей или происходящих вокруг святынь явлений, сохранять необходимые предосторожности и страх Божий; третье – помнить, что не Церковь для чудес, а чудеса служат благу Церкви, и стремиться всё делать на благо ей. Попробуем применить эти принципы к исследованию одного из величайших чудес нашей Русской церкви и проведём с Вами, дорогие читатели, благочестивое и внимательное исследование исторических истоков явления Креста Господня, что является, как мы видим, делом востребованным и духовно значимым..

Перечитаем описание чудесного явления Креста Господня по свидетельству Сказания (происхождение документа – XVII век, то есть через два с лишним века после самого события), первая часть которого переиздана и в этом сборнике (с. 145-150), как «*явися посреди света на воздухе крест Господень, и на нем образ распятия Господня, лицо Божий*». Здесь в одном событии соединён целый ряд чудес. Первым и главным надо назвать появление самого Креста, «от которого доныне происходят чудотворения». Внимательное чтение Сказания выявляет, что Крест явился первоочевидцам духовным образом, «на воздухе», нематериально. А вот когда через какое-то время (после получения храмозданной грамоты) плотники приступили к изготовлению клети, «*чудный образ животворящего креста явленный стал видим*». За этими словами сказания тоже скрывается чудо, причём не так важно, было ли оно связано с нарушением естественного порядка природы, либо нет. Богу, Творцу мира по одному Его Слову, нетрудно дать нам Крест непосредственно, но ведь мы просто привыкли к тому чуду, ког-

да Богом вдохновлённый художник воплощает образы Горнего мира в материи (художник – в красках на плоскости, ваятель – в веществе в пространстве). Важно, что если Распятие было сделано руками человеческими, то это с точки зрения материальной – произведение искусства деревянной резьбы, которому **нет аналогов⁴**. Древность Креста подтверждается описанием первого вклада в 1507 году (когда священник Илия вложил переписанный для местного храма «Паремийник»), как уже для старинной святыни. Откуда мог взяться такой Крест на Руси? Недавно открытая (при реставрации в 2000-е годы) надпись на нём несёт «следы устава XV века». Кто-то видит итальянские следы, кто-то – предчувствие более поздних достижений искусства. Но самое главное – что перед Распятием у людей пробуждаются лучшие чувства, вера, происходит осознание жертвы Господней, «какой дорогой ценой мы искуплены» (1 Кор.6.20). Вот почему Бог через это явление призывает людей поставить «дом Божий», храм, или просто – для советского времени – часовню.

Второе, совмещённое с первым, чудо – явление крестьянам, пасущим скот, «света от неба до земли», и в этом свете слышание Гласа Божия и явление святителя Николая, молящегося перед Распятием. Это видение и голос повторились и для мастеров, только уже не говорится о явлении им святителя… Исследование чуда опять ставит тот же вопрос: был ли этот голос «материальным», то есть ВНЕ слышимым, либо это был голос внутренний? Вспомним приход Господа в Иерусалим перед последней Его Пасхой, когда Он отвечал на просьбу эллинов увидеть Его: «Отче! Прославь имя Твое». Тогда пришёл с неба глас: и прославил, и ещё прославлю. Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром; а другие говорили: Ангел говорил Ему» (Иоанна, 12, 28-29). Евангелист чётко показывает, что голос был материальным, вне слышимым, но **восприятие его различно!** Смысл сказанного был открыт только Христу и апостолам, кто-то из людей просто понял, что это была речь разумная, а кто-то принял за раскат грома… Мы ясно видим, что главным при обращении Бога к людям является не форма обращения (ведь и валаамова ослица однажды заговорила!), а передаваемый и воспринимаемый смысл. Смысл же сказанного Богом на Сахотском болоте был очень важен, это было побуждением, благословлением на богоугодные дела: во-первых, люди призывались засвидетельствовать чудо перед всем народом; во-вторых, сохранить, зафиксировать событие для последующих поколений через созидание «дома Божия». Наконец, слово завершалось обетованием, что если всё это будет исполнено, то через святыню изольются на верующих великие милости Божии и чудеса, записи которых велись веками и возобновились и в наше время.

О видении света надо сказать отдельно, потому что природа являемого от Бога света (как мы и исповедуем в Символе веры: «Верую… во единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, света от света») стала предметом обсуждения и догматической фиксации на целой серии поместных соборов Константинопольской церкви 1341-1355 гг. Этот Свет, по учению Православной церкви, есть проявление Божественной энергии, он тот же самый и в Преображении Господа на Фаво-

ре, и в явлениях святых (напр., при беседе Н.А.Мотовилова с преп. Серафимом Саровским), и в чуде Благодатного огня на Гробе Господнем. Последний свет очень интересен с точки зрения онтологии: согласно исследованиям российских физиков в храме Воскресения Христова 2008 г., он представляет из себя редчайшее явление «низкотемпературной плазмы», которое в естественных условиях является крайне неустойчивым состоянием вещества воздуха, появляющимся на тысячные доли секунды, но в Великую Субботу оно непременно сопровождает богослужебное действие⁵. В этот момент все присутствующие, и верующие, и сомневающиеся, и возможно неверующие израильские полицейские, видят божественный свет как «благодатный огонь», и он действительно имеет материальную природу, тёплый (но не горячий) на ощупь. Интересно, что изображение на Туринской плащанице тоже, по всей логике, имеет причиной действие того же огня (под микроскопом волокна не обуглены, а потемнены «неизвестным излучением»⁶). Явление пастухам света во время чуда на Сахотском болоте имело двойную природу, материальную и смысловую, смысл же был таков: во-первых, оно привлекло внимание православных крестьян-пастухов и побудило их прийти к Богом назенненному месту; во-вторых, дало их чутким сердцам ощутить трепет Божественного присутствия. Мы видим, как отзвались сердца очевидцев чуда, как они поспешили возвестить народу увиденное и услышанное, как поехали в Ростов искать епископа и просить разрешения на постройку храма. Действие этого света, поистине, духовно, потому что верно может быть воспринятым только теми, кто сам стремится к богоугождению, исполнению воли Божией.

Наконец, видение святителя Николая тоже было частью, составляющей второе чудо. О явлениях святых свидетельствует вся история Церкви, вера в реальность такого рода видений – одно из проявлений нашей веры во святых, как

носителей Духа Святого. Важно помнить, что Церковь признаёт святыми только тех, кто завершил свой земной путь, приобрёл такую любовь, которая становится сильнее смерти. О явлениях умерших людей мы встречаем свидетельства как в Новом Завете («И гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (Мф, 27, 52-53)), так и у святых отцов Церкви, не говоря о множестве современных или близких к нашему времени случаев. В истории Церкви сохранено немало свидетельств, когда явления святых имели материальные следы (подобно «стопочке Богородицы» в Почаеве), чем подчёркивается для нас реальность их явлений. Каково было явление святителя, «стоявшего с Евангелием перед Крестом рядом с пастухами прямо на болоте»? Опять представляется, что ответ – «чисто духовным» – будет неточным. Безусловно, видение было духовным прежде всего потому, что оно было реальным, то есть не галлюциоподобным, оно было для сразу нескольких критично мыслящих человек, которые сразу после него «приидоша в весь свою и … сказаша вся поряду». Этим духовные видения отличаются от душевных, которые могут быть как фантазийными, также галлюционными и, что важно, бесовскими.⁷ Какой смысл был в этом явлении? Святитель Николай, «Угодник» – один из самых любимых греческих святых на русской земле – полюбился нам своей сердечностью, отзывчивостью, готовностью прийти на помощь: он имел как раз те качества, которыми Бог одарил русскую душу. Владыка не случайно благословил строить храм для пребывания главной святыни, Креста, посвящённый ему, «великому во святителях» – когда в храме не будет никого, он сам, «батюшка Николай», будет перед Распятием продолжать за нас молиться. Его образ – это пример для нашего предстояния перед Богом, в котором молитва (поиск воли Божией) сопряжена с действием (её исполнением).

Последний аспект, «действенное» измерение явления, особенно важен при оценке смысла истинных чудес. Самым ярким примером такого рода воздействия духовного мира на мир земной является видение преподобного Сергия Куэльме Минину, засвидетельствованное старцем Симоном Азарьиным, духовным писателем и келарем Троице-Сергиевой Лавры в середине XVII века⁸. Будем помнить, что именно инициатива этого героя оказалась «спасительной соломинкой» в кризисе Смуты. Ключевое начинание патриотов, создавших «второе ополчение», имело своей первопричиной трижды повторившееся «сонное видение», в котором преподобный Сергий повелевал «благочестивому мужу» взять на себя такую необычную роль организатора православного воинства. Как раз в этом случае проявляется параллель синергетического принципа в природе и в обществе, о котором говорилось выше (см. сноска 5): вера простолюдина позволила ему услышать и принять волю Божию, а вскоре, когда чаша весов клонилась в пользу интервентов и «польской партии» русской элиты, именно он, Кузьма Минин, оказался спасителем Отечества и в самый решительный момент переломил ход московского сражения в сентябре 1612 года. Его вера и его подвиг определили судьбу целого государства! Так через поступки верующего человека

духовный мир входит в историю, изменяет её течение. И, самое главное, это чудо «вхождения Бога в наш мир» совершается ведь незаметно, в небольших масштабах, в жизни каждого из нас, если мы подражаем примеру св. апостола Павла, который сказал: «Я сорасплялся Христу. Уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал.2.20).

Можно также обратить

внимание на наличие в дореволюционной литературе, посвящённой явлению Креста, некоторой вольности в пересказе деталей явления св. Николая. У многих авторов упоминается явление вместе с Крестом «иконы» святителя (напр., у А.Я.Артынова и вслед за ним у А.А.Титова⁹, в наше время это повторяется практически во всех годеновских изданиях), что явно противоречит смыслу Сказания, которое передаёт свидетельство очевидцев: «*Видеша образ распятия Господня, лик Божий, а пред ним чудотворец великий Николай со святым Евангелием, и ста близ пастырей на болоте*»: если бы увидели «икону», то нельзя было бы сказать, что святитель стоял рядом с пастырями. Подобная вольность в интерпретации источников была вообще свойственна учёным XIX столетия. Ниже мы коснёмся её духовных истоков.

Третье чудо в цепи событий явления Креста связано со строительством храма. Всегда бывает так, что исполнение воли Божией, открывшейся при Встрече с духовным миром (будь то в явлении, или в голосе совести) встречает затруднения, требует идти «против течения», привычного хода событий. В Сказании люди, получившие откровение, берут архиерейское благословение и с готовностью приступают к делу. Но тут оказывается, что повеление «строить дом Божий на месте сём» является невыполнимым, потому что указанное место слишком топкое для постройки, даже фундамент заложить невозможно. В этой ситуации и проявляется «земное мудрование», переиначивание прямого смысла откровения: «*заложиша церковь близ того болота яко стадии быти единой*». Бог видит естественную человеческую немощь и посыпает свою помощь: Крест снова является в чудесном свете, теперь уже плотникам, и голос Божий въяве повелевает мастерам ставить именно там, где было первоначальное указание. Воля Божия, чтобы не оставалось сомнений, подтверждается уже «грозным» чудом, исчезновением первых трёх венцов храма, сложенных в первый рабочий день. Рабочие нашли их, только когда вернулись к месту первого явления, там они и лежали в собранном виде. А теперь представьте, что это были брёвна из достаточно редкой породы древесины для этих мест – дубовые, значит, дорогостоящие, де-

фицитные, и как должны были испугаться плотники, не найдя начало сруба на своём месте! Момент чудесного переноса постройки из всего Сказания кажется для людей с натуралистическим мировоззрением наиболее маловероятным, этаким фольклорным «преувеличением». Возможно ли было перенестись тяжёлым брёвнам? В житии св. Прокопия Устюжского говорится об отведении от города молитвами блаженного «каменного дождя». Учёные, в т.ч. доктора геологических наук, специально исследовали состав валунов, выпавших, по преданию, с неба, и сделали вывод, что они были перенесены сюда как минимум за сотни вёрст с Кандалакшской губы Белого моря, где подобный минерал, друзит, выходит из недр на поверхность¹⁰. Верующий человек твёрдо знает, что «у Бога всё возможно», естественным ли путём, либо сверхъестественным. Только надо помнить выше отмеченный принцип «презумпции естественности», то есть факт того, что и Бог действует в согласии с данными Им законами мироздания, но как Хозяин может нарушить их, что чаще всего бывает при нашей неспособности услышать и принять Его волю. Нередко чудеса происходят там, где люди перестали слышать голос Божий в своей совести. Наверное, поэтому сказал апостол: «Знамения суть не верующим, но неверным» (1 Кор. 14.22).¹¹

Обратимся к смысловому содержанию этого чуда. Бог дважды поражает сердца строителей сильным переживанием: первое, когда они не находят на месте трёх сложенных венцов и, больше того, «ни единыя щепы»; второе, когда идут к свету и не только видят крест, но и находят брёвна на новом месте: «обретоша основание все церковное на болоте и бревна все на строение церковное пренесошася и посреди основания церковного явися вовторые крест». Обращает на себя внимание не просто перенос «материала», но факт сохранения при этом «церковного основания» (вспомним плат с главы Иисуса Христа, который апостолы Пётр и Иоанн увидели «особы свитым на единем месте», Иоанна 20.7). То обстоятельство, что брёвна были перенесены всей конструкцией, содержит ясное указание, что само дело строительства было богоугодным, только надо было вернуться к нему на указанном месте¹². Чтобы поразить человеческую сущность, чтобы вывести людей из замкнутого круга суety и побудить к восприятию логики иного мира, Бог посыпает чудеса особого рода. «Грозные» чудеса встречаются и в Священном Писании, и в житиях святых – гибель Содома и Гоморры, наказание немотой священника Захарии (отца св. Иоанна Предтечи), засохшая смоковница, видение Господа св. апостолу Павлу, после которого он ослеп, слепота князя Владимира перед Крещением. Такого рода чудеса, когда Сам Бог исправляет кривизну человеческих путей, тоже не раз встречаются и в истории Церкви. Например, Кузьма Минин далеко не сразу решился на исполнение повелённого преподобным дела. По свидетельству Симона Азарьина, «преподобный, дав ему наказ, отошёл и стал невидим. Козьма, проснувшись в трепете и великом ужасе, почувствовал, что все внутренности его сдавлены, и так он ходил с больным животом, молился преподобному Сергию об исцелении и каялся о своей небрежности, обещая исполнить всё, что тот повелел, и размышляя,

как и с чего начать дело...»¹³ Вспомним об истории Шуйской Смоленской иконы: когда иконописец восстановил традиционные формы прориси Богомладенца, то есть сначала не поверил в богоугодность чуда, ещё дважды оказывалось, что изображение ножки у Господа с высоко согнутой коленочкой само появлялось на доске¹⁴. В Сказании умалчивается, но представляется очевидным, что второй день работы мастера провели (возможно, сначала рассказав о чуде) уже на новом месте, то есть явили послушание воле Божией (что-то сродни знаменитому примеру сажания поспушником рассады кверху корнями).

Четвёртое чудо – пример милости Божией, награждающей всякого, творящего волю Божию. Со святого места, предназначенного для храма, во вторую ночь вбды утекли сами и поднялся холм, на котором и была тогда удобно поставлена церковь, а сегодня возник прекрасный монастырский комплекс (см. цветную вклейку). Что это было за явление? Два подобных чуда, с управлением водной или геологической стихией, можно привести из церковной истории: чудо архистратига Божия Михаила в Хонех (когда архангел спас от бурного водного потока храм, ему посвящённый) и подъём и перенос горы в Каире по молитвам прав. Симеона и коптских христиан в X веке при патриархе Авраамии¹⁵. Оба упомянутых чуда носят спасительный характер, явление особой Божией заботы в ситуации смертельной опасности, когда естественных путей выхода уже не остаётся (вспомним явление Ангела трём отрокам в пещи Вавилонской). Результат такого чуда всегда служит «к вящей славе Господней».

В литературе по истории явления Креста Господня на Сахотском болоте нередко встречается предположение о связи этих событий со свидетельством Типографской летописи (ПСРЛ, том XIV) о некоем геологическом катаклизме в 1467 г. на Ростовском озере¹⁶. Отсюда некоторыми выводится предположительная датировка события – ноябрь 1467 г. Этот подход называется «**рационалистическим**», он и поныне в большой моде в католическом богословии ещё с XVIII века, и является ярким примером «чудофобии». Например, Вифлеемская звезда, которую «волхвы видели на востоке», отождествляется с чисто астрономическим явлением, которое по расчётом астрономов должно было происходить около 6 г. до н.э.¹⁷ У протоиерея Александра Меня в его многотомнике «История религии». В поисках пути, истины и жизни» опубликован характерный «перл», перекочевавший из такого рода «апологетической» литературы, о переходе Израильского народа через Красное море, который мы для ясности потрудимся привести целиком. «Всё это время над Тростниковым морем дул сильный восточный ветер, и он обнажил проходы среди стен тростника. Это неожиданное обстоятельство помогло израильтянам выбраться из западни ... Невзирая на то, что над топями собирались тучи и надвигался настоящий ураган, египтяне продолжали погоню. Возможно, они и успели настичь часть беглецов, но с каждым шагом им было всё труднее и труднее пробираться в сгустившемся мраке. Тяжёлые колесницы застrevали в вязком иле, гроза бушевала, ветер переменился и теперь гнал волны на преследователей. Только теперь поняли египтяне, какая опасность им угрожа-

ет, и поспешно повернули обратно. Но вода настигла их. Израильтяне, которые тем временем уже стояли на сухой возвышенности, наблюдали за отчаянными попытками всадников выбраться и не верили своим глазам... Так или примерно так происходило это событие, сыгравшее столь большую роль в истории ветхозаветной религии. Многие его подробности навсегда останутся загадкой. Трудно даже определить точное место, где произошла переправа. Можно утверждать единственное: под Ям-суф, «Тростниковым морем», Библия подразумевает не Красное море, берега которого всегда были голы и каменисты; скорее всего здесь речь идёт об одном из Горьких озёр, которые тянулись цепью между Красным и Средиземным морями. Как бы то ни было, произошло нечто такое, чего не ждали ни евреи, ни египтяне. Всего час назад израильтяне были на волосок от гибели. Преследователи беспощадно расправились бы с ними; но вот теперь Ягве спас свой народ и остановил грозного врага. Это было несомненное чудо, хотя внешне действовали обычные стихийные силы. В том, что помочь воды и тьмы, бури и грома явилась столь своевременно, израильтяне почувствовали охраняющую руку Провидения.»¹⁸

Казалось бы, какой хороший пример воплощения принципа «презумпции естественности»?! Но увы, здесь действует другой мировоззренческий принцип: натурализма, разделения духовного и материального миров на две несобщающиеся сферы¹⁹. Его последователям всегда приходится объяснять некое чудесное явление через совпадение с особыми природными событиями. На первое место ставится натуралистическое мировоззрение, а под него «подгоняется» священный текст (или свидетельства очевидцев). Обратим внимание: именно **подгоняется**, то есть первое подчиняет себе второе. Отец Александр игнорирует свидетельство писателя Пятикнижия, что Моисей жезлом рассёк воду, что «морские воды (а не болотная жижка) стояли стеной» (Исход 14, 22), и что Израиль шёл по дну морскому. У него и море-то не Красное, а какое-то «тростниковое». Во всём ощущается добродушная снисходительность к авторам Библии или Евангелия, которые «слегка преувеличили» природные события и написали, например, что «звезда... шла перед ними, как наконец... остановилась над храминой, где был Младенец» (Матфея 2, 9). Недомыслие Тейяра де Шардена насчёт «немощи духа» (см. сноску №16), которому нужна материя – неопантезм! Характерно, что также точно действуют и наши доморощенные рационалисты. Титов, предлагаая в 1885 г. датой явления 1 ноября 1467 г. совсем не обращает внимание на то, что явление было пастухам, пасущим скот, скот же в наших широтах не пасут ни в ноябре, ни даже в октябре.

Пятое чудо Сказания – спасение Креста при пожаре – отстоит по времени далеко от первых четырёх, да и перед ним, по свидетельству Сказания, произошло множество чудесных исцелений: «потом проиде слава про чудеса животворящаго креста и чудная чудеса чудотворца Николы во многи страны, иже и до днес с верою приходящим многая исцеления подает». Только вот записи этих промежуточных чудес не сохранились: «прежния священницы чудеса животворящаго креста и чудотворца Николы вписаша в книгу, и святая церковь Божия

та стояла многия лета первозданная, понеже состроена была от древ дубовых». Но она сгорела. Упоминание о пожаре связывает несчастье с греховностью, что выражает духовность мировоззрения авторов сказания, понимающих, насколько важно нам соответствовать Божиим дарам. «Божиим изволением, а наших ради согрешений, церковь Божия в пожарное время сгорела, а тогда церковники при загорении оныя начаша из церкови святых иконы износити и все местные иконы вынесли; и видоша священницы во святую церковь взяти образ животворящаго креста и хотеша вон изнести и не возмогоша из места двигнути, **не изволи животворящий крест Господень из церкви Божии изыти**». В этом описании обращает на себя внимание то, что святыню пытались спасти, но не смогли вынести Крест, потому что он «не изволи из церкви изыти». И, как говорится дальше, «по малех днех придоша на то пожарное место множество людей и всии людие начаша искати в пепеле церковных вещей, железного и медного припасу, и стали пепел перегребати, и обретоша в пепелу пречудесный крест Господень ничем невредим, не прикоснуся бо огнь...» Но подставка под крест, скорее всего, сгорела, потому что внизу креста, как он был обследован в современном его виде, имеется более поздний опил.

Чудес сохранения Богом данной людям святыни немало встречается в истории Церкви. Сами авторы Сказания поминают афонский образ Вратарницы (ведь как раз в годы записи Сказания в Москве, во второй половине XVII века, распространялось чествование Иверского образа, привезённого со Святой горы), который, как мы помним, был чудесным образом сохранён от надругательства иконоборцев. Наибольшая параллель здесь прослеживается с судьбой Владимирской иконы Божией Матери, которая в пожаре февраля 1238 года, погубившем жизни тысяч владимирцев, оказалась цела. Всё это, безусловно, чудесные знамения милости Божией, обильно являющейся и сегодня.²⁰ А разве сохранение Креста в годину гонений – не такое же чудо? Он как бы спрятался, сохранился от осквернения и уничтожения богооборцами, а теперь, после падения «державы безбожных» – «вышел», стал снова широко известен. Пусть образ Сказания, в котором Крест после пожара по воле Свыше остаётся строго на прежнем месте, вдохновит священноначалие на верное, богоугодное решение вопроса о месте нахождения святыни. Если он вернётся на Богом назначенное место – восстановятся связи, засияет полнотой наша общая церковная жизнь. Игумен Борис (Храмцов), инициатор создания обители на святом месте Явления, был известен своей открытостью Божией воле.²¹

Подведём итоги. Вера в чудеса действительно является неотъемлемой частью подлинно православного вероисповедания, потому что во Христе, «неслитно и нераздельно»²² соединившем Божество и человечество, осуществлено **основание принципа Богообщения**, проникновения мира Горнего в мир дольний. Это со временем было Церковью зафиксировано в докладе о божественности (нетварности) Фаворского света, являемого как в Благодатном огне на гробе Господнем, так и в видении исихастов: «милостию сострастия тепле кающихся и

чистиши, и светлиши, и света твориши причастники, общники Божества Твоего сodelоваяй независтно... Радуяся вкупе и трепеща, огневи причащаюся, трава сый, и странно чудо, орошаем неопально, якоже убо купина древле неопальне горящи»²³. Как согласно повторяли многие святые отцы, самым великим чудом, почти незаметным для посторонних глаз, является обращение грешника от пути погибели на путь праведный. Но кроме этой внутренней стороны, определяющей подлинный духовный смысл чуда (и помогающей отличить истинное чудо от ложного), у чудес есть и внешняя сторона. В жизни людей это проявляется в неожиданных поступках, которые потом становятся поворотными для изменения многих судеб, а то и целых народов (как мы и вспомнили подвиг Минина).

Будем помнить, что «трезвение», которому учит Церковь, особенно важно для нас при всяком соприкосновении с необычными с точки зрения обыденного сознания событиями. Смиренно признавать себя недостойным милости Божией – это залог сохранения духовного здоровья. Православная церковь не утверждается совершающимися в ней чудесами, а наоборот, «всякое чудесное знамение Церковью проверяется и удостоверяется, принимается ею или, напротив, отвергается...»²⁴. Оттого, что проникновение Иного мира в наш мир осуществляется реально и каждодневно (ведь наши души суть «приёмники» Духа), мы легко привыкаем к чудесам, и поэтому Бог иногда нам посыпает «знания», чтобы вывести наши сердца из состояния «окамененного нечувствия». И при Встрече с рукой Божией (когда входим в «облако непостижимости»), когда из мрака Непостижимого нам раздаётся голос Божий, нам надо помнить, что не столько мы исследуем, испытываем это чудо, сколько Бог этим чудом испытывает нас. Поэтому столь важно не охладевать при взыскании Духа Божия, а ценить те каждодневные великие чудеса, которые являет нам Господь, и в первую очередь – Таинство Евхаристии, и, что не менее важно, богообщение в молитве.

-
- 1. П.В.Флоренский, А.В.Московский и др. В поисках знамения // Чудеса истинные и ложные. М. Даниловский благовестник. 2008. С. 15.
 - 2. Например, дьякон Андрей Кураев в одном из своих интервью (2006-07 гг.) заявил, что вера в существо Благодатного огня на гробе Господнем – проявление чудомании, и «быть такого не может, чтобы где-то в Кувуклии не присутствовал коробок спичек». Мы очень надеемся, что со временем он изменил своё мнение.
 - 3. П.В. Флоренский. Цит. соч. С. 15.
 - 4. Пуцко В. Г. Иисусов Крест из Никольского погоста (около 1467 г.). Скульптурное распятие в русском пластическом искусстве: «Деревянное скульптурное изваяние распятого Христа... в истории русского искусства по существу не нашло места, не вписалось в общую схему, определяющую развитие сакральной художественной резьбы эпохи средневековья» (с. 268). «Единственное, что можно смело утверждать, так это появление изваяния Иисусова креста под впечатлением виденного именно на Западе» (с. 272) // Сообщения Ростовского музея. Вып. XII. Ростов, 2002. Сс. 268–273.
 - 5. Скарлатидис Х. «Святой свет» (на русском языке). Афины. 2016. П/ред. прот. Валентина Асмуса. Открытие наукой **синергетических** процессов (типа турбулентных движений текущей воды

- или воздуха), когда микроскопическое изменение одного из параметров приводит к изменениям макропроцессов (т.н. «точки бифуркации») может объяснить возможность существования такого явления. Развитие **синергийной ветви философии** было живо воспринято учёными, занимающимися проблемой зарождения жизни, и позволило заглянуть в тайну связи души и тела через нервную систему, каким образом мысль или желание могут управлять телом. Учёные здесь столкнулись с парадоксом: развитие процесса не может быть объяснено причинно, проявляется как «случайное», но разум-то улавливает **связь**. Именно о ней писал святитель Лука (Войно-Ясенецкий) в книге «Дух, душа и тело», что «при развитии зародыша во утробе дух наитствует появляющиеся телесные формы».
6. Прот. Глеб Каледа. Туринская плащаница. М. Зачатьевский мон-рь. 1995.
 7. Хороший пример у о. Серафима Роуза в его книге «Душа после смерти», в которой он приводит пример мистика Э. Сведенборга. Ему после обильной вечерней трапезы явился некто и сказал: «Не объедайся», и повёл его «по иным мирам».
 8. Жития и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преп. Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарыниным в переводе на русский язык. ЦНЦ «Православная энциклопедия». СТСЛ. М. 1997. Разд. О новоявленных чудесах преп. Сергия. 9. О явлении чудотворца Сергия Козыме Минину и о собирании ратных людей для освобождения государства. Сс. 183-189. Инициатива Минина по организации ополчения сама по себе тоже может быть оценена как «чудо», потому что, при сословной организации русского общества того времени, заниматься торговцу устройством армии было немыслимым. Воинское служение было уделом дворянства, высшего сословия общества, отчего Минин в своей адрес и получал насмешки польских панов (см. ответ польков из осаждённого Кремля на письмо князя Д.Пожарского) и, вероятно, не только польских.
 9. Артынов А. Я. Ростовский летописец. (по рукописи РНБ Титов 2768) Часть II. С. 14.
 10. <http://turvu.ru/prokopevskaya-chasovnya-v-kotovalovsk/> У авторов заметки ссылка на коллектив авторов: Абрамов В.Ю., Колосова Г.Н., Лобзова Р.В., Саенко А.Г., Березнер О.С., Магазина Л.Ю., иеромонах Игнатий (Попов), Маслов К.И. О Котовальском камне из «каменной туши» с геологической т. зрения.
 11. Афониты, например, очень дорожат тем, что на земле их «монашеской республики» практически не происходит чудес, нет ни нетления мощей, ни мироточения (за искл. особого случая с преп. Нилом Мироточивым). Последний аспект очень охлаждает пыл любителей чудес: если что-то у Вас в храме происходит, значит, Богу приходится прибегать уже к крайним средствам Вашего увещевания, значит, люди перестали в своей душе слышать голос Божий. Характерно, что при начале СВО во многих храмах России и Украины стали мироточить иконы «Умягчение злых сердец»: <https://bloknot.ru/obshhestvo/takoe-lish-v-dni-osobyh-ispy-tanj-v-glavnom-hrame-vooruzhennyh-sil-ikona-zaplakala-krovavy-mi-slezami-897133.html>
<https://yandex.ru/video/preview/8260371046831717828>
<https://yandex.ru/video/preview/17326919237541637526>
 12. Есть немало примеров, когда злостное неисполнение воли Божией приводит к очень печальным последствиям. Достаточно вспомнить ветхозаветный Израиль с его отступлениями от истинного богопочтания, или обещанное Христом разрушение Иерусалима, «не узнавшего часа его посещения». В этом свете удерживание явленного Креста на не указанном Богом месте представляется грубейшим произволом, опасным для судьбы его творящих.
 13. Жития и чудеса... С. 185.
 14. Б.Л.Макарьянц. Шуйская Одигитрия: Исторический очерк к 350-летию прославления 1667-2017 / сост. Б. Л. Макарьянц. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. Фрагмент о «самоначертанном рисовании» Саровской рукописи Сказания приводится в примечании 42 на странице 41. Сама рукопись называется: О чудесех Пресвятыя Богородицы Шуйская и находится в РГАДА. Ф. 357, Оп. 1, Д. 109. В источнике рассказ о «самоначертанном рисовании» находится на Л. 26 – 26 об.
 15. <https://pravzhizn.com/calendar/saints/simeon-egipetskij>. Более подробно история рассказана в Интервью с наместником Свято-Успенской Святогорской Лавры митр. Антонием о поездке делегации УПЦ в Коптскую церковь, 28-32 минуты // https://youtu.be/Zg_X9SZdXzI . Владыка отмечает, что исследования показывают: геологические слои самой горы, кот. сейчас стоит за 3 км за пределами

- Каира, совпадают с теми слоями, кот. в центре города, где стояла гора раньше. На совр. месте нахождения горы под нею ниша глубиной ок. 80 м., где расположен подземный храм с мощами прав. Симеона (видимо, возникшая, когда гора «заходила» на новое место).
16. Ростовский краевед Андрей Александрович Титов (1844-1911) в своём справочном издании «Ростовский уезд Ярославской губернии» (М., 1885) рассуждает: «Можно так же допустить, что гора, на которой он явился, поднялась из местного болота в XV веке; это произошло, смотря на предмет с естественной точки зрения, вследствии подземного вулкана, как и вся горная гряда, идущая из Угличского уезда по направлению к Кресто-Иисусовской горе и оканчивающегося горой Зимилихой у сел Нагорного и Ильинского, имеет характер вулканического образования. Сомневаться в подъёме Кресто-Иисусовской горы из болота нет никакого основания, при полной достоверности описанного сказания в других частях повествования. Теперь спрашивается: действие этого вулкана не совпадает ли с тем физическим явлением, которое у летописца (в Типографской летописи, – Л.А.) отмечено под 1-м ноября 6975 (1467 г.), когда «ставясь Ростовское озеро выло по две недели, и ночи людем в городе спати не дало, и после протяжно застучит, как бы в десятере молотят или осьмере, и за много лет того не бывало». С. 242.
17. Есть «мнение, принадлежащее знаменитому астроному Кеплеру (1571-1630), наблюдавшему в 1603-4 годах соединение планет Юпитера и Сатурна, к которым в следующем году присоединилась ещё планета Марс, так что из трёх планет составилась одна, светившаяся некоторое время. При помощи математических вычислений Кеплер нашёл, что такое соединение планет происходит однажды, примерно, в 800 лет. На основании этих соображений Кеплер определил год рождения Христа: 748 от основания Рима. Но последующие учёные находили эту дату неточной и определяли год рождения Христа 749 годом от основания Рима. Эта дата объясняет то обстоятельство, почему Ирод велел убить младенцев в Вифлееме от двух лет и ниже, – потому что новая звезда явилась, по вычислениям Кеплера и других, года за два до Р.Х., в 747 г. от основания Рима». Лопухин А.П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Ч. 2, т. 9. Стокгольм, 1987, с. 43.
18. А.В.Мень. История религии в 7 тт. Т. 2. Магизм и единобожие. М. Изд-во «Слово». Сс. 213-214.
19. Если точнее, то это характерная установка неотомизма, подробно прописанная у Тейяра де Шардена. По его мысли, дух носитель свободы, а материя – косности. Но сам по себе дух бесплотен, не способен проявить себя в этом мире без материи, он **нуждается** в материи и проявляет себя в её формах. Этот взгляд противоположен православному учению об энергиях, о действии Духа Божия в мире, о пронизанности вещества божественным светом. См. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М. Наука. 1987.
20. Например, в 2010 году, когда вокруг Южи бушевали сильные лесные пожары, прихожане не раз крестным ходом обходили окраины своего и соседних селений. Начальник штаба ГО МЧС В.Калёнов потом лично засвидетельствовал, как прямо во время молебнов резко изменилась на более безопасную пожарная обстановка: Пожарский юбилейный альманах № 6. С. 116-117. Иваново-Южа. 2010.
21. Крестный путь игумена Бориса. М. Православный паломник. 2008 (158 с.).
22. https://studopedia.su/2_13888_podgotovka-i-provedenie-VI-go-vselenskogo-sobora-oros-VI-go-vselenskogo-sobora.html. Опрос VI-го Вселенского Собора в первых двух пунктах повторяет опрос IV-го Вселенского Собора и затем продолжает его следующей формулировкой: «Проповедуем также по учению святых отцов, что в Нём и две естественные воли, т.е. хотенья (естественных – даётся термин “фюзикас” или “физикас”, т.е. от слова “физис” – природа, естество) и два естественных действия (энергии) – не раздельно, не изменно, не разлучно, не слитно”. То есть, апофатические характеристики те же, что и в опросе Халкидонского Собора. И далее – “И два естественных хотения не противоположны друг другу, как говорили нечестивые еретики – да не будет! Но Его человеческое хотение не противоречит и не противоборствует, а следует, подчиняется Его божеству и всемощному хотению”. Опрос VI-го Вселенского Собора завершает христологические споры, начавшиеся ещё в первой половине V-го века.
23. Молитва №6 св. Симеона Нового Богослова из Правила ко Причащению.
24. П.В.Флоренский, А.В.Московский, С.А.Сошинский, Т.А.Шутова (все авторы – члены Экспертной группы по описанию чудесных событий при Синодальной богословской комиссии). Испытание чудом. // Чудеса истинные и ложные. М. Даниловский благовестник. 2008. Сс.11-36.

Раздел II

Проблемы изучения Смуты и рода князей Пожарских

А.Ю. Кабанов

Малоизвестные факты из истории рода князей Пожарских

Казалось бы, что биография великого русского полководца, боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского и его рода изучена до мельчайших деталей. Изданы сотни научных трудов. Среди них фундаментальные работы И.Е. Забелина, Л.М. Савёлова, П.Г. Любомирова, Р.Г. Скрынникова, Д.М. Володихина, Ю.М. Эскина.¹ Образ Пожарского запечатлён в произведениях литературы, живописи, скульптуры, фильмах. Тем не менее, представляется, что многие факты его биографии, а так же истории рода князей Пожарских практически не известны широкому кругу читателей. Имеется ещё немало «белых» пятен в этом вопросе. Проблему представляет также мифологизация отдельных моментов в истории князей Пожарских, наличие устоявшихся стереотипов, которые не основаны на исторических фактах, либо являются следствием их неправильной интерпретации. В своих работах мы также рассматривали отдельные аспекты биографии князя Д.М. Пожарского.² В данной статье предпринята попытка ответить на ряд вопросов, которые возникают при знакомстве как с историей рода князей Пожарских в целом, так и с биографиями отдельных его представителей.

Почему-то довольно распространённым считается мнение о том, что Пожарские были незнатного рода и не отличались родословием. Это не так. Род Стародубских князей происходил от Ивана Всеходовича, родного дяди святого благоверного князя Александра Невского. Если не считать князей Сузdalского княжеского дома, то именно князья Стародубские находились в наиболее близких родственных отношениях с правящей династией потомков Ивана Калиты. Роду князей Стародубских посвящена пятнадцатая глава Государева Родословца. Все они были потомками убитого в Золотой Орде благоверного князя Фёдора Ивановича Стародубского и его младшего сына Андрея. Андрей Фёдорович

Стародубский был союзником и соратником великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского, участником похода на Тверь в 1375 г. Пожарские ведут своё начало от самого старшего сына Андрея Фёдоровича – Василия Андреевича Пожарского. И по всем генеалогическим канонам являлись старшей, следовательно, наиболее уважаемой ветвью князей Стародубских.³

Следует заметить, что родовое прозвище князя Дмитрия Михайловича Пожарского в документах и в исторических исследованиях записано не полно. Дело в том, что он принадлежал к потомству правнука первого из князей Пожарских – Ивана Фёдоровича Третьяка Пожарского. Все его потомки именовались князьями Третьяковыми Пожарскими. Кроме того, дед Дмитрия Михайловича имел ещё и родовое прозвище Немой. И все его потомки по генеалогическим правилам того времени получали наименование «Немые». В Государевом родословце эти факты зафиксированы. Таким образом, его полные имя и фамилия должны звать князь Дмитрий Михайлович Немой Третьяков Пожарский.⁴

Действительно, на велиокняжеских службах Пожарские в XV-XVI вв. не достигли таких служебных вершин, как представители средней и младших ветвей рода – Ряполовские и Палецкие. Однако они были весьма крупными вотчинниками. Ещё в первой половине XV века (между декабрём 1437 г. и июлем 1445 г.) князь Данила Васильевич Пожарский обменял свою вотчину волость Пожар на принадлежавшую его родственнику князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому волость Мугреево. Кроме того, за огромную для того времени сумму в 150 рублей Пожарский выкупил у Ряполовского ещё и местность Коченгир. С тех пор Пожарские вплоть до середины XVI в. оставались крупными вотчинниками и усердными вкладчиками Сузdalского Спасо-Евфимьевского монастыря, в котором находилась их родовая усыпальница.⁵ В 1515 г. Иван Фёдорович Третьяков Пожарский, прадед Дмитрия Михайловича, был волостелем в Инебожской волости Владимирского уезда. В 1534 г. князь Андрей Иванович Ногтев-Сузdalский в своей духовной грамоте назначает князя Тимофея Фёдоровича Пожарского своим душеприказчиком.⁶ В 1546/47 г. князь Иван Васильевич Черной Пожарский, двоюродный дед Дмитрия Михайловича, был наместником в Переяславле-Залесском. Были Пожарские наместниками и волостелями и других территорий.⁷ В 1562-1571 гг. представители рода князей Пожарских неоднократно выступают поручителями верности престолу известных представителей боярской аристократии.⁸ В 50-е годы XVI века большинство представителей этого рода входит в тысячу «лучших слуг», которым полагались поместья под Москвой. Записаны они и в Дворовой тетради.⁹

После присоединения Казанского царства многие Пожарские оказались там на службе. Причём на весьма невысоких должностях городничих (городских приказчиков). В 1556 г. городничим в Свияжске служил князь Фёдор Иванович Пожарский. В 1555 и 1557/58 там же служил Тимофей Фёдорович Третьяков Пожарский. А двоюродный дед Дмитрия Михайловича – Иван Иванович Немой в 1557/58 г. был городничим в Казани.¹⁰ Подобные должности для любого знатного рода представляли «потерьку» в случае местнических споров. В 1602 г. Д.М. Пожарский объяснял это постигшей Пожарских царской опалой. Но прямых доказательств

этому нет. Слова Дмитрия Михайловича об опале его родственников в 50-е годы XVI века косвенно подтверждаются фактами массовых вкладов их муреевских земельных владений в Спасо-Евфимьев монастырь. Именно в 1556/57 и 1557/58 гг. вклады сделали князья Василий Иванович, Иван и Пётр Васильевичи, Тимофей Фёдорович, Пётр, Семён и Михаил Борисовичи и Иван Большой Иванович, Григорий Семёнович Пожарские.¹¹ Складывается ощущение, что Пожарские поспешили избавляться от своей собственности, чтобы избежать будущих конфискаций. Двоюродный дед Дмитрия Михайловича, Иван Иванович Немой Третьяков Пожарский и троюродный дядя Пётр Борисович Пожарский Корова в 1556/57 г. служили в государевом полку. Оба были кормленщиками. Пётр Борисович в Большой Соли Костромского уезда, Иван Иванович в Берендеевском стане Дмитровского уезда. Оба имели небольшие родовые вотчины. Поместные оклады были довольно высокими – 500 четей. Между тем упоминается, что Иван Иванович год нёс службу в Свияжске и обзавёлся там поместьями и вотчинами.¹²

А вот троюродный дядя Дмитрия Михайловича, отец его сподвижников Дмитрия Лопаты и Романа Перельги, князь Пётр Тимофеевич Щепа Пожарский в 70-е гг. XVI века точно попал в опалу и был сослан в «понизовые» города. Вернулся оттуда он уже при царе Фёдоре Иоанновиче в начале 1590-х годов. В боярском списке начала 1590-х гг. он записан среди дворян, выведенных из «понизовых» городов. Довольно долгое время его служебный статус был не определён. В одном из списков дворовых, составленных в самом начале XVII века он записан среди дворян «без городов». Лишь при формировании состава выборных дворян от Луха около 1602-1603 гг. он вошёл в состав этой городовой дворянской корпорации. Поместный оклад ему так и не был назначен. Пётр Тимофеевич служил с лухского поместья, которое составляло 235 четей.¹³ Это была деревня Хотяново с деревнями и пустошами в Шелутинской луке. По ввозной грамоте 1618/1619 г. это поместье (201 четь) было дано его сыну Роману Петровичу Пожарскому.¹⁴ В Земляном списке 1613 г. за дворянином московским князем Р.П. Пожарским числилось 400 четей старых поместий. Кроме того, за ним было записано 200 четей поместий «новой дачи», что ему было «дано при боярах» – 200 четей из поместных земель. Скорее всего, речь идёт как раз о лухском поместье. Просто получено это поместье было от руководства ополчения. А затем подтверждено царём Михаилом.¹⁵ Кстати, в биографии Романа Петровича Пожарского есть один довольно запутанный эпизод. Во время противостояния с войсками гетмана Петра Сагайдачного в 1618 г. Роман Петрович находился в Калуге и Боровске вместе с командовавшим войсками Дмитрием Михайловичем Пожарским. Как известно, из-за последствий ранения Д.М. Пожарский тяжело заболел и был привезён в Москву. Сопровождал его Роман Петрович. В это самое время к Москве подошли войска королевича Владислава. Р.П. Пожарский был записан в полк князя Ивана Катырева Ростовского. Но он уехал из Москвы и на службе не появился. По этой причине он не получил вотчин, которыми были жалованы участники этой обороны. Причина его отсутствия до настоящего времени не известна.¹⁶

В 1598 г. стряпчий с платьем князь Дмитрий Михайлович Пожарский принимал участие в избрании царём Бориса Годунова и подписал утверждённую грамоту.¹⁷

Большую сложность для историков представляет вопрос о политической позиции Дмитрия Михайловича Пожарского летом и осенью 1610 г., когда был свергнут царь Василий Шуйский, а Москва и значительная часть страны целовали крест польскому королевичу Владиславу. И.Е. Забелин этот вопрос обходит. Не имел чёткого ответа на вопрос и Р.Г. Скрынников.¹⁸ Д.М. Володихин считает, что в начале 1611 г. Д.М. Пожарский прибыл в Москву с тайной миссией подготовки восстания.¹⁹ Напомним, что с февраля 1610 г. он служил воеводой в Зарайске. Сведений об этом периоде его жизни до нас дошло не очень много. Известно, что в июле 1610 г. он предотвратил мятеж горожан, подготовленный сторонниками Лжедмитрия II. По свидетельству «Нового летописца» между воеводой, духовенством и населением Зарайска было достигнуто компромиссное решение в следующем: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, ему и служити, а будет кто иной – и тому так же служити».²⁰ Это было подтверждено крестным целованием. После этого Зарайск до последнего оставался верен царю Василию Шуйскому. Более того, Пожарскому удалось вернуть под его власть население Коломны. Но вскоре обстоятельства изменились. Царь Василий Шуйский был свергнут с престола. По соглашению с поляками русским царём стал сын польского короля Владислав Сигизмундович или как он именовался в документах того времени – Владислав Жигмонтович.

Памятник Д.М. Пожарскому (1578-1642) в г. Зарайск Рязанской обл., 2003 г. Авторы: Ю.Ф. Иванов и С.В. Киреев

В то сложное время лета и осени 1610 г. Д.М. Пожарский запомнился двумя мужественными поступками. Во-первых, он направился с сильным отрядом на помошь будущему лидеру освободительного движения П.П. Ляпунову в Пронск, осаждённый войсками «Семибоярщины». Эта помошь не только помогла отстоять этот важный город, но и фактически спасла нарождающееся дело Первого ополчения. Во-вторых, Пожарскому удалось отстоять Зарайск от нападения крупного отряда черкасских казаков под руководством Исаака Сунбулова, перешедшего на сторону Владислава.

Совершенно очевидно, что принесение присяги Владиславу со стороны Дмитрия Михайловича имело место. С этим осторожно соглашается и крупнейший знаток биографии Пожарского – Юрий Моисеевич Эскин.²¹ Открытым остаётся только вопрос, когда это произошло. Присягнул ли Зарайск с Пожарским вместе с Москвой и другими русскими городами осенью 1610 г., либо это произошло позднее, после отражения атаки Сунбулова в декабре? С учётом озвученной выше позиции зарайцев, предпочтительнее выглядит первый вариант. Не секрет, что жители Московского государства целовали крест Владиславу на определённых условиях. Тот должен был прибыть в Москву, принять православие, сохранять целостность страны. И Пожарского эти условия вполне устраивали. До того момента, когда он понял, что это обман. Вероятно, что серьёзные сомнения у него возникли ещё в тот момент, когда он отражал атаки Сунбулова. Но даже после этого он не пошёл на открытый конфликт с пропольским правительством. Иначе он оказался бы в лагере Ляпунова, а не в Москве. Естественно, тайно проникнуть в Москву он не мог. Система пропуска в город вряд ли могла позволить проникнуть в столицу столь известному человеку. Очевидно, что он был отозван в Москву из Зарайска и подчинился. И именно обстановка в Москве, в которой хозяином польский гарнизон, стала последней каплей, переполнившей чашу смирения Дмитрия Михайловича. Именно он возглавил восставших москвичей 16-17 марта 1611 г.

Не утихает дискуссия, действовал ли он по некоему плану, согласованному с руководством отрядов Первого земского ополчения, которые в то время уже были на подходе к Москве. Вполне возможно, особенно в отношении контактов с Ляпуновым. Но если координация действий и была, то довольно слабая. Совершенно очевидно, что восстание в Москве началось рано. Логичнее было бы начинать его при подходе к городу отрядов ополчения и отвлечения на борьбу с ними сил гарнизона. Тогда и шансы на успех были выше. Но произошло то, что произошло. Героическая борьба москвичей с превосходящими силами противника стала первым этапом освобождения страны от иноземцев. С тех пор вырос и авторитет самого Пожарского. Даже поляки, вспоминая московское восстание, констатировали: «и Пожарского, которого вы в больших богатырях считаете, первого дня на бою в ту пору в Китай-городе и иных много постреляно».²²

Ещё один момент, о котором часто забывают исследователи, это его близость к семье второго выдающегося полководца эпохи Смуты – боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Мать Михаила Васильевича – княгиня Елена (в иночестве Анисья) Петровна была сестрой боярина князя Бориса Петровича Татева, который, как и Пожарский, происходил из князей Стародубских. Бо-

рис Петрович Татев погиб в 1607 г. в проигранной царскими войсками повстанцам князя А.А. Телятевского битве на реке Пчельне. После смерти сына Михаила Васильевича Скопина-Шуйского у Елены Петровны оставались племянники. Она была в близком свойстве с лидером Первого ополчения боярином князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким. Он первым браком был женат на её родной племяннице. Тем не менее, когда 5 июля 1612 г. Елена Петровна решила дать по душе своего сына в Угличский Алексеевский монастырь село Новое Смыново, старинную вотчину Скопиных-Шуйских в Переяславль-Залесском уезде, рядом был именно Дмитрий Михайлович Пожарский, который и подписал данную за вкладчицу.²³ Когда инокиня Анисья в 1631 г. умерла, именно Дмитрий Михайлович Пожарский внёс 50 рублей вклада на помин её души в Троице-Сергиев монастырь. Он также добился её погребения в стенах обители, где находилась усыпальница родителей Анисьи и её брата Бориса.²⁴ 8 сентября 1631 г. он по указу патриарха Филарета Никитича (Романова) дал на помин души инокини Анисьи ещё 50 рублей в Московский Новоспасский монастырь.²⁵

Как мы видим, в истории рода князей Пожарских и его самого яркого представителя – Дмитрия Михайловича – точку ставить ещё рано. Впереди нас ждёт ещё много интересных находок.

Памятник М.В. Скопину-Шуйскому (1586-1610) в г. Калязин Тверской обл. у церкви Вознесения, 2009 г.
Скульпторы: Е.А. Антонов и А.Г. Комлев

1. Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896; Савёлов Л.М. Князья Пожарские. Родословие // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2-3. С. 5-88; Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг. М., 1939; Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 2009; Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012. С. 138-171; Володихин Д.М. Пожарский. М., 2012; Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013; Бутурлин М.Д. О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 года. М., 1876; Соколов Александр, протоиерей. Князья Пожарские и нижегородское ополчение. Н.Новгород-Саранск, 2007 и др.
2. Кабанов А.Ю. Мугреево-Никольское или Мугреево-Дмитриевское? // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 6. Иваново-Южа, 2011. С. 24-28; Он же. Владения князя Дмитрия Михайловича Пожарского на Ивановской земле // Бурылинский альманах. № 1. 2014. С. 5-14.
3. Памятники истории русского служилого сословия / Составитель А.В. Антонов. М., 2011. С. 68-69.
4. Там же. С. 69.
5. Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевса монастыря 1506-1608 гг. / Сост.: С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М., 1998. С. 28-30, 48, 56, 79, 107-108, 146, 149, 155-157, 215, 259, 283-286, 308-314, 323-326, 328-330, 333-334, 342-343, 372-373, 424-426, 435-436.
6. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 155.
7. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838. С. 51-52; Эскин Ю.М. Указ. Соч. С. 13.
8. Антонов А.В. Поручные записи 1627-1571 годов // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 17, 19, 21, 37, 38, 49, 51.
9. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. / Под ред. А.А. Зимина. М., 1950. С. 62-63, 123.
10. Разрядная книга 1475-1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 152, 160, 172.
11. Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевса монастыря 1506-1608 гг. С. 215-219, 226, 228-229.
12. Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 88, 100.
13. Станславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков. М., 2004. С. 275, 354, 362.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 680. Л.л. 322-325об.
15. Докладная выписка 121(1613) г. о вотчинах и поместьях / Сообщил А.П. Барсуков // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 1. С. 16
16. Осадный список 1618 г. / Составители Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Т. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 45.
17. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 44.
18. Забелин И.Е. Указ. Соч. С. 83; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 164-165.
19. Володихин Д.М. Указ. соч. С. 72-73.
20. Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 344.
21. Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 48.
22. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. IV. С. 494.
23. Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 95, 156.
24. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 75, 77.
25. Вкладная книга Московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 29.

«Помиримся на Мише Романове...»

Род Романовых и Ивановский край

Статья была опубликована в 2016 г.

на э/ресурсе <http://sazonow.ru/stati/711-tsar-mikhail-romanov-i-ivanovskij-kraj>

Типографское издание осуществляется впервые

2 1 февраля 1613 года, т.е. 410 лет назад, Земский собор избирает царём Михаила Фёдоровича Романова (1596-1645), сына боярина Фёдора Никитича Романова (будущего Филарета, Патриарха Московского и всея Руси в 1619-1633 годы) и боярыни Ксении Ивановны Романовой (урождённой Шестовой). Его избрание завершило самый тяжёлый период Смутного времени, связанный с отсутствием законного и признаваемого всеми самодержца на русском престоле.

С территорией будущей Ивановской области боярский, а затем и царский род Романовых связывает многое общего. Во-первых, эта связь проявляется через события Смутного времени начала XVII века, во-вторых, наличие на Ивановской земле мест, событий, так или иначе имевших связь с историей рода Романовых, а в-третьих, это родственные связи с этой фамилией других знатных российских родов, связанных с нашим краем.

Счастливое детство будущего царя оборвалось 26 октября 1600 года. Царь Борис Фёдорович Годунов, опасаясь за свою власть, начал расправляться с популярным родом Романовых. Все братья, сыновья Никиты Романовича Захарьина-Юрева – Фёдор, Александр, Михаил, Иван и Василий – были арестованы и пострижены в монахи, что должно было лишить их прав на престол. Родители Михаила (не только отец, но и мать) были пострижены под именами «Филарет» и «Марфа».

Если обратиться к владениям семьи Романовых на Ивановской земле, то следует сказать, что в XVII веке вотчина бояр Романовых располагалась на территории современных Гаврилово-Посадского района Ивановской области и Юрьев-Польского района Владимирской области (напомним, что Юрьев-Польский уезд в 1929-1936 гг. входил в состав Ивановской промышленной области, а в 1936-1944 гг. – в состав Ивановской области). В ней, в частности, входили сёла Лычёво, Клины и Смердово. В Клинах в самом начале XVII века, с сентября 1602-го по 1605 годы, проживал малолетний Михаил Романов – первый царь этой династии, выгнанный из Москвы царствовавшим тогда, как уже сообщалось выше, Борисом Годуновым. Здесь мальчик, лишённый обоих родителей и даже бабушки, оказался под опекой тётушек. Атмосфера тревоги и неизвестности, острота разлуки с семьёй не могли не повлиять на Михаила. Чтобы как можно скорей свидеться с отцом и матерью, он усиленно молится. Видимо, от раннего

Патриарх Филарет
(Фёдор Никитич Романов, 1553-1633)

Гаврилово-Посадского района находится село Лычёво. Впервые о нём упоминается в книгах, в которых были указаны границы земельных владений сёл Дубенок и Лычёво. В первой четверти XVI столетия оно принадлежало Федору Ивановичу Дубенскому, а в начале XVII века, как видно из книги патриаршего приказа, оно было уже вотчиной бояр Романовых. До 1648 года село принадлежало Ивану Никитовичу Романову, а затем перешло к его сыну Никите Ивановичу Романову, и только с 1666 года – к другим владельцам. Во второй половине XVIII столетия Лычёво принадлежало помещикам Лялинym, один из которых был строителем деревянной церкви.

Село Смердово с деревянной церковью Чуда Архистратига Михаила в 1628 году принадлежало боярину Ивану Никитичу Романову, который был родным дядей Михаила Фёдоровича. В 1645 году Смердово уже записано за его сыном – Никитой Ивановичем Романовым. При Романовых Смердово использовалось в качестве хозяйственного поместья, так как оно располагалось на плодородных землях.

Итак, после изгнания поляков из Кремля, начиная с середины ноября 1612 года, созданное в Москве временное земское правительство начинает рассыпать в города грамоты, извещающие об очищении Москвы и призывающее присыпать в Москву делегатов для участия в Земском Соборе, основным вопросом которого должны были стать выборы нового царя всея Руси. На Земский Собор, открывшийся в Москве в январе 1613 года, собралось около 800 представителей со всех концов Руси. 21 февраля 1613 года царём был избран юный Михаил Фёдорович Романов, который вместе с матерью в то время находился в Костроме.

детства восходит поражавшая современников глубокая религиозность Михаила Фёдоровича.

Из-за утраты документов сложно сказать, кто оказался хозяином села в дальнейшем, но уже в 1682 году Клины принадлежат Апраксиным. Вместе с этим селом боярыне Домне Богдановне и её сыновьям Петру, Фёдору и Андрею Матвеевичам Апраксиным были пожалованы деревни Зекрово, Мещериново, Улитино, Кононово, Шубино, Кореваново, Грибово. А на следующий год к Апраксиным перешло и Смердово. 19 октября 1689 года вся эта вотчина отошла одному из братьев – Фёдору Матвеевичу, дослужившему до звания генерал-адмирала и кавалера.

В 23 верстах от Юрьева-Польского и 58 верстах от Владимира на территории

В Кострому было направлено посольство во главе с родственником нового самодержца Ф.И. Шереметевым. Именно ему приписывают фразу: «Помиримся на Мише Романове: он молод и разумом ещё не дошёл и нам будет поваден». Его задачами было уговорить Михаила занять престол, а также сопроводить его до Москвы. Участники Земского Собора составили специальную «Утверждённую грамоту об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова». К сожалению, она подписывалась после окончания Собора, когда многие из его участников уже разъехались. Поэтому мы не можем достоверно установить имена представителей Шуи, Луха, Юрьевца, Кинешмы, принимавших участие в Соборе. Тем не менее, Грамоту подписали многие представители, имевшие непосредственное отношение к нашим местам. Это архиепископ Суздальский и Тарусский Герасим, верховный пастырь наших мест, наши крупные землевладельцы бояре Фёдор Шереметев, князь Дмитрий Пожарский, князь Иван Куракин, князь Иван Черкасский, Иван Романов, шуйский вотчинник стряпчий Степан Милюков, дьяк Иван Болотников, князь Фёдор Барятинский, князь Роман Лопата Пожарский, Богдан Хомутов, герой восстания 1609 года юрьевчанин Фёдор Красный.

Между тем временное правительство начало рассыпать в города грамоты уже от имени нового царя. Первая из известных нам подобных грамот была направлена в Шую, воеводе Ивану Яковлевичу Блохину и датирована 9 марта 1613 года. Это ответ на челобитье находившегося в то время в Москве и, вероятно, принимавшего участие в Земском Соборе шуйского земского старосты Трофима Дубовикова, который жаловался на произвол, который чинили в Шуе и окрестных городах и селениях «казаки, стрельцы и всякие ратные люди», которые не только обирали горожан на дорогах, но и конфисковывали прямо в городе у шуян лошадей и подводы. Кроме того, в январе 1613 года по приказу владимирских воевод В. Бутурлина и И. Измайлова дворянин Неудача Мальцов собрал с Шуи «подымные и лавочные деньги» и отвёз их во Владимир. За ним явился стрелецкий сотник Никифор Михайлов, который имел поручение от суздальского воеводы князя Р.П. Лопаты Пожарского собрать с шуян сто пятьдесят четей ржи и сто пятьдесят четей овса. Учитывая крайнее разорение и бедность шуян, временное правительство отменило своей грамотой сбор хлеба и потребовало от воеводы прекратить насилия над посадскими людьми. Несмотря на эту грамоту, кое-какие сборы с шуян всё же продолжали собирать. В том же марте 1613 года подьячий Михаил Неверов получил у Шуйского старосты Ильи Евдокимова собранные с горожан на «пушечную стрельбу двенадцать аршин холстов льняных и посконных, девять пятков льну и поскони, пятнадцать гриненок смолы».

13 марта посольство Фёдора Ивановича Шереметева прибыло в Кострому (путь от столицы занял чуть больше десяти дней), и на следующий день вручило Михаилу Фёдоровичу Романову царский посох. Против приглашения Михаила на престол была мать избранного царя, инокиня Марфа, понимавшая, чем могло это грозить её сыну. Однако и её упорство удалось сломить.

Кстати, в литературе блуждает неточность, что Михаил Романов приходился племянником первой супруге Ивана Грозного – Анастасии Романовне, и эта бли-

зость к династии Рюриковичей-Калитовичей явилась весомым аргументом при выборе нового царя. Спору нет, всё так, но необходимо уточнить – Михаил был всё-таки внучатым племянником Анастасии, то есть внуком её родного брата.

Лишь через полтора месяца царь прибыл в Москву. Из Костромы он отбыл 19 марта, Пасху 4 апреля встречал в Ярославле, 17-18 апреля находился в Ростове Великом, 22-23 апреля – в Переяславе-Залесском, 26 апреля государь прибыл в Троице-Сергиев монастырь. 2 мая 1613 года Михаил Фёдорович Романов торжественно вступил в Москву, а 11 июня состоялась окончательная легитимация – в Успенском соборе Кремля прошло торжественное венчание на царство. Началась эпоха царствования дома Романовых.

Боярская Дума при новом самодержце состояла в основном из тех, кто открыл полякам ворота столицы и два года сидел вместе с ними в осаде – Ф.И. Мстиславского, Ф.И. Шерemetева, И.М. Воротынского, И.Н. Романова, Б.М. Лыкова, И.С. Куракина. Почти все они являлись родственниками или свойственниками Михаила и не только сохранили свои посты, но и получили крупные земельные пожалования. Князья Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский тоже были пожалованы боярством, но больше не играли первенствующих ролей в управлении государством. Юный самодержец позаботился о том, чтобы поставить в города новых воевод. В Шую сначала был назначен князь Иван Давыдович Гундоров, а в 1614 г. – Иван Фёдорович Наумов. В Лух воеводой был назначен Афанасий Матвеевич

Молвянинов. Воеводы получали в управление крайне разорённые воинской уезды. Ещё в июле 1612 г. в Сузdal и Шую был послан один из самых заслуженных ветеранов освободительного движения Мисюрь Иванович Соловцов и суздальского архиепископа сын боярский Второй Салманов. Однако не все дворяне и дети боярские поспешили на земскую службу, многие отсиживались в своих поместьях. Поэтому от имени нового царя сборщикам было приказано во Владимире, Суздале, Муроме, Лухе, Гороховце и Нижнем Новгороде выявить тех, кто совсем не был на службе, и тех, кто сначала явился, а потом сбежал.

После того, как Михаил стал царём, страна начала верное и неуклонное движение по пути выхода из Смуты. В 1619 году из польского плена возвращается отец монар-

Михаил Фёдорович Романов (1596-1645)

ха – человек жёсткой и несгибаемой воли. Наконец-то произошла долгожданная встреча разлучённого сына с родителем. Филарет в том же году избирается Патриархом и фактически становится главой российского правительства, способствуя выводу государства из кризиса.

Членами правительства т.н. «Семибоярщины» являлись Ф.И. Шерemetев, И.Н. Романов, Б.М. Лыков, у которых были земельные владения на Ивановской земле.

Заметную роль в событиях Смуты сыграл представитель княжеского рода Лыковых-Оболенских – Борис Михайлович. Он был женат на Анастасии Никитичне Романовой, тётке царя Михаила Фёдоровича. Б.М. Лыков (умер в 1644 г.) был боярином и воеводой; известен удачными действиями против поляков и казаков; в 1607 г. он вместе с князем Голицыным и Прокопием Ляпуновым разбил отряд Телятевского близ Каширы, завладев всем его обозом; в 1608 г. с князем Куракиным победил польского полковника А.И. Лисовского на берегах реки Москвы; в 1609 г. помешал полякам занять Москву и остановил движение крымцев после кровопролитной битвы близ Серпухова. Ещё при Лжедмитрии I князь Б.М. Лыков был возведён в придворный чин кравчего, а также пожалован огромными поместьями в Лухском уезде на правом берегу реки Лух. Эта местность до наших дней так и называется лыковщина, хотя род князей Лыковых давно пресёкся.

Гаврилова слобода (ныне город Гаврилов Посад) с 1647 г. – дворцовая волость царя Алексея Михайловича Романова. Ещё в 1565 г. царь Иван Грозный, родственник Романовых по первой жене, заложил в Гавриловской слободе конный завод. В 1707 г. царь Пётр I издал указ, согласно которому жители Гавриловской слободы должны направить в Азов и Троицк людей, знающих кузнечное дело. 16 января 1721 г. Пётр I именным указом, данным Сенату, объединил дворцовые и конюшенные селения в одно ведомство (в том числе и Гавриловской волости). В 1723 г. Пётр I подарил графу Петру Андреевичу Толстому – предку Льва Николаевича Толстого – имение в 277 крестьянских дворов – село Глумово с деревнями (это территория современного Гаврилово-Посадского района). В 1739 г. императрица Анна Иоанновна отдала распоряжение о строительстве в Гавриловской слободе, взамен старых деревянных конюшн, нового кирпичного конного завода. 16 августа 1850 г. в Гавриловом Посаде, проездом из Суздаля в Юрьев-Польский, побывали Великие Князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич Романовы.

Село Дунилово с 1685 г. принадлежало боярину Ф.А. Лопухину – отцу первой супруги Петра Великого.

Село Ненашевское в XVI веке было вотчиной юрьев-польского Михайло-Архангельского монастыря. От Ивана Грозного и его сына царя Фёдора Ивановича монастырь имел жалованные тарханные грамоты на свои вотчины, в том числе и на Ненашевское. Эти царские грамоты во время разорения Юрьева поляками и литовцами в 1609 году сгорели, и поэтому царь Михаил Фёдорович Романов по просьбе архимандрита в 1625 году дал вновь Михайло-Архангельскому мона-

стырю свою жалованную грамоту на Ненашевское, которое было освобождено от казённых пошлин.

Ещё один сюжет, связывающий Романовых с нашим краем, – это пожалования отдельным лицам от имени самодержцев. Так, царь Михаил Федорович пожаловал в 1619 г. князю Д.М. Пожарскому село Ильинское-Хованское. Он же жалует князю в 1613 г. село Холуй. Царь Алексей Михайлович в 1620 г. пожаловал село Морозово ныне Тейковского района С.В. Бутурлину.

Золотниковскую пустынь ныне Тейковского района посещали Пётр I, его сестра Софья, первая супруга Петра Евдокия Лопухина, вдова царя Ивана Алексеевича Прасковья Фёдоровна вместе с дочерьми Анной (будущей императрицей Анной Иоанновной), Екатериной и Прасковьей; будущий император Александр II – в 1837 г. Пустыни уделяла внимание Екатерина II, вносила вклады царь Михаил Фёдорович. Евдокия Лукьяновна Стрешнева (вторая жена Михаила Фёдоровича и мать Алексея Михайловича) прислала хоругвь в пустынь и переименовала речку Смердягу в Золотничку.

В Шуе Пётр I побывал в 1722 г., Павел I вместе со своим сыном, будущим императором Александром I, – в 1798 г., Елизавета Петровна жила в Шуе некоторое время в 1738 г.

Особо следует отметить фигуру Императора Александра II, посещавшего село Иваново в мае 1837 года, будучи наследником (его сопровождал наставник, выдающийся поэт В.А. Жуковский). Он же посетил наш край в 1858 году. Кроме того, Александр побывал и в Шуе, там он останавливался на ночлег 12-13 мая 1837 года. Нелишним будет напомнить, что именно Александр II подписал Положение о создании города Иваново-Вознесенска в 1871 году. В дореволюционном Иваново-Вознесенске было установлено два бюста в его честь. А летом 1863 года в Иванове в усадьбе фабrikанта Зубкова в Дмитровской слободе на бывшей Дмитровской улице (ныне – улица Рабфаковская) в доме № 6 во время поездки по России останавливался наследник престола, сын императора Александра II – Николай Александрович. Обратимся к дневнику будущего обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, который сопровождал наследника: «Мы не могли налюбоваться красивым видом с балкона на широкий луг и на село Иваново, неправильно разбросанное по горам и оврагам за речкой Уводью. Высокие белые церкви среди домов и зелени... Когда стемнело, зажгли перед домом богато украшенные транспаранты, засверкали огоньки иллюминации. На площади перед домом поставили музыку, и сюда собрался весь народ на гулянье и праздник. Заиграли «Боже Царя храни», а потом завелись хороводы, затянулась русская хоровая песня». Но главой государства он так и не стал – в апреле 1865 года он неожиданно скончался.

22 ноября 2007 года в Иваново открылась передвижная фотовыставка «От милосердия к святости», посвящённая основательнице Марфо-Мариинской обители милосердия преподобномученице Великой княгине Елизавете Фёдоровне. В ноябре 1916 года Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, вдова убитого террористами Великого князя Сергея Александровича, посетила Иваново-Вознесенск в связи

с открытием здесь Дома инвалидов для раненых и пострадавших воинов. 12 ноября она молилась за Божественной литургией в Покровском соборе Иваново-Вознесенска (уничтожен, ныне – территория Дворца искусств на площади Пушкина). Приветствуя великую княгиню, архиепископ Владимирский и Шуйский Алексий, также посетивший эти дни Иваново-Вознесенск, сказал: «*Ваше Императорское Высочество! Вы вступили под священные своды храма, созданного на трудовую копейку рабочего люда. Иваново-Вознесенск – это юдоль труда, где ежедневно десятки тысяч рабочих стоят, склонившись над ткацкими станками. Там за стенами этого храма – упорный труд, а здесь – тихая, теплая молитва, – вот то, что дает главное содержание Иваново-Вознесенска. Ваше Императорское Высочество! Русский народ знает и чтит Вас, как великую христианскую труженицу на пользу бедных, страждущих, главным образом из того же рабочего люда: забытые, выброшенные на улицу дети, вдовы, сироты, больные и раненые воины и прочие – вот обычный Ваш семейный круг, которому Вы отдаете Ваше время, Ваши средства, Вашу любовь. Знают это и жители города Иваново-Вознесенска и радостно встречают Вас, не только как посланницу своего возлюбленного монарха, но как друга, покровительницы и помощницы бедных, больных и сирот, вышедших из их же рабочей среды, они знают это и посыпают на встречу Вашему Императорскому Высочеству из своих благодарных сердец искренние благожелания....*».

Из Покровского собора крестный ход, возглавляемый архиепископом Алексием, под звон колоколов с песнопениями и хоругвями двинулась в сторону улицы Воздвиженской (ныне улица Степанова). Здесь, в доме Соловьёва (на этом месте в советские годы размещались многоквартирный дом и ресторан) был открыт и освящён Дом инвалидов. Великая княгиня шла в крестном ходе вместе с народом. После освящения здания Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, возглавляющая Всероссийский комитет помощи раненым, обратилась к собравшимся со следующими словами: «*Православные иваново-вознесенцы! Братья и сестры! Господа! Беспримерная ужасная война принесла много горя и слез нашей дорогой Родине. Много осиротелых семей, много бесприютных детей, много потерявших трудоспособность и ставших калеками. Долг каждого, кто еще может работать, и кто имеет некоторый достаток, прийти на помощь обездоленным. Мы все должны сделать, чтобы наши доблестные русские воины, сражающиеся и проливающие сейчас кровь на фронтах, чувствовали поддержку и заботу от нас. Низкий поклон вам от них, меня лично и Его Императорского Величества за открытие приюта инвалидов в вашем трудовом и славном городе.*» Во второй половине дня в особняке известного фабrikанта, мецената и коллекционера Дмитрия Геннадиевича Бурылина (кстати, он несколько раз встречался с Императором Николаем II) состоялся званый обед по случаю приезда в Иваново-Вознесенск высокой гостьи. После трапезы собравшиеся посетили Музей промышленности и искусства, расположенный в доме напротив. Этот музей был открыт Бурылиным 17 декабря 1914 года, а спустя девять дней по его инициативе в нём начала работу первая в Иваново-Вознесенске художественно-промышленная выставка,

средства от которой пошли в пользу раненых. Музей произвёл на Великую княгиню большое впечатление. Через несколько дней после отъезда она прислала в дар музею Бурылина картину академика живописи Ю.Ю. Клевера. Считается, что сейчас это полотно находится в собрании Ивановского художественного музея.

Имеется связь и старинного города Юрьевца с Романовыми. Так, 23 мая 1661 г. при Юрьевецком воеводе Семёне Никитиче Волковском (Болховском) указом царя Алексея Михайловича была заложена крепость в дополнение к существовавшему неподалёку деревянному острогу. Кроме крепостей писцовая книга 1676 года отмечает в городе Воеводский и Государевы дворы рыбного приёма, винокуренный, конюшенный, земской двор для приезжих людей, таможенные избы, избу площадных подьячих, тюрьму и прочие казённые здания. В 1652 году им же, царём, городу поставлен протопопом один из будущих вождей старообрядства знаменитый правдолюбец, писатель Аввакум Петров, находившийся на этой должности с мая по июнь. Во время крестьянского восстания Степана Разина царь Алексей Михайлович посыпал в Юрьевец полкового воеводу Василия Нарбекова для разгрома отряда восставших под руководством воеводы Разина, Илейки Иванова, прорвавшегося с Волги по Ветлуге и Ветлужскому волоку на Унжу на Большой Сибирский тракт. Помогал ему брат воевода Юрьевца стольник Фёдор Нарбеков. Собранныму войску были приданы пушки, зелье (порох), ядра и другое вооружение из городского Острога. Кстати, при пересмотре гербов городов империи Екатерина II оставила Юрьевцу его полный герб (без губернского) «За заслуги перед Отечеством». В 1858 г. Александр II посетил город, проплыл к Юрьевцу мимо Плёса и Кинешмы.

В селе Старое Воскресение (Старо-Воскресенское) ныне Лухского района в первой четверти XIX века была возведена церковь Воскресения. В 1913 г. храм был «возвобновлён живописью на средства прихожан в память 300-летнего царствования Дома Романовых». В честь этого же события в селе Родники (ныне город) было расписано новое здание церкви Ильи Пророка.

Князья Бельские, удельные Лухские князья, имели кровную связь с царём Иваном Грозным. Сестра Ивана Дмитриевича Бельского Анастасия была замужем за боярином Василием Михайловичем Юрьевым – племянником первой супруги Ивана Грозного Анастасии Романовны.

Кроме того, очень тесную связь с Ивановским краем имели и ближайшие родственники бояр Романовых – князья Черкасские и графы Шерemetevы. И в этой связи ценность представляют книги, созданные председателем Костромской губернской учёной архивной комиссии Н.Н. Селифонтовым. В частности, М.С. Черкасский и Д.М. Черкасский имели вотчины на ивановской земле. Двоюродный брат царя Михаила Фёдоровича Романова, боярин (с 1613 г.), князь Иван Борисович Черкасский (умер в 1642 г.), сын Б.К. Черкасского, в 1598 г. был стольником, подписал избирательную грамоту Бориса Годунова. В 1600 г. попал в опалу по делу Романовых. В 1602 г. переведён был из Малмыжа на службу в Нижний Новгород, а затем в Москву. При Василии Шуйском был кравчим. В

1608 году – воевода в войсках, посланных против Лжедмитрия II. В 1610-1611 г. – сторонник Владислава. В 1618 г. был послан в Ярославль собирать ратных людей. В разные годы ведал Стрелецким, Аптекарским, Иноземным и Казённым приказами. В 1638-1642 г. – владелец села Иваново.

Среди княжеских родов, владевших Шуей и Юрьевцем, надо назвать ветвь Горбатых-Шуйских, которая была пресечена (по мужской линии) репрессиями Ивана Грозного в 1565 г., казнившего Александра Борисовича вместе с его юным сыном Петром по подозрению в измене (князь был одним из лучших воевод государя). Но по женской линии эта ветвь оказалась в свойстве с новой правящей династией Романовых. Старшая дочь Александра Борисовича, Евдокия, была замужем за братом царицы Анастасии Никитой Романовичем Юрьевым и стала, таким образом, матерью Никитичей Романовых (точнее, кому-то из них и мачехой, потому что была у Никиты второй супругой) и, возможно, родной бабкой царя Михаила Фёдоровича. Другая дочь князя Александра, Ирина, в 1547 г. вышла замуж за кн. Ивана Фёдоровича Мстиславского, который по тогдашним счетам родства приходился племянником царя Ивана IV.

Таким образом, самые различные связи рода Романовых с нашим краем, обнаруживающиеся в XVI веке, прослеживаются вплоть до начала XX века. Надо констатировать, что Ивановская земля сыграла важную роль в событиях Смутного времени, и в судьбах Михаила Романова и его ближайших родственников.

1. Антонов И.П., Очков В.В. Гаврилов Посад. Историко-краеведческий очерк. Ярославль. 1989. – 188 с.
2. Барсуков А.П. Докладная выписка о вотчинах и поместьях 1613 г. М. 1895. – 24 с.
3. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 1897 – 611 с.
4. Борисов В.А. Собрание трудов (материалов) в 3-х томах. Том 1. Иваново. 2004. С. 102; Семененко А.М. Предисловие. // Имена улиц города Иванова. Иваново. 2012. – 188 с.
5. Кабанов А.Ю. Лухский край, земля заповедная. Иваново. 2003. – 364 с.
6. Козляков В.Н. Михаил Федорович. М. 2010. – 346 с.
7. Любомиров П.Г. Очерки нижегородского ополчения. М. 1939. – 344 с.
8. Морозова Л.Е. Россия на путях из Смуты. М. 1995. – 237 с.
9. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. М. 2000. Ч. 2. – 813 с.
10. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. М. 2000. Ч. 2. – 813 с.
11. Семененко А.М. Ивановская старина. Иваново. 2014. – 208 с.
12. Скрынников Р.Г. На страже Московских рубежей. М. 1986. – 336 с.
13. Сурин Г.И. Слово о Шье. Легенды и были города на Тезе. Иваново. 2005. – 254 с.
14. Текст «Утвержденной Грамоты» см. в кн.: Козляков В.Н. Смута в России. М. 2007. – 528 с.
15. Тихомиров А.М. Прощай, Золотниковская пустынь... Или Здравствуй? // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. 2006. № 3. – 100 с.
16. Хламов С.Ю. Неспелые вишни. Историко-художественные очерки. Кольчугино. 2006. – 91 с.

Тактический стиль боярина и воеводы М.Б. Шеина в период вооруженной борьбы за Смоленск 1632–1633 гг.

Михаил Борисович Шеин отличился примерно в те же годы, что и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, а именно в тяжелейший период Великой Смуты. Шеин удерживал польскую осадную армию под Смоленском с 1609 по 1611 гг., истощил её силы, не дал пройти дальше. Поэтому король Сигизмунд III и основные силы армии Речи Посполитой не сыграли решающего значения в борьбе за власть в Москве на этапе наиболее напряжённого противостояния.

Михаил Борисович несколько лет провёл в польском плену, вернувшись домой уже в царствование Михаила Фёдоровича.

А при Михаиле Фёдоровиче Шеин стал крупной правительственный фигурой, не говоря уже о том, что в ожидании реванша в борьбе с Речью Посполитой на него крепко надеялись как на опытного, смелого, искусного полководца.

Более того – Шеин играл роль живого знамени. Его смоленская оборона на долго остановила вторжение польско-литовских сил на просторы России, он показал, что Речь Посполитую, очень сильного по тем временам противника, бить можно. И пускай королевская армия всё-таки вошла в Смоленск, но планы её командования оказались сорваны Шеиным. Дыхание новой войны очень хорошо чувствовалось на государственном лице России. И про Шеина знали: за этим против поляков пойдут, под его знамёнами будут на новых ратных полях драться всерьёз, поскольку смоленскими делами Михаил Борисович заработал себе добрую славу в русском воинстве.

Михаил Борисович вернулся из польского плена в 1619 году, вместе с отцом государя, Филаретом Никитичем, который скоро станет патриархом Московским и чуть ли не главным творцом московской большой политики. Филарет знал Шеина, его нрав, его отвагу и неуступчивость, очень хорошо. В 1610 году «Великое посольство», направленное из Москвы к королю Сигизмунду III, вело переговоры в лагере королевской армии под Смоленском. Филарет был тогда духовным лидером посольства, в то время как большой вельможа князь В.В. Голицын играл роль его светского руководителя. Поляки нажали на посольских людей, а кое-кого подкупили. Надеялись, что представители Москвы признают своим царём помимо королевича Владислава Сигизмундовича, кему уже присягнули, ещё и его отца Сигизмунда III, ортодоксальнейшего католика. В подобных обстоятельствах «вместе» означало бы «вместо». Надеялись, что послы отступятся от жёсткого требования, вдохновлённого патриархом Гермогеном, перекрестить королевича в православие. И более всего надеялись, что гости из русской столицы уговорят упрямого храброго Шеина спустить флаг. Кое-кто и впрямь перешёл в стан поля-

ков, но двое главных послов, Филарет и Голицын, не сдавались. Они желали видеть во главе Русской державы православного монарха, не соглашались принять матёрого отца на роль юного сына и подавно не желали давить на Шеина. Какой смысл? Если Владислав взойдёт на престол московский, он будет управлять Смоленском в ряду всех прочих русских городов. Так зачем же родитель осаждает город, уже предназначенный к переходу под власть отпрыска?! Нелогично. Умнее бы вообще войска польско-литовские от города отвести, да отправить по домам... Но родитель думал вовсе не о том, чтобы отдать молоденького сынишку (тому всего пятнадцать лет) московским варварам на растерзание и вовсе не о том, чтобы осуществлять власть через него. Ему мечталось присоединить Смоленск к Речи Посполитой, а в России всем управлять самостоятельно и твёрдой рукой.

Филарет отвечал ему: «Нет!»

Голицын вторил: «Нет!»

Шеин громом городской артиллерии добавлял своё звучное «нет!»

И король арестовал послов, отправил их, плениками, к себе в тыл, а Смоленск потом всё-таки взял, правда, положив под стенами непоправимо большое количество воинов и сложив из потерянного времени могильную плиту своим дальнейшим завоевательным планам. В сущности, для истории жизни Михаила Борисовича Шеина не столь уж важны идеи и действия Сигизмунда III после того, как Смоленск пал. Иное важнее: тот, кто стоял на стене города, не сдаваясь, и тот, кто не пошёл под эту стену вымаливать позорную сдачу у своих же, получили друг о друге впечатление как о дальних, твёрдых русских людях.

А такие впечатления располагают к доверию.

Филарет Никитич, вернувшись домой, доверял Шеину, ждал от старого воеводы верности русскому делу и новой династии, даже сделал Михаила Борисовича своего рода избранным ходатаем, который передавал патриарху просьбы «снизу», имея право быть выслушанным и услышанным. Подобных ему ходатеев существовало ещё двое-трое, и среди них воевода играл далеко не последнюю роль.

Служебные назначения Шеина при Михаиле Фёдоровиче показывают несомненную высоту его положения. Он опять, как и до плена, боярин, он на протяжении 1628–1632 годов возглавляет Пушкарский приказ – одно из ключевых ведомств военной машины Московского царства. Его чаще прочих приглашают к обеду за царский стол, зовут участвовать в переговорах с иноземными дипломатами, не обижают высокими и ответственными административными назначениями.

Да и матrimониальные комбинации вокруг этой матёрой фигуры свиваются во внушительный узел. Шеин был женат на представительнице рода Годуновых и через Годуновых являлся тесным брачным свойственником Стрешневых – родни самой царицы, супруги Михаила Фёдоровича. Его сын Иван взял в жёны дочь

боярина князя Б.М. Лыкова, выдающегося полководца и ещё одного близкого брачного свойственника Романовых. Лыков был женат на Анастасии Никитичне Романовой, царской тётке. К тому же, он оказал правящей династии в ходе последних лет Смуты военные услуги, которые невозможно переоценить.

При Михаиле Фёдоровиче М.Б. Шеин отмечен богатыми земельными по-жалованиями. Ему передали из казны тысячи и тысячи десятин. С этих земель Шеин мог в одиночку выставить небольшую армию... Что в вопросах безопасности династии – не последнее дело.

Деулинские мирные соглашения 1618 года, завершившие интервенцию и Великую Смуту в целом, невероятно дорого стоили России. ТERRITORIALНЫЕ потери отбросили её к границам второй половины XV столетия. То, что удалось освободить из состава «Литовской Руси» при Иване III и Василии III, почти полностью оказалось отобранным при Михаиле Фёдоровиче.

Вот далеко неполный список городов, которых лишилась Россия в 1618 году: Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский, Стародуб, Дорогобуж, Рославль, Невель, Себеж. Фактически Речь Посполитая, пользуясь бедственным положением России, отторгла в свою пользу целую страну...

Обширные области, попавшие под руку католического правителя, населены были русскими православными людьми. Их правитель «Третьего Рима» обязан был защищать, беречь их церкви, стоять за их веру. Но как ему теперь осуществлять всю эту программу необходимых и естественных действий, если в военно-политическом отношении проигрыш 1618 года не только отдал названных людей Речи Посполитой, но и показал страшную немощь Московского царства?

Россия обнищала и обезлюдела. Кем решать проблемы большой войны с могущественным противником?!

Ко всему, польский король Владислав IV вовсе не считал, что дело кончено. Он по-прежнему официально носил титул русского царя, коим наделило его русское боярское правительство в 1610 году. А значит, мог в любой момент – как только у России начнётся полоса трудностей – вновь ударить с целью не просто оторвать очередной кусок русской земли в свою пользу, но забрать всё и воссесть наконец-то на престоле в Белокаменной.

Для Владислава царь Михаил Фёдорович представлял собой временно терпимое обстоятельство, которое впоследствии придётся, так или иначе, убрать с дороги истинного государя...

Конечно же, Москва накапливала силы для реванша, ждала удобного случая, искала союзников. И, разумеется, старалась залечить глубокие раны, нанесённые ей Смутою. Москва жаждала новой войны и готовилась к ней. Сильно изменилось войско московских государей. До времён Михаила Фёдоровича русская полевая армия в качестве главного элемента ударной мощи рассчитывала на дворянское ополчение, устроенное и вооружённое ориентально. Помимо него в главных боях и походах участвовали стрельцы – пехота, вооружённая аркебузами.

зами («пищалями»). К ним добавлялись относительно небольшие контингенты казаков, служилых татар и отряды западноевропейских наёмников, как правило, немногочисленные. Как показала Смута, хаотичные действия дворянской конницы перестали приносить успех, если борьбу ей вести приходилось с серьёзным, хорошо организованным противником. Зато наёмная пехота, вооружённая и обученная для действий в сомкнутом строю по европейским образцам, проявила себя очень хорошо. И для новой войны правительство Михаила Фёдоровича подготовило совершенно иную армию, армию нового образца. Ударным ядром её стала не поместная конница, как встарь, а западноевропейские наёмники и русская пехота, вооружённая, одоспешенная, обученная действиям на поле боя по всем правилам европейской военной науки того времени. «Свежие», немецкие по составу, полки выглядели грозной силой. Не меньше надежд вызывала большая масса «вольных» и «даточных» людей из числа подданных русского царя, составивших отечественные пехотные полки «иноzemного строя». К ним добавился один рейтарский (конный) полк, также из русских. На командные должности Москва поставила европейских офицеров, обладавших опытом воинской деятельности. Для русских солдат и рейтар иностранцы выступали в качестве не только начальников, но и наставников, инструкторов.

Такая армия стоила намного дороже и стрельцов, и казаков, и служилых татар, и поместной кавалерии. Но от неё ждали большей надёжности, дисциплины и организованности на поле боя.

К стартовой точке войны российское правительство сумело приготовить несколько полевых соединений – таков был «стратегический почерк» русского командования: оно любило вести боевые действия по широкому фронту, нащупывая возможности тактического успеха одновременно в разных местах. Самая крупная армия предназначалась для наступления на Смоленск, и её-то предстояло возглавить Михаилу Борисовичу Шеину. Ему вручили под команду солидную силу: численность армии, выставленной на Смоленское направление, по подсчетам современных исследователей, составляла от 26.000 до 32.000 комбатантов (при 160 артиллерийских орудиях разных типов), притом вторая цифра – лишь с учётом подкреплений, которые первое время приходили в лагерь Шеина. Историки прежних времён писали 35 и даже 40 тысячах ратной силы под рукой Михаила Борисовича, однако документами того времени столь значительные цифры не подтверждаются. Воеводе обещали намного больше, но вовремя собрать обещанные силы или хотя бы с опозданием переправить их в стан смоленской армии не смогли. Впрочем, 30.000 бойцов давали Шеину на первом этапе боевых действий заметное численное преимущество над неприятелем. Притом около половины полевого соединения Михаила Борисовича составляли русские полки иноzemного строя, т.е. «modernизированная» пехота и конница, а также наёмники. Но через год у него осталось всего тысяч 20 человек, не более того.

Ещё одна крупная русская армия готовилась к наступлению севернее, в общем направлении на Полоцк.

Весной 1632 года из жизни ушёл старый король Сигизмунд III, тот самый, что брал Смоленск. В Речи Посполитой разразилось бескоролевье. Россия, не дожидаясь, когда окончится срок перемирия, установленный по Деулинскому соглашению 1618 года, нанесла удар первой.

Московскому правительству казалось, что момент для начала войны выбран идеально. Для Речи Посполитой бескоролевье – это хаос, политическая нестабильность, борьба «партий» и отдельных магнатов. Иногда бескоролевье длится много месяцев, иногда – год, иногда несколько лет... В подобном состоянии стране сложно защищаться. А у России есть союзники, заготовлена армия, имеются искусные, авторитетные полководцы... Для старта большой военной кампании – более чем достаточно.

Другое дело, что никакой военный «аналитик» семи пядей во лбу не мог предсказать, до какой степени изменятся обстоятельства большой политики и сколь быстро эта перемена произойдёт.

Итак, Шеин двинулся к Смоленску летом 1632 года. Вскоре он взял город Дорогобуж – успех весомый. Его младшие воеводы заняли крепость Белую, города Серпейск и Мосальск. В декабре Шеин осадил Смоленск.

Одновременно второе полевое соединение, зашедшее на территорию Литовской Руси севернее, от Великих Лук, быстро продвигалось. Ему также следовал успех. С боем был взят городской острог Полоцка, сдалось и несколько стратегически важных крепостей на том же направлении: Невель, Себеж, Красный. Посады Велижа, Усвята, Озерища, принадлежавшие тогда Речи Посполитой, подверглись разорительным рейдам. Полоцк был своего рода «камнем преткновения» в борьбе России с польско-литовскими силами. В XVI веке московские воеводы не раз атаковали этот город, когда-то являвшийся столицей большого княжения, а затем превратившийся в крупный торговый центр. Первое время атаки не приводили к положительному результату, но в 1563 году сам государь Иван IV, явившись под стены Полоцка с большой армией и мощной осадной артиллерией, заставил город открыть ворота. Шестнадцать годами позднее польский король Стефан Баторий вновь захватил город. Трудно представить себе, какова была радость воинов Михаила Фёдоровича, решивших эту крупнейшую военную задачу вновь! Однако победа оказалась неполной и «синяя птица» Полоцка недолго оставалась в руках царских воевод: им не удалось взять «цитадель» города – Замок. Некоторое время спустя они, разорив город, покинули его.

Третье полевое соединение русских войск ударило из Брянска по Северской области. Его дела шли лучше некуда: очень скоро сдались Рославль, Трубчевск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский. Десятками сдавались военачальникам государя Михаила Фёдоровича менее значительные городки.

Однако с течением времени Шеина начали подводить то обстоятельства большой политики, то ошибки дипломатов, то недоработки тех, кто должен был пополнять и обеспечивать его армию. Так, в Польше относительно быстро, все-

го за полгода, закончилось бескоролевье, на трон 8 ноября 1632 года взошёл Владислав IV – решительно настроенный противник России, притом опытный и энергичный полководец. Он принимается быстрыми темпами набирать армию для похода на восток.

Крымский хан Джанибек-Герай, которого не удалось остановить дипломатическими методами, совершает набеги на южные области России, нанося тяжёлые, разорительные удары. В этом смысле 1630-е годы – крайне неблагополучное для русских времена. Сил на две войны одновременно не хватает, Шеину не достаёт подкреплений, в то же время на юге несут оборону слишком малочисленные контингенты. Джанибек-Герай вонзает когти своих рейдов в центральные, коренные области России...

Татарские отряды грабят окрестности Калуги, Коломны, Серпухова, Зарайска. Их стремительные передвижения происходят уже неподалёку от Москвы. Дворяне из армии Шеина, слыша о разорении вотчин и поместий крымцами, бегут из действующей армии, забыв о чести и долге. Своя землица заботит их больше, чем величественная задача отбить Смоленск.

6 ноября 1632 года стряслось ещё одно несчастье: в баталии при Лютцене погиб шведский король Густав Адольф, идеальный союзник против Речи Посполитой. В Москве на него очень рассчитывали, и боевые действия, начавшиеся вне союза с могущественной Шведской державой, моментально получили скверную перспективу.

Войска Владислава подходят к Смоленску летом 1633-го. Первое время вооружённая борьба не приносит решающего успеха ни одной из сторон. Шеин настроен биться до победного конца одновременно с гарнизоном Смоленска и королевскими полками. А король привёл не столь уж много людей, чтобы в одной генеральной битве решить судьбу войны в свою пользу.

Шеину оставалось стоять под стенами Смоленска и драться, в стремлении отбить город. Возможно, он бы преуспел. При всех изложенных обстоятельствах у старого воеводы имелся шанс на победу.

Однако судьбы русской армии под Смоленском и её предводителя получили ещё один страшный удар, он-то и обрушил всё дело. Осенью 1633 года скончался патриарх Московский Филарет Никитич. Его железная воля обеспечивала полевому соединению Шеина поддержку – людьми, боеприпасами, продуктами. Но вот он ушёл из жизни, и вся система доставки в осадные войска быстро хаотизировалась. Другие правительственные мужи не имели достаточно решительности, энергии, твёрдости, чтобы довести начатое дело до успеха. Без Филарета Михаил Борисович лишился даже малейших возможностей добиться перелома в свою пользу.

Через некоторое время поляки перерезали дорогу на Москву, и Шеин оказался в тяжёлом положении. Наше время нашло для подобных ситуаций удачное название: «тактическое окружение». А деблокировать Шеина со стороны русской столицы правительство и командование русскими вооружёнными силами не

торопилось. Да, по большому счёту, и не очень могло – на безлюдьи, лишённое возможности создавать новый ударный кулак.

Михаил Борисович, спасая гибнущую армию, вынужденно заключил с поляками соглашение о капитуляции. Он сдавал всю артиллерию и боеприпасы, но хотя бы получал право вывести ёщё остававшиеся под его командованием войска из кольца врагов. 16 февраля 1634 года Михаил Борисович подписал соглашение.

Итог: пусть не катастрофа, но тяжёлое военное поражение, на два десятилетия отсрочившее освобождение Смоленска.

Вокруг столь значительной фигуры в военной истории России, как боярин и воевода Михаил Борисович Шеин, давно ведётся полемика. Ярким её элементом стал известный текст Игоря Андреева, опубликованный на страницах журнала «Родина» в 1997 году¹, но, вместе с тем, он является продолжением дискуссии, начавшейся ёщё в XIX столетии.

И. Андреев посвятил статью «делу» воеводы М.Б. Шеина, казнённого по обвинению в «измене» после разгрома его армии под Смоленском в 1634 году. Автор статьи в подробностях показал борьбу «придворных партий» у подножия шаткого ёщё престола новой династии. Не столько неудачи на поле боя, сколько интриги, по мнению И. Андреева, роковым образом привели старого полководца на плаху.

Но трактовка самого Шеина как полководца с определённым, притом ярко выраженным тактическим стилем вызывает возражения. Кем предстаёт перед читателем этот воин? Заносчивый, упрямый старик, медлительный и нерасторопный в решающих схватках с неприятелем, пассивный, да к тому же ёщё подверженный необъяснимым приступам депрессии. Как только доверили ему войско? «Незадачливый Шеин... пребывал в полной растерянности... утратил последние проблески воли... никуда не годен для штурма...» – такими характеристиками буквально пестрит статья Игоря Андреева.

Для военачальника подобного ранга, инкорпорированного в военную машину Московского царства, столь полное и безоговорочное «несоответствие занимаемой должности» – огромная редкость. Особенно если учесть громадный боевой опыт этого воеводы. И обвинения, выдвигаемые в адрес М.Б. Шеина И. Андреевым, да и некоторыми исследователями до него, напоминают инструкции современных журналистов «как воевать», сыплющиеся, словно из рога изобилия, на боевых генералов.

Задолго до И. Андреева в исторической литературе началась полемика по поводу того, был ли Шеин изменником и сколь велики его полководческие дарования.

С.М. Соловьев видел причины тяжёлого поражения под Смоленском в «несостоятельности русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного», а также в отсутствии необходимой поддержки из Москвы. Историк не находил в действиях воеводы изменения, считая обвинения в его адрес

плодом недовольства Шеиным со стороны «многих сильных людей» – т.е. части служило-аристократической верхушки двора. Вместе с тем историк цитировал Хронограф, где отмечается высокомерие и несдержанность нрав полководца, немало вредившие делу².

А.Н. Зерцалов напрочь отвергал боярские обвинения, выдвинутые против Шеина, и составил даже выборку приказных материалов, опровергавших вину воеводы пункт за пунктом. Он полагал, что причиной наветов явилась зависть бояр, а Шеин возбудил её против себя в гибельных размерах, оскорбив вельмож в присутствии царя дерзкой речью, произнесённой при отправлении в поход. Михаил Борисович сказал, в частности, что в те времена, когда он верно служил государю оружием, «...бояре многие по запечью сидели, и сыскать... их было не можно...»³. Имелась ввиду осада Смоленска войсками Сигизмунда III в 1609–1611 годах, в самом разгаре Смуты. В ту пору М.Б. Шеин возглавлял смоленский гарнизон, а московская знать мало помогла ему, равнодушно внимая известиям из сражающегося города; и даже сыскались в недрах русской аристократии активные сторонники польского короля.

Н.Н. Оглоблин заострил точку зрения Зерцалова, сделав Шеина «жертвой и мучеником боярских интриг», оклеветанного, а до того фактически брошенного Москвой на произвол судьбы с измученным, лишённым самого необходимого войском. Исследователь не считал возможным сомневаться в полководческом таланте Шеина «...уже по тому одному, что он со своим голодным, ослабевшим отрядом несомненно взял бы Смоленск, если бы Владислав не подошёл туда вовремя, почти накануне сдачи Шеину смоленского губернатора...»⁴.

Д.И. Иловайский в реплике на статью Оглоблина высказал прямо противоположное мнение. Историк считал, что Шеин вообще был мало способен к военному руководству, медлителен, неповоротлив, не проявлял должной активности в борьбе с поляками; все эти качества воеводы привели к тому, что реальные действия его, по сути дела, были недалеки от измены⁵.

На стороне Зерцалова и Оглоблина встал В. Корсаков, автор большой статьи о Шеине в Русском биографическом словаре. Он полагал, что под Смоленском в 1633 году «...с 4-го июня по 27-е августа включительно между поляками и русскими произошло на Покровской горе четырнадцать (!) сражений», притом Шеин несколько раз посыпал войска против неприятеля и добивался успеха. Поражение его – следствие неудачи, а не измены. Армия Шеина терпела страшные лишения из-за отсутствия налаженной системы обеспечения и получала подкрепления с роковыми проволочками⁶.

Е. Сташевский в своём фундаментальном труде о московской армии времён Смоленской войны отмечал крайнюю беспорядочность обеспечения армии Шеина, отсутствие опыта организации боевых операций столь значительного масштаба и общий слабый уровень организованности вооружённых сил Московского государства. Таким образом, поражение Шеина имело предостаточно причин объективного характера⁷.

О.Л. Вайнштейн поддержал мнение Иловайского, настаивая на тактической бездарности Шеина, но отрицая измену. По мнению этого учёного, личное мужество и исключительная стойкость, которые помогли Михаилу Борисовичу за 24 года перед тем при защите Смоленска, теперь были недостаточны для того, чтобы добиться успеха в открытом поле⁸.

Портрет Шеина как бесталанного неудачника покрывает бесчестьем его имени. Кроме того, из него вырастает публицистический миф, скверно влияющий на изучение Смоленской войны в целом.

Между тем иностранные источники, до сих пор не использованные в данной полемике, содержат свидетельства, способные окончательно снять с Михаила Борисовича Шеина это историческое обвинение.

Донесение шведа Хендрика Садтлера из русского военного лагеря, переведённое автором этих строк, позволяет взглянуть на тактический стиль воеводы иначе и восстановить честь знаменитого полководца. Оно было опубликовано Г.В. Форстеном ещё в XIX веке, но не вводилось в российской науке из-за отсутствия перевода со шведского языка⁹.

Думается, полезным будет привести его текст полностью: «С самого начала Смоленск был обложен, и сейчас его повсеместно храбро атакуют, так что ни собаке, ни кошке не проскочить наружу. Говорят, что к русским перебежал из Смоленска капрал, семь лет назад захваченный поляками в плен. По словам бежавшего, в смоленском гарнизоне – не более 4000 немецких солдат в эту кампанию.

Поляки ночью делали вылазку на палатку полковника Лесслера¹⁰. После того, как они [Поляки. – Д.В.] допросили его, большая часть их была перебита между лагерем и крепостными сооружениями, остальные едва спаслись за воротами.

Гонсевский, стоявший с 6000 человек в девяти милях от Смоленска, вышел на рекогносировку с целью разведать, каковы намерения противника и сколь велики его силы. В это же самое время русским полководцем послан был конный отряд в 2000 человек с приказом напасть на Гонсевского, как только они его обнаружат. Гонсевский же, уже собравший сведения, был вне лагеря. Он поставил свою армию в боевой порядок и принял русских таким образом, что не вернулось более 200 человек, положенных на месте или захваченных в плен. Эта потеря произвела на русского полководца тяжёлое впечатление, и он послал более сильную партию в несколько тысяч человек, которая обрушилась на поляков в лагере и совершенно их разгромила. Те, кто не спасся бегством, были порублены, остальные были взяты в плен. Большой отряд из числа последних был, подобно скоту, отогнан в Москву. Там были и дворяне (знатные люди), и другие офицеры, но о Гонсевском неизвестно, пал он или спасся. Кроме того, в этой стычке поляки потеряли много знамён.

Через некоторое время из Москвы под Смоленск было привезено много тяжёлых пушек, картунов и полукартонов, а также большие мортиры в достаточ-

ном количестве. Пушки известили о своем участии в осаде громом. Кажется, сам великий князь [Царь Михаил Фёдорович. – Д.В.] присутствовал при их отправке. Посол великого князя, отправившийся в Швецию, не продвинулся ещё далее Новгорода»¹¹.

К документу добавлен комментарий, проясняющий его историю: «Это донесение вложено в письмо Нильса Персона к регентам Швеции из Нарвы от 23 марта 1633 года».

Кроме того, необходимо учесть известия, содержащиеся в отрывках дневника другого участника смоленской осады (поляка), где сообщается, что Шеин ещё на Рождество 1632 года произвёл первый штурм и далее не оставлял гарнизон Смоленска в покое¹². Подобную манеру вести боевые действия пассивной называть совершенно невозможно. И, следовательно, поражение московских войск у стен Смоленска в феврале 1634 года нельзя объяснить неспособностью Шеина к командованию. Скорее, наоборот, энергичная деятельность воеводы доставила немало трудностей противнику.

После отступления из-под Смоленска Шеин и его младший воевода окольничий А.В. Измайлов попали под следствие по обвинению в измене. В апреле 1634 его «дело» обсуждалось на заседании Боярской думы, где присутствовал и сам царь Михаил Фёдорович. Воеводу обвиняли как в акте капитуляции, так и – даже больше – в тяжёлых, некрасивых условиях, которыми она была обставлена. Дескать, страшный урон нанесён был под Смоленском чести государевой! Приговор: обоих, как Шеина, так и Измайлова, «казнити смертью». Вместе с Измайловым смертную казнь присудили и его сыну Василию. Обширные имения Михаила Борисовича отписать в казну. Ивана Михайловича Шеина, а также ряд младших военачальников смоленской армии отправить в ссылку.

24 апреля приговор был приведён в исполнение.

Как было показано выше, никакой измены за Шеиным нет. И бесталанности, пассивности, старицкой слабости тоже не видно. Воевода боролся с неприятелем умело и энергично. Оставшись без поддержки из Москвы, с перерезанными коммуникациями, он попал в безнадёжное положение. Правительственные круги были прекрасно осведомлены о несчастиях смоленской армии, более того, думается, столица прекрасно осознавала, что её нерасторопность погубила русское дело под Смоленском. Так за что же в действительности его казнили, да ещё с Измайловыми? Очень хорошо выразился на сей счёт блистательный современный петербургский историк А.П. Павлов. По его словам, лютая, несправедливая расправа была вызвана «необходимостью предотвратить вспышки недовольства в армии и народе и спасти авторитет царской власти, значительно подорванный неудачной Смоленской войной»¹³. Именно так!

Но... Это полдела.

Есть ещё кое-что... не проговариваемое. Великий Филарет, милостивец Шеина и жёсткий политик, ушёл в могилу. Мстили ему и за крутость характера, и за

ненасибаемость политического курса, и за твёрдость в кадровых вопросах – мстили мертвому, уничтожая ещё живого его любимца. А может быть, и Романовым в какой-то мере мстили – в среде высшей княжеской знати: «Вы не царская кровь, а воцарились! Пусть так; за власть свою пожертвуйте нам кого-нибудь из близких и драгоценных вам людей, а мы пожрём его, и на том чувство несправедливости, родившееся после оттеснения нас от престола, успокоится, не станет печь наши души с таким жаром». И дали им Шеина, спасая династию... Это, по последнее, конечно, гипотеза, не более того. Но фактор зависти со стороны знатнейших Рюриковичей и Гедиминовичей совершенно исключать из общей картины нельзя. Михаил Фёдорович – первый царь из новой династии, царь не по крови, царь, чьё положение шатко. Династия окончательно утвердится с воцарением его сына Алексея – «порфирородного», т.е. царя, сына царя. А в 1634 году пребывание Романовых на троне ещё можно было «переиграть». В этом смысле старый воевода стал жертвой в очень скверном, почти языческом смысле этого слова.

Но и это еще не всё.

Когда умер Филарет, главным управленцем в Москве оставался князь Иван Борисович Черкасский, близкий брачный собственник царя и настоящий «столп царства» по своей роли в правительстве. С задачами пополнения и обеспечения смоленской армии, по большому счёту, не справился именно он. Но его требовалось вывести из-под огня возможной критики, поскольку без Черкасского рухнула бы вся система управления, подконтрольная Романовым. Уничтожая Шеина, спасали ещё и Черкасского, который, по сути, должен считаться в большей степени виновным за капитуляцию армии Шеина.

В целом, боярин Михаил Борисович Шеин – великая и трагическая фигура русской истории. Возможно, «сняв его с доски» большой политики, династия Романовых спасла себя и страну от новой Смуты... возможно, да. Но каким героическим человеком пожертвовали!

Память его достойна самых добрых слов. Бился честно и храбро, сделал для России всё, что мог. Дважды побеждён. И дважды в том не его вина.

Проект памятника М.Б. Шеину в Смоленске

1. Андреев И. Об измене неизменявшего // Родина. 1997, № 6. С. 32–37.
2. Соловьев С.М. История России // Сочинения М., 1990. Кн. 5. С. 163–165.
3. Зерцалов А.Н. М.Б. Шеин под Смоленском // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. С. 18, 24–27.
4. Оглоблин Н.Н. Правда о боярине М.Б. Шеине // Исторический вестник. 1898. Т. LXXII. С. 889, 892–896, 897, 899.
5. Иловайский Д.И. Ответ Оглоблину // Русская старина. 1898. XI. С.5.
6. Корсаков В. Шеин // РБС. Т. «Шебанов-Шютц». СПб., 1911. С. 52, 56–59.
7. Сташевский Е. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. К., 1919. С. 149, 172–173, 209–217.
8. Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947. С. 182.
9. Форстен Г.В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI-м XVII-м столетиях. СПб., 1889. С. 324–325.
10. Лесслер (Lessler) или Лесли прибыл на русскую службу по рекомендации короля Густава Адольфа из Швеции в 1630 году. Набирал иностранных наёмников на русскую службу и командовал ими.
11. По всей видимости, имеется в виду посольство во главе с Б.И. Пушкиным, Г. Горихвостовым и дьяком Н. Неверовым, которое выехало из Новгорода 22 ноября 1632 года (см.: Поршнёв Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 317, 322). Шеин начал штурмовать Смоленск к концу декабря того же года, но сведения о послах пришли в русский лагерь под стенами города, как видно, с опозданием. Исходя из этих соображений реляцию Садтлера следует датировать приблизительно концом декабря 1632 – январём 1633 года.
12. РИБ. Т.1. 1872. С. 722–723.
13. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 1. СПб., 2019. С. 476–477.

Ю. Мельков. Картина-реконструкция «Смоленск в нач. XVII века». 2015 г.

Раздел III

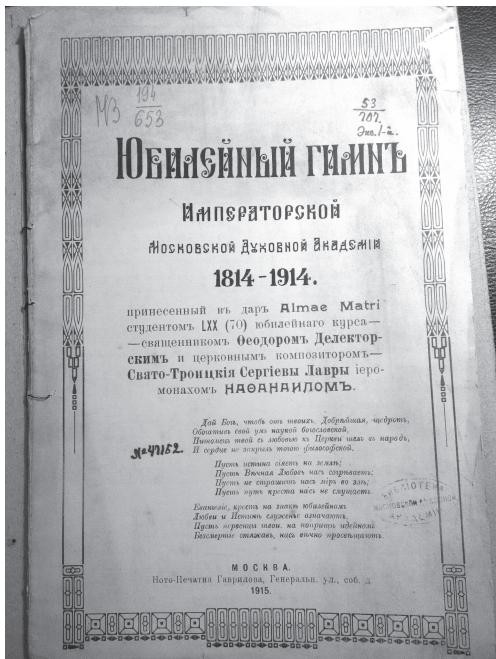
Стояніє в вірі

Дамаскин (Орловский),
архимандрит

Из жизни южского законоучителя сщмч. Никиты, епископа Орехово-Зуевского

Священномученик Никита (Делекторский) после окончания Владимирской духовной семинарии начал своё служение в Юже, учителем закона Божия в местном училище. Владимирская епархия отличалась многочисленностью духовенства, и даже выпускники семинарии нередко не находили места хотя бы через передачу его по родству или через брак, и обычно ждали его, трудясь псаломщиками или учителями закона Божия, или искали места в других епархиях. Изучением южского периода служения священномученика Никиты ещё предстоит заняться нашим церковным историкам и краеведам, а сейчас мы предлагаем вниманию читателей его житие, которое специально подготовил для нашего альманаха агиограф архимандрит Дамаскин (Орловский), член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской православной церкви. – Ред.

Священномученик Никита родился 22 декабря 1876 года в городе Покров Владимирской губернии в семье священника Петра Дмитриевича Делекторского, клирика храма Покрова Пресвятой Богородицы и его супруги Александры. В 1881 году отец Пётр стал служить в Преображенском соборе Переславля-Залесского той же губернии. 27 сентября 1889 года он умер; Фёдору было тогда двенадцать лет. В 1890 году Фёдор Делекторский окончил Переславское духовное училище и в 1897 году Владимирскую духовную семинарию, и был направлен преподавателем Закона Божия в двухклассное училище ведомства Министерства народного просвещения при Южской мануфактуре в Вязниковском уезде. Здесь он прослужил с 1 сентября 1897 года по август 1898 года. В 1898 году Фёдор Петрович женился на Антонине Николаевне Флоринской, дочери протоиерея Христорождественского собора города Александрова. 23 июля 1898 года архиепископом Владимирским и Сузdalским Сергием (Спасским) Фёдор Петрович был определён и 3 августа рукоположен в сан священника ко храму Николаевского женского монастыря, обращённого в том году из заштат-

Люблю чистые нравы, добродушные, честные,
Общественное дело разумное, бесподобное.
Помоги нам в любви к Церкви, чисто из пароды,
И сорвите же покровы темного фальшивомонетчика.

Мечты мои смиренны и земли, и небеса;
Приятно мне спрашивать мату из земли;
Приятно оправдывать христианскую мату на скамье суда.

Люблю и христианскую мать, и земли, и небеса;
Душа и сердце мои, на получение поденки
Благословия отца, жаждут яко чисто прозрывающих.

МОСКВА.
Ното-Печатня Гаврилова, Генераль. ул. соб. д.
1915.

ногого мужского в общежительный женский, в город Переславль-Залесский. С 1901 по 1907 год отец Феодор состоял председателем Ревизионного комитета при Переславском духовном училище. С 1903 по 1907 год он нёс послушание законоучителя церковной школы Николаевского женского монастыря и состоял заведующим и законоучителем Успенской церковноприходской школы города Переславля. В 1904 году была опубликована написанная им история Николаевского монастыря.

В 1907 году брак священника Феодора фактически распался: по-видимому, обстоятельства сложились таким образом, что семью невозможно было восстановить. 17 октября того же года архиепископом Владимирским Николаем (Налимовым) он был освобождён от всех должностей и переведён священником к Введенской церкви и храму Святых Сорока Мучеников Севастийских в Рыбной слободе Переславля. 22 августа 1909 года отец Феодор был уволен по прошению за штат и 31 августа того же года стал вольнослушателем Московской духовной академии. Как окончивший семинарию по второму, а не по первому разряду, отец Феодор не имел права учиться в академии, и ему необходимо было пересдать некоторые экзамены. 16 января 1910 года он, выдержав дополнительные испытания по богословским предметам семинарского курса при Холмской духовной семинарии, был утверждён в искомом звании студента семинарии. В 1911 году священник Феодор сдал приёмные испытания в МДА и был принят на 1-й курс, с назначением казённой стипендии. В 1914 г. он написал юбилейный гимн «На столетие Императорской Московской духовной академии: 1814–1914» (положен на ноты лавским духовным композитором иером. Нафанаилом (Бачкало) и опубликован в 1915 году). Руководил хором академии. 8 мая 1915 года награждён бархатной фиолетовой скуфьёй; в этом же году отец Феодор окончил МДА со степенью кандидата богословия. Его кандидатская работа «Ветхозаветные пророки как пастыри» заслужила высокую оценку рецензентов. С 1 октября 1915 года по 27 декабря 1916 года отец Феодор был помощником секретаря Совета и правления МДА. 17 июля 1916 года он был награждён камилавкой за особые труды по обстоятельствам военного времени. 27 декабря 1916 года священник Феодор Делекторский священномучеником епископом Пермским и Кунгурским Андро-

ником (Никольским) был назначен настоятелем Петропавловского кафедрального собора в городе Перми и преподавателем теории словесности и истории иностранной литературы в Пермском епархиальном женском училище. В 1919 году отец Феодор был возведён в санprotoиерея и в том же году Временным Высшим церковным управлением Сибири, которое возглавлял священноисповедник архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский), награждён золотым наперсным крестом. При отступлении Белой армии он остался в Перми, а в 1922 году вернулся на родину и был принят митрополитом Владимирским и Шуйским Сергием (Страгородским) в клир Владимирской епархии. 14 июня того же года protoиерей Феодор назначен священномучеником, викарным епископом Переславским Дамианом (Воскресенским) настоятелем Христорождественского собора в городе Александрове и благочинным всех городских церквей. 7 апреля 1924 года он получил увольнение за штат от временно управляющего Владимирской епархии.

Собор Рождества Христова, г. Александров

Никольский монастырь, г. Переславль-Залесский

хиией священномученика епископа Звенигородского Николая (Добронравова). 7 мая 1924 года патриарх Московский и всея России святитель Тихон и Синод постановили назначить протоиерея Феодора Делекторского, после пострижения в монашество, на открытую в Самарской епархии викарную кафедру в городе Бугульме. 9 мая он был пострижен в храме Валаамского подворья в Москве митрополитом Нижегородским Сергием (Страгородским) в монашество с именем Никита, и на следующий день был возведён в сан архимандрита. 12 мая состоялась его хиротония во епископа Бугульминского патриархом Тихоном, в сослужении митрополита Сергия Нижегородского, митрополита Тверского Серафима (Александрова) и священномученика митрополита Крутицкого Петра (Полянского) в церкви Девяти мучеников Кизических в Москве.

По прибытии епископа Никиты в Бугульму ОГПУ арестовало его, обвинив в связи с белочехами во время Гражданской войны. Но это ложное обвинение следователи не сумели доказать, и после месяца, проведённого в тюрьме, епископ был освобождён. В 1925 году власти снова арестовали епископа и обвинили его в том, что он совершал богослужение без разрешения местных властей как православный епископ, подчиняющийся патриарху Тихону, между тем как законной религиозной организацией они признавали лишь обновленцев. Кроме того, преосвященный Никита был обвинён в том, что за богослужением поминал патриарха Тихона. После полутора месяцев пребывания в тюрьме в городе

Мелекессе владыка был освобождён. Некоторое время в 1926 году епископ Никита жил у брата Владимира, священника Казанской церкви села Старая Слобода под Александровом, и по благословению епископа Дамиана (Воскресенского) служил в храмах Александровского уезда, относившихся в то время к Переславскому викариатству. В 1926 году Преосвященный Никита был назначен епископом Орехово-Зуевским, викарием Московской епархии, и с тех пор поселился в этом городе, где у него появилось много духовных детей. В 1927 году он был уволен по его прошению за штат. Жить, однако, он остался в Орехово-Зуеве. Он нёс подвиг старчества, крайнего нестяжания и юродства. Иногда он выезжал в Москву и тогда останавливался у неких благочестивых людей, принимавших странников. Здесь в 1930 году он был

Священник Феодор Делекторский.
Из выпускного альбома МДА. 1915 год

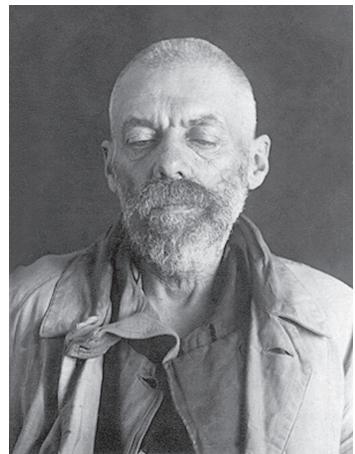
Храм Сорока мучеников в Переславле-Залесском

арестован и приговорён к трём годам заключения в исправительно-трудовой лагерь и отправлен на строительство ДнепроГЭСа, где ему пришлось работать конюхом и ночным сторожем. В 1934 году владыка вернулся в Орехово-Зуево и поселился в комнате общежития, населённого в основном милиционерами кавалерийского взвода. Милиционеры знали, что это ушедший за штат епископ Орехово-Зуевский, но относились к нему доброжелательно, видя его совершенную нестяжательность и доброту. Духовные дети помогали владыке материально, но всё, что ему давали, он раздавал нуждающимся, зарабатывая себе на жизнь сбором утильсыря. Он стал нищим, который благотворил нуждающимся. Среди некоторых людей, его знавших, его юродство вызывало недоумение, недоверие, и они указывали епископу, что сам его вид располагает к пожертвованиям. Однажды он ответил на недоумение одного из жертвователей: «Вы видели и знаете, что имеете дело с человеком, который страдает за свои убеждения и не мирится с... жизнью, полной обмана, предательства и пошлости... Да не подумайте вы, что моё ремесло – попрошайничанье. Ваши жертвы переданы мною неимущим бедным людям, и они всегда могут вам о том засвидетельствовать. Данное вами через нас взаим – дано Богу, Который в своё время и возвратит вам, ибо ничто у Него не пропадает». Получив летом 1937 года распоряжение о начале массовых гонений, власти Орехово-Зуева стали собирать сведения через служивших в орехово-зуевском соборе обновленцев обо всех проживавших в их городе духовных лицах и, в частности, о Преосвященном Никите. 13 октября, когда епископ проходил мимо собора, сотрудники НКВД арестовали его. Он был заключён в Таганскую тюрьму в Москве. Сразу же после ареста начались

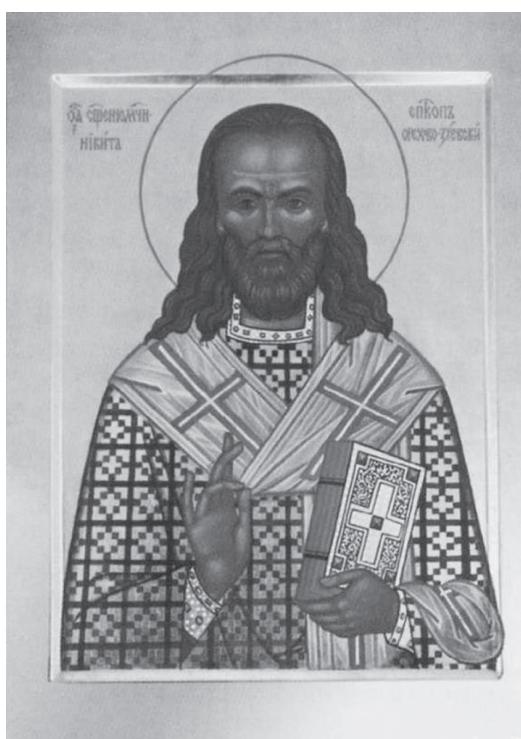
допросы, которые продолжались беспрерывно в течение трёх суток.

— Вы имеете определённое место жительства и место службы? — спросил следователь. — Определённого места жительства и места службы я не имею, — ответил епископ. — По каким документам вы проживаете и прописаны ли вы на жительство где-либо? — Документов я никаких не имею, и ни-где на жительство я не прописан. — В каком сане вы состояли ранее и какой имеете в данный момент? — Ранее я состоял в сане епископа и имею этот сан епископа до настоящего времени.

Убедившись, что перед ним епископ, следователь счёл достаточным для осуждения сан владыки и уже не стал ничего спрашивать о его антисоветской деятельности. 19 октября был допрошен один из лжесвидетелей, который сказал, что знает епископа с 1936 года, что епископ имеет большой круг единомышленников и почитателей во многих городах Советского Союза, что будто бы владыка говорил ему: обязанность каждого истинного пастыря — это побуждать верующих к защите Церкви, не допустить закрытия церквей, организовать верующих вокруг церкви для её защиты. В заключение лжесвидетель сказал, что епископ юродствует, и к нему обращаются как к прозорливому, который может провидеть грядущее. 17 ноября «тройка» НКВД приговорила Преосвященного Никиту к расстрелу. Епископ Никита (Делекторский) был расстрелян через день после приговора, 19 ноября 1937 года, и погребён в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Епископ Никита (Делекторский). Москва.
Таганская тюрьма, 1937

Сщмч. Никита (Делекторский)

Прославлен Архиерейским юбилейным Собором РПЦ 2000 года.

«И будут гнать вас за имя Моё»

Материалы к жизнеописанию исповедников веры Серапионовой пустыни

Вихрь октября 1917 года пролетел над Россией, уничтожая духовные и жизненные устои россиян, сея после себя насилие, разрушения и смерть. Не обошла лихая година и вязниковскую землю. Разрушен Казанский Собор – краса и гордость города, Златоустовская церковь при женской городской богоадельне, Преображенская церковь в Ярцево, ряд других храмов в районе. Серапионова пустынь Вязниковского района Владимирской области не стала исключением. Коснулись её и изъятие церковных ценностей, и гонения на прихожан, монашествующих и священнослужителей. Была стёрта с лица земли сама обитель. Из трёх существовавших в ней храмов к началу следующего века остался лишь храм Живоначальной Троицы, исчезли и неизвестно где находятся чтимые иконы пустыни: Корсунской Божией Матери, Усекновения главы Иоанна Предтечи, Федоровской Божией Матери, и уже никогда не подадут голоса восемь колоколов звонницы обители.

Однако ещё важнее, что навсегда сомкнулись уста незаметных праведников, чьими трудами созидалась вся эта красота. Невозможно исчислить всех новомученников Церкви Российской XX века. Но мы должны помнить имена и подвиг тех отцов, братьев и сестёр наших, которые родились и жили на той же земле, где живём и мы – их потомки и наследники Веры православной. Из семи викарных Вязниковских епископов все были репрессированы, большая часть из них убиты или погибли в заключении. За годы гонений здесь подвергнуты репрессиям более 100 священнослужителей, монашествующих и мирян. Вязниковский Синодик за годы установления советской власти насчитывает 56 человек, погибших за веру¹.

Среди вязниковцев, пострадавших за веру, есть и женские имена. На страницах Книги памяти «О них душа моя скорбит»², в главе «За Христа пострадавшие», читаем: «Ксения Дмитроусова – оказала сопротивление разграблению храма Успенья Пресвятой Богородицы, погибла на Соловках; Елизавета Лялина – прихожанка Троицкой церкви, Ирина Кирчунова, Татьяна Харламова – монахини Благовещенского женского монастыря, Шипулина Александра Ильинична...

Игумения Серафима

Впервые об игуменье Серафиме мне довелось услышать при сборе и обработке материалов для вязниковской Книги памяти. Сведения были весьма скучными: в годы существования в Вязниках Благовещенского женского монастыря настоятельницей в нём была игуменья Серафима, в 30-х годах она была

репрессирована. О том, что она и есть вышеупомянутая Шипулина, мы и не предполагали...

Был отправлен запрос в управление Федеральной службы безопасности, потянулись томительные дни ожидания. Наконец, долгожданный ответ: «Шипулина Александра (Серафима) Ильинична, 1867 (1868) г.р., из крестьян села Васильевское Шуйского района Ивановской области. С трёхлетнего возраста жила в монастырях. С 1914 г. по 1916 год – настоятельница общины Серапионова Пустынь, с 1916 года по закрытие – игуменья Благовещенского женского монастыря. До 1914 года проживала в городе Владимире».

Вскоре появилось предположение, что она преподавала во Владимирском епархиальном женском училище, так как была дарственная надпись на фотографии одной из учениц училища: «Дорогой Александре Ильиничне от любящей ученицы», 1915 год, и подпись «Вера». Впоследствии это подтвердилось документами. Поиски длились более 17 лет, не закончены они и сейчас. И вот что удалось установить.

Вехи биографии Александры Ильиничны

Согласно записям в метрической книге Троицкого храма села Васильевское Шуйского уезда девочка родилась 22 апреля 1867 года, крещена в тот же день, наречённое имя – Александра. Родители: с. Васильевского крестьянин Илья Николаевич Шипулин и законная жена его Евдокия Ферапонтовна, оба православного вероисповедания. Восприемники: д. Ульяновка крестьянин Фёдор Иванович Силантьев и села Васильевского крестьянская девица Анна Ильинична Шипулина. Крестьянин Илья Шипулин имел четверых детей: сына Аркадия, дочерей – Анну, Марию и Александру. Мария выйдет замуж за односельчанина Степана Ефремова. Сын Аркадий станет фабрикантом, будет владеть табачной фабрикой, жить в Ростове на Дону и в Луганске.

Александра поступила в число послушниц в Успенский Княгинин монастырь г. Владимира 21 ноября 1874 г. в возрасте семи лет. Это произошло после смер-

Дорогой Александре Ильиничне,
от любящей ученицы.

Вера

ти её родителей от эпидемии тифа. Исполняла разные послушания: клиросное с 1889 года, с 1890 г. она состоит учительницей рукоделия в монастырской церковно-приходской школе. В графе документа «Какого поведения» написано: «Очень хорошего послушания, исполняют клиросное весьма успешно». По сведениям ведомости Владимирского Успенского женского монастыря за 1899 год: «При монастыре имеется церковно-приходская школа, состоящая под ведением Братства Святого Великого Князя Александра Невского; открыта она в 1889 году на 12 девочек. Школа устроена в самом монастыре в готовом помещении на средства монастыря...» По её данным, учительницами рукоделия состоят безвозмездно монахиня Рипсимия и рясофорные послушницы О.П. Медведева (впоследствии игумения того же Свято-Успенского монастыря Олимпиада), и А.И. Шипулина. Какой была учительская работа будущей монахини?

Рукоделие составляло основу обучения в монастырской школе. Производили предметы для православного богослужения, а также – церковное облачение. Имеются документы, из которых следует, что продукция рукодельниц Княгинина монастыря была известна не только в России, но и за рубежом. На Всемирной выставке 1900 года в Париже от России Главным Комитетом Кустарного Отдела выставки под покровительством Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, сестры Императрицы, жены Великого князя Сергея Александровича, по благословению Архиепископа Владимира и Сузdalского Сергия, игуменьей Княгинина монастыря Маргаритой, для участия России в выставке от монастыря была принесена в дар пелена, выполненная рукодельницами этой школы. В письме секретаря Главного Комитета от 12 сентября 1900 года сообщалось: «Экспонированная в Кустарном отделе на Всемирной выставке в Париже работа Успенского в городе Владимире женского монастыря удостоена в коллективном участии с другими монастырями высшей награды «Grand Prix».

Продолжаем выписки из «Ведомости». «5 сентября 1898 г. Александра Ильинична приукажена к Успенскому Княгинину монастырю (закреплена указом, – Ю.В.). Получила Архиастырское благословение Высокопреосвященнейшего Сергия Архиепископа Владимира и Сузdalского за школу 24 февраля 1898 г. и ей объявлена благодарность от Александро-Невского братства. Пострижена в рясофор 21 февраля 1902 г. Награждена Святой Библией от Святейшего Синода 11 мая 1904 г. Получила благословение Святейшего Синода 25 марта 1909 г. Поступила в монашество 5 марта 1911 года в Успенском Княгининском города Владимира монастыре». В постриге она получила имя Серафима, что означает «огненная». Из

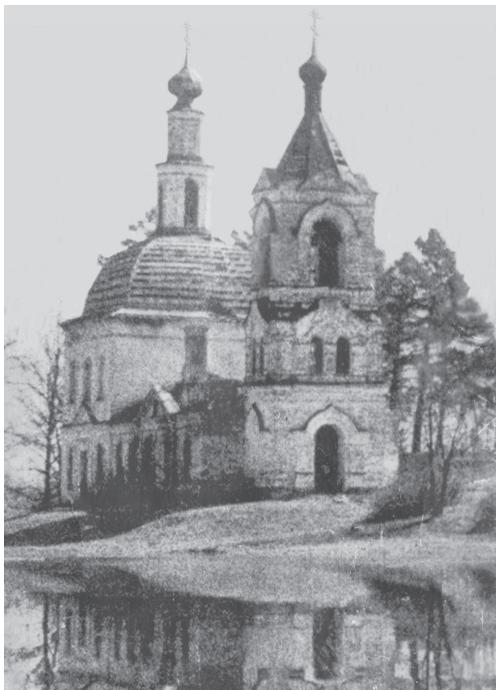

воспоминаний её воспитанницы Нади: «Серафима была великая труженица, горела на работе, и это впоследствии отразится на её здоровье. Она была очень добрый человек, никогда не повышала голоса, в общении ласкова и была неспособна причинить кому-либо боль». 6 мая 1911 г. получила серебряную медаль «В память 25-тилетия церковно-приходских школ» на Александровской ленте. В 1911-1914 гг. казначея монастыря.

Следующим этапом её служения Богу стало послушание в Серапионовой пустыни (статья об этой обители была помещена в выпуске № 11 Пожарского юбилейного альманаха). Монахиня Серафима

была переведена на должность заведующей Серапионо-Алексеевской общины Вязниковского уезда 29 июня 1914 г. За проявленное усердие Серафима получила золотую медаль «За усердие» на Аннинской ленте 14 января 1915 г. Пустынь славилась Корсунской иконой Божией Матери, она считалась древнейшей иконой края. Народ имел к ней особое почитание. По преданию, сохранившемуся у местных жителей, она была явленной на месте, где потом и основана пустынь. Почиталась как чудотворная. Пустынь посещалась большим количеством богомольцев, приезжали даже из Сибири. Особо славой пользовалось клиросное пение на сельниц пустыни. Из-за большого стечения богомольцев Алексеевская церковь не вмешала всех присутствующих. В 1915 году благотворитель пустыни купец Василий Бузин обращается к Архиепископу Владимирскому и Суздальскому Алексию с просьбой разрешить ему на собственные средства построить для Серапионо-Алексеевской общины новый просторный каменный храм. Разрешение было получено. В 8 часов утра 21 июня 1915 года на месте закладки храма Преображения Господня в пустыни начался «Чин, бываемый на основание храма». Первый камень заложил архиепископ Владимирский и Суздаль-

Вид Троицкой церкви пустыни до революции

ский Алексий. Важно отметить, что стройка продолжалась и была завершена в 1917 году, несмотря на трудные условия Первой мировой войны.

И, наконец, последнее место монашеского служения матушки Серафимы, где она взошла на свою «Голгофу». 28 апреля 1916 г. Серафима назначена временно заведующей Вязниковского Благовещенского монастыря. Указом Священнейшего Синода от 12 июля за № 8589 определена на должность настоятельницы Благовещенского монастыря, возведена в сан игумении 15 августа 1916 г. По ведомости «О сестрах, проживающих в Благовещенском монастыре», в 1916 г. в нём числится 40 сестёр. В монастыре с Серафимой в кельях проживают её племянницы Анна и Пелагея, первая преподает в школе при монастыре, и девочка Надя, осиротевшая в возрасте двух лет, взятая Серафимой на воспитание. Дело в том, что у м. Серафимы была сестра Мария, которая вышла замуж за односельчанина Степана Ефремова. У них было двое детей, упомянутые в ведомости Анна 1887 года рождения и Пелагея 1898 г.р. Ефремовы в 1909 году умерли, и их дети поехали к тётушке в Княгининский монастырь, м. Серафима взяла попечение над племянницами. Анна в 1914 году перейдёт в Сергионову пустынь, а затем в 1916 году в Вязниковский Благовещенский монастырь. Пелагея училась в церковно-приходской школе при монастыре. Послушание несла сначала клиросное, по окончании обучения получила право преподавать в школе при монастыре. В 1916 году тоже перешла в Вязниковский Благовещенский монастырь.

Сохранилась опись имущества, находящегося в келье настоятельницы, наглядно дающая представление о скромности быта игумении Серафимы при её высокой должности: «Св. медный крест осмиконечный, иконы: Боголюбивой Б.М., Владимирской Б.М., Спаситель и Св. Николай. Стенные часы в футляре, письменный стол с ящиками, два раскладных стола, четыре стула деревянных, кровать железная, стенная лампа, счёты большие».

В 1921 году по всей стране начинается кампания по закрытию монастырей. Закрывают и Благовещенский, его церковь становится приходской. Какое-то время Серафима ещё живёт в кельях, до превращения их в общежитие, затем проживает в Вязниках по улице Коммунальной, в доме Слугиных. Об этом периоде её жизни вспоминает внучка Слугиной Александра Сергеевна Смирнова: «Мне было тогда семь лет, действительно у бабушки в 1924-30-х годах жила настоятельница монастыря игуменья Серафима и с ней две женщины, одна помоложе, помню её звали Надя, вторая постарше, звали её Поля. Фамилии, имени, отчества игумены я не знаю, все звали её матушка Серафима, она была больна и большей частью из дома не выходила, лежала в постели. Где-то в 1929 году приходили двое мужчин и женщина, с проверкой, почему она у нас живёт. Помню, что бабушка очень резко ответила: «Это мой дом, кого хочу, того и пускаю!» Этот её ответ, видимо, обсуждался в семье, и Серафиму куда-то увезли. Нам, детям, сказали, что в Нижний. Пока они у нас жили, обе женщины стегали одеяла, наверное, для заработка».

Фото предположительное

Районное отделение Вязниковского ОГПУ 15 мая 1932 года арестовывает Серафиму, её обвиняют в антисоветской агитации. И спустя три месяца тройка при полномочном представителе ОГПУ по Ивановской промобласти (27.08.1932 г.) приговаривает её к трём годам ссылки. По делу вместе с Серафимой проходят священник храма деревни Б. Липки Евсеенко Иван Фёдорович, Ирина Яковлевна Кирчунова, бывшая монахиня Благовещенского монастыря, упоминаются в деле священник Злобин, Секретария Богомолова. На допросах в 1932 г. матушка Серафима показала, что знала епископа Германа (Ряшенцева) и поддерживала с ним отношения до его ареста в 1928 году, а на вопрос о том, где спрятано ценное монастырское имущество, отвечала, что ей о таковом ничего не известно, также отрицала, что Кирчунова собирала средства для поддержки группы церковников. В ссылке она находится в г. Мышкине Ярославской области. В 1935 году Серафима возвращается из ссылки

и живёт в городе Владимире, по улице III Интернационала в доме 53, кв.1, в это время у неё паспорт на имя Шипулиной Александры Ильиничны. Посещает Казанскую церковь Княгинина монастыря.

30 апреля 1938 года её вновь арестовывают. На этот раз её обвиняют как активную участницу контрреволюционной группы монашества и церковников, созданной при нелегальном монастыре в г. Владимире. Содержится она в Кировской тюрьме. 20.07.1940 года Серафима осуждена Ивановским облсудом по ст.58-10, ч.1 УК РСФСР к трём годам лишения свободы.

Серафиме к этому времени исполняется 73 года, она тяжело больна, в силу этого она обращается с кассационной жалобой в Верховный суд РСФСР. В ней она пишет: «*Показания свидетелей считаю ложными, прошу учесть мой преклонный возраст, болезнь и глухоту*». Верховный суд, рассмотрев жалобу, принимает решение: «*Определение суда передать в тот же суд в другом составе с участием прокурора и заседателей, основной приговор оставить в силе*». Дело будет вновь рассмотрено во Владимире. Основной приговор – три года лишения свободы – оставлен в силе. Серафиму отправляют для отбытия наказания в Юрьевецкую ИТК. Здесь, подвергаясь различным лишениям, гонимая злобными людьми, весной 1943 жизнь её закончилась страдальческой кончиной. По сведениям В.С. Кулкова, сына племянницы Пелагеи, матушка Серафима скончалась в 1943 году в Сухобезводненском лагере. Однако официально эти сведения не подтверждены.

Пока нам не удалось найти фотографию первой настоятельницы Серапионовой пустыни игумении Серафимы. **Помещённая в этой статье фотография**

предположительна. Её жизнь, подвижничество и страдальчество – отдельная тема, и она раскрыта не до конца. Собранный мною, по благословению в то время архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия, материал способствует рассмотрению вопроса о её канонизации в лике новомучеников и исповедников российских XX века. Возможно, в семейных архивах у кого-то есть её фотографии. И мы не теряем надежды их найти. А пока это – последняя тайна Серапионовой пустыни.

Духовник Серапионовой пустыни
протоиерей Алексей Зверев

Листая страницы клировых ведомостей, метрических книг Троицкого храма упразднённой Серапионовой пустыни конца XIX века, можно увидеть, что до 1891 года священником в нём был протоиерей Алексей Михайлович Остроумов, исполнял должность псаломщика Михаил Иванович Грузинский. С первого сентября 1891 года священником этой церкви становится Алексей Николаевич Зверев, будущий духовник Серапионовой пустыни. Он родился 16 марта 1867 года в городе Покрове. Получил образование во Владимирской Духовной семинарии, окончив полный курс обучения по второму разряду в 1889 году. После чего проходил должность учителя и преподавателя Закона Божия в Золотниковском народном училище Судогодского уезда. Высокопреосвященнейшим архиепископом Феогностом 6 августа 1891 года рукоположен во священника Троицкой церкви Серапионовой пустыни, в которой прослужит более сорока лет.

С 4 октября 1891 г. проходит должность законоучителя в Порзамской школе. 27 февраля 1904 года утверждён в должности духовника Серапионовой пустыни (духовник – священник, имеющий власть «решить и вязать грехи» кающихся в силу слов Христовых (от Иоанна, 20, 23). По монастырскому уставу того времени, именно ему не реже раза в год должны приносить своё покаяние наследницы монастыря). В 1910 году в деревне Круглицы открывается народная школа. Отец Алексий утверждён в должности законоучителя этой школы.

О семье священнослужителя. В 1890 году Алексей Зверев вступил в брак с Иларией Павловой 1871 года рождения. 7 ноября 1892 года у них родилась дочь Екатерина. В 1892 году он завершает строительство собственного дома и перебирается в него всей семьёй. У них будут ещё три дочери: Мария 1897 г. р., Серафима 1903 г.р. и Ольга 1905 г.р. Дочь Мария впоследствии станет учительницей и будет преподавать в Круглицкой школе.

Круг деятельности отца Алексея широк. Занимается он и строительством. Деревянная колокольня, стоящая отдельно от Троицкого храма, построенная в 1849 году, обветшала, были собраны средства на строительство каменной колокольни. В 1900 году она была построена в одной связи с храмом, что значительно изменило общий вид храма... Старания о. Алексея отмечены, 12 июля 1901

года ему преподано благословение Священного Синода. В 1904 году он награждается набедренником, в 1909 – скуфьёй, в 1915 году награждён камилавкой. В память юбилея царствования императора Александра III награждён медалью с соответствующей лентой. Документальные сведения о служении о. Алексея в Пустыни прослеживаются до 29 октября 1928 г. В этот день, в книге обысков брачных Троицкой церкви, сделана последняя его запись о браке Стефана Ефимьевича Данилова 21 года и девицы Екатерины Васильевны Фроловой.

В 1935 году в Серапионовой пустыни служит священником Сергей Иванович Гусев. В 1938 году он – священник Сретенской церкви г. Владимира, благочинный. 10 августа 1938 года арестован, 27 февраля 1940 года приговорён к 10 годам ИТЛ. 3 января 1941 года умрёт в заключении, реабилитирован ВТ МВО 9 февраля 1959 г.

В сентябре 1937 года Вязниковский РО НКВД раскрыл наличие «тайного монастыря» при бывшей Серапионовой пустыни, арестованы священник Купресов Михаил Гаврилович, бывшая игумения Пустыни монахиня Дарья (Баринова Е.В.) и другие. К этому времени Алексей Зверев проживал в селе Пировы Городищи. Карающая рука НКВД дотянулась и до него. Восьмого октября 1937 года семидесятилетний священник был арестован, а 26 октября тройкой УНКВД по Ивановской промышленной области приговорён к 10 годам ИТЛ. Дальнейшая его судьба неизвестна. Скорее всего, он погиб в заключении. 19 апреля 1989 года

Священник Троицкого храма в Пустыни Алексей Зверев с супругой Илларией (фото из личного архива автора)

отец Алексей реабилитирован. Священник М.Г. Купресов и монахиня Дарья по этому же делу приговорены к расстрелу.

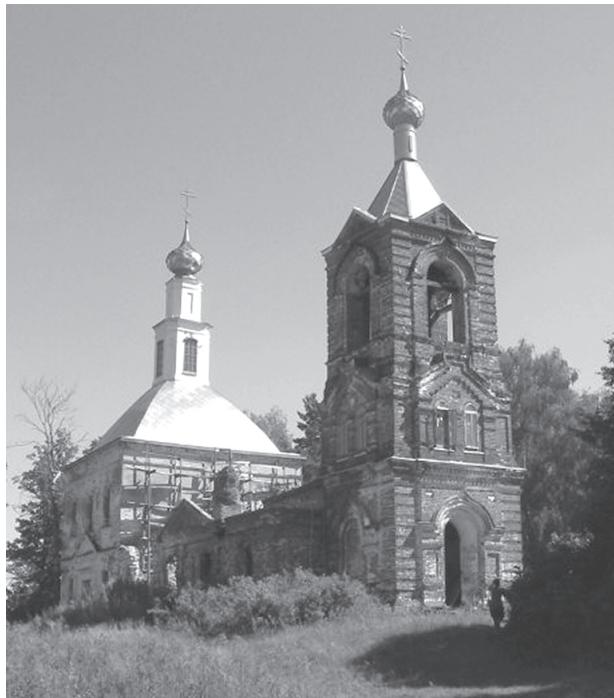
История донесла до нас и ещё некоторые имена людей, молитвенно трудившихся в Серапионо-Алексеевской пустыни в начале XX века. В Троицкой церкви до 1903 года исполнял должность псаломщика Александр Иванович Изволенский, потом эту должность стал выполнять его сын Стефан Александрович. Родился он в 1882 году, получил образование во Владимирской духовной семинарии, где окончил три класса. 25 сентября 1903 года определён на должность псаломщика. 6 сентября 1909 года он вступил в брак с Елизаветой Михайловой, 1890 г.р. В Пустыни он в 1909 году построит дом и будет жить в нём со своей женой и детьми: дочерьми Марией 1910 г.р., Анной 1911 г.р., сыном Александром 1914 г.р. и дочерью Ольгой 1916 г.р. По словам Ольги Степановны, после 1924 года её отец не служил в церкви. Возможно, это спасло его от репрессий. Сын его Александр, опасаясь преследования, сменил фамилию.

Всего лишь один эпизод массовых политических репрессий XX века, гонений на Русскую Православную Церковь. Мы очень мало знаем об этом. Они имели одну историю для палачей, другую для жертв репрессий, третью для позднейших историков. Исчезли из памяти России люди, как будто и не было их, и только воспоминания о них, редкие фотографии и письма сохранили для нас их облик. Эта потеря безвозвратна. Той страны, в которой жили они, были нужны для неё,

Мемориал «Скорбь», установлен по инициативе автора на территории женского Благовещенского монастыря в 1999 г. Художник А. Расстригин

уже нет. Не найти на российской земле ни их могил, ни их крестов, ни их надежд. В страшном и горьком для нашего Отечества двадцатом веке они сохранили верность Отечеству, преданность Вере. Им, раскиданным по просторам России, убитым, поруганным, лежащим где-то далеко на восток и на запад, на север и на юг, мы должны сказать: мы помним о вас. Нет на свете только правых и виноватых. Настала пора отдать должное этому поколению. Память о тех, кто пострадал безвинно, **о которых мы до сих пор имеем лишь скучные, разрозненные сведения**, должна жить в сердцах не только близких родственников, но и всех поколений, события тех лет должны получить объективную оценку и полную гласность.

Та же церковь после восстановления, 2010 г.

-
- 1. При составлении этой статьи мною использованы материалы, предоставленные архивным отделом УФСБ по Владимирской области, полученные в порядке обмена от Православного Свято-Тихоновского Богословского института, общины церкви Новомучеников и исповедников Российских XX века в Бутово, воспоминания родственников, фотографии из семейных архивов.
 - 2. О них душа моя скорбит. Вязниковская книга памяти жертв политических репрессий. Редакция: Н.В. Матюхина, Ю.А. Васищев, Т.А. Леничева, Д.А. Обидин, Н.Ф. Порозова. Владимир. 1998 (Тираж 1000 шт., 160 с.)

Раздел IV

История Южской земли и смежных с ней

К.Е. Балдин

Повседневная жизнь крестьянского населения “мугреевского полесья” на рубеже XIX – XX вв.

Общепринятый топоним Полесье означает определённую физико-географическую и историко-культурную территорию на юге Белоруссии и на севере Украины. Отличительными природными особенностями Полесья является, как видно из названия, большая площадь лесов, а также множество рек и значительные по площади болота. Территория с такими же признаками есть в Ивановской области по берегам реки Лух в его среднем течении на рубеже Южского и Пестяковского районов. Здесь эта река принимает целый ряд притоков, таких как Люлишка, Исток, Тюлех, самый крупный из них – Ландех. Здесь много лесов, повсеместно встречаются болота, плотность населения невысока. В краеведческой литературе уже были попытки использовать такой термин как «лухское полесье». Но в верхнем течении Луха (выше Мыти) сельскохозяйственных земель по его берегам довольно много, а ниже этого стариинного села леса окончательно теснят распаханные земли. Здесь Лух протекает по территории бывшей Мугреевской волости Вязниковского уезда, некогда бывшей весьма обширной. Поэтому мы рискнём назвать эту местность в среднем течении Луха «мугреевским полесьем». Это словосочетание мы пишем со строчных букв, т. е. оно пока топонимом не является. Именно эта территория является географическими рамками данной небольшой статьи. Хронологические рамки исследования ограничены времененным отрезком с 1880-х годов до начала Первой мировой войны.

В статье мы ограничим рассмотрение повседневной жизни определёнными тематическими рамками, оставив за скобками нашего небольшого исследования этнографические аспекты народной культуры, и остановимся на состоянии и развитии народного образования, здравоохранения и частично – на хозяйственной жизни села.

В качестве источников в статье использованы земские опубликованные документы – журналы Вязниковского уездного земского собрания, доклады уездной земской управы, а также материалы местной периодической печати.

Вначале обратим своё внимание на развитие народного образования в этом микрорегионе. В Мугреевском полесье работали в то время три начальных школы. Самая старая из них – в Мугреево-Никольском, была основана в 1844 году, в Мугреево-Дмитриевском – в 1881 г., в Лукине – в 1883

году. Большая часть средств на земские школы выделялась решениями уездного земского собрания. Но на основе того, что сейчас называется термином «кофинансирование», местные органы самоуправления привлекали к содержанию и крестьян в лице местных сельских «обществ», т. е. общин. В волостном центре – Мугреево-Никольском земство отпускало на школу 828 р. в год, крестьяне к этому приплачивали 70 рублей. Соотношение земских и крестьянских средств на школы в Лукине составляло 669 и 38 р., в Мугреево-Дмитриевском – 612 и 40 р.¹ Указанные средства тратились следующим образом: земство оплачивало труд учителя, снабжало училище школьной мебелью, учебниками и канцелярскими принадлежностями. Крестьяне же предоставляли под школу здание – обычную крестьянскую избу (более или менее просторную), нанимали прислугу, которая обеспечивала в этом здании чистоту, привозили дрова для отопления дома в холодное время года.

В принципе, крестьянские общины были обязаны ремонтировать школьные здания, но они не проявляли энтузиазма в этом. Поэтому в ряде случаев состояние училищ оставляло желать много лучшего. Например, на земском собрании управа информировала гласных о том, что в Мугрееве-Дмитриевском местная община бедна и не в состоянии сама перестроить школу, при этом отпускает на содержание её минимальные средства. Поэтому местным крестьянам целесообразно обратиться в земство за ссудой на поправку школы².

В то же время, по инициативе земства для каждой школы старались найти попечителя, который бы материально помогал ей. Обычно попечителем становился местный помещик или же самый состоятельный из крестьян. Также земству иногда удавалось уговорить стать официальным покровителем того или иного училища кого-либо из соседних фабрикантов. Так, некоторое время попечителем Мугреево-Дмитриевской школы был Владимир Асигкитович Балин – один из владельцев текстильной фабрики в Юже. В 1891 г. поступили деньги на ремонт

мугреево-никольской школы от каргопольского купца Лаврентьева, судя по контексту документа – несколько сотен рублей³. Очевидно, семейные корни этого предпринимателя, обосновавшегося в далёком архангельском городе Каргополе, уходили в Мугреево, поэтому он решил материально помочь своим землякам.

В рассматриваемый период всеобщего начального обучения не было, и в школы ходили в конце XIX в. примерно около половины всех детей школьного возраста, а в начале XX в. – уже до трёх четвертей их. Имеются статистические данные о контингенте учащихся за несколько лет по мугреево-никольской школе. В 1880 г. здесь постигали грамоту 45 чел., а окончили школу всего 7, 1881 г. – соответственно 21 и 2 чел., 1882 – 43 и 3 чел., 1883 – 45 и 5 чел., 1884 – 54 и 6 чел., 1885 – 44 и 6 чел.⁴ В то время срок обучения в начальной школе составлял три года, т. е. в 1880 г. из 45 человек должна была окончить примерно треть – 15 человек из 45, на деле же получили свидетельства об образовании только семеро. Это означало, что более половины детей бросали школу, проучившись в ней два года или даже один.

Положение не изменилось в лучшую сторону и в самом начале XX века. В той же мугреево-никольской школе в 1902 г. обучались 43 мальчика и только 18 девочек, окончили школу в том же году восемь мальчиков и всего одна девочка⁵. Такая гендерная ситуация в этой школе не была исключением, то же самое наблюдалось и в других школах, и не только в Вязниковском уезде. Крестьяне отправляли девочек на учёбу в школу менее охотно, чем мальчиков, т.к. девочка с 10-12 лет была помощницей матери в доме, нянькой для малолетних детей. Кроме того, юноши, имевшие свидетельство об окончании начальной школы, при призывае в армию получали существенную льготу и служили на несколько лет меньше.

Постепенно при школах на рубеже XIX – XX в. стали формироваться библиотеки. В 1902 г. в мугреево-дмитриевской школе насчитывалась 401 книга общей стоимостью 125 р., лукинской – 1283 томов на 355 р., мугреево-никольской – 1017 на 333 р.⁶ Организация библиотек была очень важной для повышения уровня грамотности населения, т. к. дети, окончив школу, переставали читать, у них возникал рецидив неграмотности. Библиотеки же в сельской местности были общедоступными, ими могли пользоваться не только учащиеся, но и все местные жители.

Что касается педагогического персонала, то в 1880-90-х годах он в значительной степени состоял из местного духовенства или же из выпускников духовных семинарий, которые ждали своей очереди на получение прихода и в это время зарабатывали, служа учителями, довольно часто – в родных краях. Так, по данным за 1885 и 1891 гг., во всех трёх школах рассматриваемого микрорегиона числилось по одному учителю. Это означало, что все предметы в школе: как «духовные» – Закон Божий и церковнославянский язык, так и «мирские» – чтение, письмо и арифметику, вёл местный священник. Таким образом, на местных клириков падала очень большая нагрузка, т. к. у них помимо уроков в школе было ещё очень много обязанностей по храму, по довольно обширному и многолюдному приходу. В начале XX в. положение существенно изменилось. В 1902 г. во всех трёх училищах кроме законоучителей имелись не только учителя, но и их помощники, которые частично брали на себя ведение «мирских» предметов. Не менее существенной тенденцией являлась феминизация педагогической профессии.

Только в Мугрееве-Никольском чтение, письмо и счёт вёл мужчина, в двух дружих – женщины. Помощниками учителей во всех трёх школах были женщины⁷.

Другой важнейшей частью повседневной жизни являлась организация медицинского обслуживания населения. Также, как и народное образование, эту сторону социально-культурной жизни взяло на себя с 1860-70-х годов уездное земство. Оно ввело участковую систему обслуживания населения, которая в то время являлась значительным новшеством, показавшим свою эффективность. Мугреевская волость Вязниковского уезда относилась к 3-му участку, который был очень обширным и занимал северную часть уезда, охватывая земли около Мугреева и Палеха. В начале 1890-х годов этот участок получил номер 4-й, т. к. был открыт ещё один в Юже, предназначенный для того, чтобы обслуживать рабочих фабрики Балина⁸.

В Мугрееве-Никольском находился земский приёмный покой. Стационара здесь не было, проводился только приём приходящих больных. Однако это нельзя назвать современным словом «поликлиника», т. к. приём вёл по всем болезням один и тот же врач, причём не ежедневно. Что касается коечного лечения, то крестьяне им практически не пользовались, земская больница находилась за несколько десятков вёрст в уездном центре Вязники, куда нужно было добираться в течение одного-двух дней.

Приёмный покой располагался не в специально выстроенном помещении, а в не слишком приспособленной для лечебных нужд обычной крестьянской избе. В 1880-х гг. земство отпускало на содержание покоя 90 р. в год, а с 1890-х – уже 120 рублей. Из них 84 рубля уходило на арендную плату хозяину этого помещения и 36 р. – на наём прислуги, которая поддерживала здесь чистоту, топила печь в зимнее время и т. п.⁹ Во главе участка стоял врач, имевший высшее медицинское образование. Также здесь работала акушерка и фельдшер. К последнему крестьяне обращались чаще всего. Тех же больных, с диагнозом и лечением которых фельдшер затруднялся, он направлял к врачу.

В мугреево-никольском приёмном покое в 1885 г. были приняты 2890 чел., а в 1892 г. – уже 4002 больных, в дальнейшем такого рода динамика сохранялась, т. к. доверие крестьян к земской медицине возрастало. В случае недомогания теперь они предпочитали обращаться не к местным знахарям или доморощенным бабкам-повитухам, которые нередко не лечили, а вредили своим пациентам, а к врачу, фельдшеру или акушерке. Там более, что в мугреевском приёмном покое имелась аптечка с лекарствами, и за ними не надо было ехать за тридевять земель¹⁰.

Важной функцией земских медиков являлось оспопрививание, к которому в это время большинство крестьян уже привыкло и не боялось его, как это бывало в первой половине XIX столетия. Обычно прививка делалась детям в очень раннем возрасте. В Мугреевской волости с августа 1897 по август 1898 г. были сделаны прививки 111 детям. Вместе с тем, часть крестьян относилась к прививкам с подозрением или враждебно. Это касалось, в частности, старообрядческих семей, в которых считали следы прививок на теле «антихристовым клеймом». Поэтому иногда оспа наведывалась в деревню не только в форме отдельных случаев, но и в виде эпидемий. Правда, широких масштабов они не приобретали. В

1885 г. в Мугреевской волости земские медики зафиксировали такую небольшую эпидемию натуральной оспы. Также регулярно наблюдались отдельные случаи дизентерии, коклюша среди детей¹¹. В то время детей обслуживали те же врачи, что и взрослых, особой педиатрической службы в провинции не было.

Кроме лечения больных врач на своём участке занимался ещё санитарно-профилактической деятельностью. Он регулярно обезжал земские школы и оценивал их с точки зрения школьной гигиены. Например, в 1902 г. он указал на неудовлетворительное помещение Мугреево-Дмитриевской школы, которое было крайне ветхим. В училище, расположенному в селе Лукино, врач обратил внимание на отсутствие тёплой раздевалки. Из-за этого дети были вынуждены оставлять свои туалетчики в классе, который наполнялся запахом от этой одежды¹².

Обратимся к земскому медицинскому персоналу, работавшему на участке. Во главе его с 1885 г. стоял врач Н. А. Углецкий, но у него в ведении было два приёмных покоя – в Палехе и Мугрееве-Никольском. Он не жил в Мугрееве, а только регулярно, раз в несколько дней приезжал сюда, принимал больных, назначал им лечение и уезжал. Постоянно в приёмном покое находился только фельдшер, эту должность долгие годы на рубеже XIX – XX в. занимал Г. С. Сергеев. Также многочисленных женщин 3-го участка обслуживала акушерка М. И. Страхова¹³.

О Г. С. Сергееве есть более или менее подробные сведения в земских материалах, и это неудивительно – он проработал в земстве двадцать один год и являлся одним из ветеранов Вязниковского уездного земства. Долгое время он получал 300 р. в год, т. е. 25 рублей в месяц. Однако Сергеев был обременён многочисленным семейством. У него было шестеро детей, всех он хотел «вывести в люди», а для начала – дать им хорошее образование, во всяком случае – не только начальное. Поэтому, например, его старший сын, окончив городское училище в Вязниках, поступил в местную прогимназию. В связи с этим, в 1898 г. Г. С. Сергеев обратился к уездному земскому собранию с просьбой – повысить ему жалование. Земцы пошли навстречу ему и в 1901 г. перевели по начислению жалования из 3-го разряда во 2-й, его годовая заработка плата была повышена до 372 р. Однако в 1902 г. Сергеев вышел в отставку по состоянию здоровья и стал получать пенсию от земства¹⁴.

Первым поприщем деятельности, на которое обратило внимание земство в деревне, было медицинское обслуживание крестьян, затем оно начало открывать начальные школы. Только в самом начале XX в. местное общественное самоуправление взялось внедрять в крестьянскую среду агрономические улучшения. Основными культурами, которые крестьяне сеяли на своих полях, были рожь и овес. Одним из первых шагов, который предприняли земства, стало открытие сельскохозяйственных складов. На самом деле это были не хранилища товаров, а прежде всего – места их продажи. В них местные жители могли купить сельскохозяйственные орудия: начиная с косы или лопаты и заканчивая отнюдь не дешёвой сеялкой или веялкой с конным приводом. Также здесь продавались удобрения и сортовые семена. Сначала такой склад возник в 1904 г. в Вязниках, но добраться туда крестьянам из Мугреевской волости было очень трудно. Затем,

через год открылся такой же склад гораздо ближе – в Палехе, а 20 июля 1906 г. Мугреевский волостной сход принял решение просить Вязниковское земское собрание открыть сельхозсклад в их волостном центре. Земство согласилось, но поставило условием, что закупать машины, семена, удобрения и пр. у производителей будет палехский склад, а затем часть этих товаров будет переправляться в Мугреево-Никольское¹⁵.

Важными центрами распространения сельскохозяйственных знаний становились некоторые земские школы. В последние годы XIX в. крестьяне таких крупных сёл как Мугреево-Никольское, Мугреево-Дмитриевское, Лукино и др. отвели участки общинной земли для устройства садов и огородов при школах. Размер участков был разным, от четверти десятины и более. В 1900 г. Вязниковское уездное земство обсуждало вопрос «Об устройстве огородов и садов при школах». Педагоги при школах стали обучать детей тому, как сформировать грядку, как сажать овощи, ягодные кустарники и фруктовые деревья, как ухаживать за ними¹⁶. Фрукты, ягоды и овощи, собранные на этих участках, шли на стол земскуму учителю и являлись хорошим подспорьем к его жалованью.

Животноводство было важной, но все же второстепенной отраслью сельского хозяйства по сравнению с полеводством. Крестьяне Вязниковского уезда и всей Владимирской губернии держали в основном лошадей и крупный рогатый скот. Лошадь в крестьянской семье была работницей, а корова кормилицей. К сожалению, уезд не обходили стороной эпизоотии. В 1891 г. в Мугреевской волости случилась «повальная болезнь скота» – сибирская язва. В деревнях Шеверниха, Кочергино, Взвоз заболели 14 лошадей, четыре из них пали. В 1892 г. в деревне Взвоз эпидемия сибирской язвы приобрела массовый характер. Она охватила 58 голов различного скота, в том числе лошадей и коров¹⁷.

К сожалению, Вязниковское уездное земство уделяло развитию ветеринарии недостаточное внимание. Хотя ветеринарный врач в уезде был, а в начале XX в. – даже не один, но из 13 уездов Владимирской губернии Вязниковское земство находилось только на седьмом месте по расходам на ветеринарные мероприятия при том, что по объёму бюджета в денежном выражении оно занимало четвёртое место¹⁸.

Органы земского самоуправления занимались также строительством и содержанием дорог и мостов на вверенной им территории. До самого конца XIX в. в сельской местности не было междугороднего, а тем более – «междусельского» транспортного сообщения. Люди добирались до нужного им пункта на перекладных, нанимая лошадей. Земство впервые наладило такого рода сообщение, но оно не было общедоступным, а предназначалось для представителей власти и земских служащих, разъезжавших по делам. Для этого в крупных населённых пунктах – городах, сёлах – были открыты земские ямские пункты, на которых находились наготове лошади. По договорам такие пункты содержали так называемые пунктовщики из местных жителей. Ямщики были готовы доставить в нужное время врача или фельдшера, земского агронома, направлявшегося в деревню для инструктажа, исправника, судебного следователя или пристава. В Мугрееве-Ни-

кольском находился земский ямской пункт, где находились четыре лошади, на содержание каждой земство отпускало 100 рублей в год, они тратились в основном на заготовку фуражка – овса и сена. Каждые три года договор с пунктовщиком заключался заново. В 1913 году мугреевский ямской пункт содержал В. Морунов¹⁹.

Существует мнение о том, что в такой сельской по преимуществу стране как Российская империя, модернизация, начавшаяся после крестьянской реформы 1861 года, затронула почти исключительно городскую среду. На самом деле это не так. В ходе «Великих реформ», проведённых правительством Александра II, первой по счёту и, наверное, первой по значению являлась земская реформа 1864 года. Совершенно новые органы общественного самоуправления, созданные в результате этого преобразования, увидели свою миссию в просвещении многомиллионных масс крестьянского населения, в заботе о сохранении их здоровья и об улучшении их хозяйства. Из нашего небольшого исследования на материалах микрорегиона, т. е. отдельно взятой волости в центральной России, наглядно видны результаты деятельности земства. Вырос уровень грамотности крестьян, особенно молодёжи. Начальное образование пока не стало всеобщим и обязательным, но оно было доступным и бесплатным. В деревне впервые в её истории также стала доступной бесплатная медицинская помощь, которую осуществляли не знахари, а специалисты – врачи, фельдшеры, акушерки. В результате снизилась смертность крестьянского населения. Результатом агрономической помощи крестьянам стало повышение продуктивности их хозяйства.

1. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 83.
2. Там же. С. 100.
3. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1891 г. Владимир, 1892. С. 18.
4. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1885 г. Владимир, 1886. С. 166.
5. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 92 – 93.
6. Там же.
7. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1891 г. Владимир, 1892. С. 47; Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 92 – 93.
8. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1891 г. Владимир, 1892. С. 21.
9. Там же. С. 24.
10. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1885 г. Владимир, 1886. С. 64.
11. Там же.
12. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 123.
13. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1885 г. Владимир, 1886. С. 64.
14. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 57, 149.
15. Журналы Вязниковского уездного земского собрания 1906 г. с приложениями. Владимир, 1906. С. 62 – 64.
16. Журналы Вязниковских уездных земских собраний 1900 г. Владимир, 1900. С. 116.
17. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1891 г. Владимир, 1892. С. 42; Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1892 г. Владимир, 1893. С. 44.
18. Старый владимирец. 1915, 5 мая.
19. Отчеты Вязниковской уездной управы за 1913 г. с приложениями. Вязники, 1914. С. 110.

К ранней истории рода Балиных (конец XVIII – начало XIX вв.)

Купеческий род Балиных известен, прежде всего, благодаря основателю Товарищества мануфактур в с. Южа Вязниковского уезда, Асигкриту Яковлевичу (1816–1885). Однако Балины – достаточно интересный фабрикантский род, истоки которого уходят ещё в последнюю четверть XVIII в. Автор капитальной монографии о Балиных Н.А. Зонтиков при описании ранней истории рода опирается преимущественно на известное издание Я.М. Пашкова к 25-летнему юбилею Товарищества (1910 г.).¹ Мы постараемся дополнить эти сведения документами, сохранившимися в разных фондах Государственного архива Ивановской области. Реконструкция ранней истории рода Балиных и выяснение биографий его представителей поможет пониманию путей эволюции капитализма Шуйско-Ивановского текстильного района на рубеже XVIII–XIX вв.

Н.А. Зонтиков условным годом выкупа на волю горицких крестьян Балиных, принадлежавших В.Б. Лопухиной, называет 1785 г.² В апреле 1793 г. Иван Степанович Болин (р. 1726) приписался в московское купечество 3-й гильдии. А вот его младшие братья оказались в числе шуйского купечества. В обывательской книге г. Шуи 1794 г. значатся 61-летний Герасим Степанович Балин и его племянник, 30-летний Иван Иванович. Бездетный Герасим, женатый на 64-летней крестьянской дочери Авдотье Васильевне, имел «холщёвой и пестрядинной торг» и успел 6 лет отслужить шуйским градским головой. Балину принадлежали два дома – каменный в Пищальной улице, на приобретённом участке 20 на 40 саж., а также деревянный – в Воскресенской улице. Сохранилось его прошение в Шуйскую управу благочиния от 7 июня 1793 г. о выделении «препорции земли» к «обстройке» уже имеющегося деревянного дома деревянным строением в 12-м квартале города. Неделю спустя разрешение было получено, а документы на землю Герасим получил после уплаты пошлин за неё в октябре 1797 г.³ Иван Иванович, женатый на своей ровеснице, купеческой дочери Агафье Фёдоровне, имел уже 5-летнего сына Ивана. Ему принадлежали деревянный дом и амбар в Узкой улице на наследственной земле, построенные его отцом. Сам он успел купить на той же улице ещё один участок земли и возвести на нём полотняную фабрику. Ещё одна фабрика располагалась на земле, отведённой Балину управой благочиния в 30-м квартале города на участке в 20 на 125 саж. Сохранилось его прошение о строительстве нового каменного дома и полотняной фабрики при нём, поданное 12 апреля 1793 г. Каменный дом должен был стоять по фасаду улицы, а за ним располагалась деревянная фабрика. Взамен этой земли Балин передавал городу землю «лежащую под старым моим домом всю без остатку». При этом его старый дом подлежал сносу, как и два обывательских дома, оказавшиеся на отведённой ему земле (они перешли к городу за казённый долг).

Документы на землю были получены им в октябре 1797 г.⁴ Наконец, соорудил Балин и мыловаренный завод на берегу р. Тезы, также на отводной от магистрата земле на небольшом участке 15 на 20 саж. В качестве главного занятия Ивана указан «фабричной полотняной торг», исполнял он и городские службы – успел побывать «частным старостой» при составлении обывательской книги на предыдущее трёхлетие, а на новое трёхлетие был избран бургомистром в магистрат.⁵

Эти данные представляют Балиных как весьма выдающихся предпринимателей. Очень немногие шуйяне на тот момент владели полотняными фабриками и лишь двое из них (кроме И.И. Балина) принадлежали к крестьянам, записавшимся в купечество – 50-летний Иван Иванович Сафонеев (он же Игумнов) и 52-летний Герасим Васильевич Игумнов. Остальные шестеро фабрикантов были коренными шуйянами: М.И., В.И. и И.И. Корниловы, И.В. Шилов, Г.А. Носов, а также А.Ф. Голятин. Причём четверо полотняных фабрикантов, кроме Балина, также имели мыльные заводы: 41-летний Василий Иванович Корнилов, 46-летний Иван Васильевич Шилов и 50-летний Григорий Алексеевич Носов (ему принадлежал также кожевенный завод). Таким образом, мы застаём момент угасания в Шуе мыловаренного производства и взлёта полотняного. Не в последнюю очередь появление последнего было связано с именами выходцев из крестьянства – Игумновых и Балиных. Судя по всему, Иван и Герасим Степановичи (младшие братья Ивана Степановича Балина) переехали в Шую в середине 1780-х гг., успели обзавестись землёй и домами, после чего Иван умер, а его сын начал отдельное дело – сначала завёл мыльное производство, а затем сразу две полотняных фабрики. Оба объявляли капитал по Шуе уже как минимум с 1791 г.: Герасим Степанович – 1025 руб., Иван Иванович – 1200 руб.⁶

Впрочем, Иван и Герасим были не единственными представителями балинского рода, обосновавшимися в Шуе. В ноябре 1793 г. Борис и Василий Степановичи Балины просили Шуйскую управу благочиния отвести им землю для строительства деревянного дома в 12-м квартале города 10 на 40 саж. и получили соответствующее разрешение в мае 1793 г. Документы на это земельное владение были получены Василием в октябре 1797 г., причём на этот раз к прошению приложил руку не Борис Степанович (судя по всему, уже умерший), а купец Герасим Степанович Балин.⁷ Сам Герасим скончался в 1805 г., а Василий Степанович (р. 1731) – в 1803 г.⁸ Отдельный дом выстроила также сестра Ивана Ивановича, купеческая дочь Татьяна Ивановна Балина. Заявление с просьбой о санкционировании постройки деревянного дома в 16-м квартале на участке 10 на 30 саж. она подала 11 марта 1795 г. При осмотре этого места брат Татьяны И.И. Балин объявил, что отказывается от претензий на него, хотя «оно крепостное после их родителей, к получению которого и он имеет равное участие». А документы на строение Балина получила в октябре 1797 г.⁹ Старший сын Ивана Ивановича – также Иван, в обывательской книге 1794 г. обозначен 5-летним, однако по ревизской сказке апреля 1834 г., ему исполнилось уже 48 лет, а его жене Марии Кузьминичне – 43 года.¹⁰ Таким образом, родился он в 1786 г. А вскоре после женитьбы Иван Иванович обзавёлся собственным капиталом и от-

делился от родителей. Уже 24 июня 1809 г. его жена Мария приобрела участок в 23-м квартале городе у дворянина С.И. Оболдуева размером 10 на 30 саж., а в мае 1811 г. просила Управу благочиния санкционировать строительство на нём каменного дома.¹¹

Удачный старт отнюдь не означает успешного продолжения «купеческой карьеры». Уже ко второму десятилетию XIX в. Балины выпадают из числа первых граждан Шуи. В ведомостях о шуйских фабриках за 1812-1814 гг. их предприятий не значится (всего в них отмечены от 12 до 13 полотняных фабрик).¹² Судя по всему, им приходится переключиться на поставку пряжи для других шуйских промышленников. Об этом свидетельствуют обстоятельства дела о грабеже И.И. Балина в ночь с 27 на 28 января 1811 г. В этот день Иван Иванович с находящимся у него «в служении» крестьянином Егором Ивановым следовал из Гориц через Пупки на базар в Кохму. Однако уехал он недалеко – уже у д. Федосово был остановлен тремя неизвестными. Они столкнули с саней его извозчика и захватили самого Балина. Двоих нападавших уселись на него, а третий, нахлестывая лошадь, направил её в лес. Там разбойники избили купца «кулаками, сколько им хотелось», после чего отняли у него бумажник и забрали весь товар. Самого пострадавшего они привязали под санями на веревочной петле. Балину с огромным трудом удалось освободиться («будучи в такой крайности и имея едва только дыхание, я петлю пооттянувши, скинул»), после чего он добрался до Федосова и объявил о грабеже тамошним крестьянам. Всего грабители похитили 230 руб. ассигнациями из бумажника, а из саней забрали сурою тонкой пряжи до 100 «мотов», бархатную шапку с бобровым околышем, картуз, полстерь, пуховую подушку, овчинное одеяло, а также лошадь с хомутом и вожжами. Нельзя сказать, что ценность похищенной пряжи была слишком велика: Балин определял её в 80 руб., тогда как лошадь стоила 250 руб., а одежда, подушка и одеяло – 83 руб. Похищенное было обнаружено очень скоро – при обыске у 40-летнего крестьянина д. Наумцево Василия Андреевича Зимина 1 февраля 1811 г. В его «задней горенке» была найдена вся одежда Балина, а также вожжи и 37 «мотов» пряжи. В качестве сообщника Зимин показал на 33-летнего крестьянина д. Елюнино Фрола Спиридонова, который якобы забрал лошадь и деньги Балина. Именно он, по словам Зимина, «снабжал» на преступление наумцевского крестьянина, который в ходе грабежа Балина вообще не касался, а лишь пытался утихомирить «коллегу». Однако обыск у подозреваемого ничего не дал, а найденная у него лошадь принадлежала самому Спиридонову.¹³

Родственные отношения Ивана Ивановича Балина (1764-1820) и Семёна Ивановича Балина (1860-1831) – деда Асигкрита Яковлевича, выясняются благодаря духовной, составленной первым во время смертельной болезни в январе 1820 г. Согласно этому завещанию, Иван Иванович «будучи в болезни, однако в твёрдом уме» оставил «все благоприобретённое мною имение» (дом в Шуе с землёй и строением, а в нём «всякое движимое имущество, товар и деньги») своей жене Агафье Фёдоровне. Она имела право также получить его долги по

1 зетръ, показавшии съ котораго именно братьяни ханоди изъ арабородцовъ, начавшии именем Единоверческую церковь устроилъ въ Старообрядчествѣ, и подъ пакомъ въ данной изъ михайловскаго була копія значатся №^и

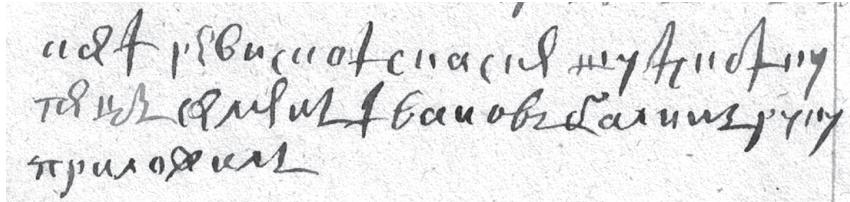
Что именно Старообрядцы.		Когда упоминается въ старообрядческихъ записяхъ какими чинами №— въ копіи.
1 Проживавшии въ Селе Дуниловъ московской губерніи Семенъ Ивановъ Балинъ именемъ Его старообрядца Михайлова	Дети Записиахъ предковъ, состоящихъ въ двоюродныхъ отцахъ	
2 Сынъ Яковъ Семеновъ жена Его жрица Петрова		
3 жена ихъ Анастасия Котгинъ Федорина Нарышкина		
Сынъ Даниилова Крестильщикъ.		
4 Василий Александровъ ткачевъ жена Его Анна Петрова	отъ Записиахъ предковъ Значалася въ копіи Записиахъ Рода подъ № 8, 9, 10 въ женскомъ въ 10 летъ	
Дочь Григорія.		
Александровъ Васильевъ.		
Григорий Андреевъ Сребренниковъ именемъ Его Анастасия Андреянова	отъ Записиахъ предковъ, въ копіи подъ № 26 въ 16 летъ	
5 Анастасий Яковлевъ Сребренниковъ жена Его Анна Александрова	отъ Записиахъ предковъ въ копіи Значалася	
6 Константина Агрикова жена Ульяна Иванова	подъ № 23, 24, 25 въ 34 летъ	
Дочь ихъ Яковъ		
7 архиепископ Константиновъ.		

Реестр старообрядцев, ходатайствующих об учреждении Покровской единоверческой церкви в с. Дунилово. 1820 г.

«всяким щетам и роспискам», после чего уплатить его долги «и употребить на поминание души моей, сколько за благо разсудит». Жена также должна была выделить наследство и детям, которым запрещалось «вступаться» в имение Ивана Ивановича, цену которому он «по совести своей» объявлял в 8000 руб. Свидетелями духовной выступили шуйский купец Яков Фёдорович Голятин и мещане И.И. Шилов и И.А. Корноухов. Первый оказался в этом качестве неслучайно – он был старшим братом наследницы, Агафы Фёдоровны Балиной. Само же завещание написал и «ко оному по личной прозьбе за слабостью здоровья и дрожанием руки» завещателя приложил руку его двоюродный брат, московский мещанин Семён Иванович Балин.¹⁴

Вскоре после смерти отца шуйское дело Балиных приходит в упадок. В 1822 г. наследник Ивана Ивановича Ефим (р. 1801) переходит из купечества в мещанство вместе с сестрой Евфимией (р. 1792) и женой Екатериной (р. 1799).¹⁵ Одна из первых шуйских полотняных фабрик сильно сокращает обороты, но продолжает работать. По обывательской книге г. Шуи на 1833 г., у наследников мещанина И.И. Балина значатся деревянный дом, каменная палатка и ткацкая стоимостью 1200 руб., доставшаяся им от матери. Ткацкая использовалась под небольшую «платочную фабрику». Наследник – а им оказался Ефим Иванович, поскольку старший брат отделился от отца задолго до его смерти – неоднократно исполнял общественные службы. Четыре месяца он был сотским, а на 1833–1835 гг. оказался избран гласным городской Думы.¹⁶ Итак, вся внушительная недвижимость Балиных к этому времени сократилась до участка в 30-м квартале Шуи, на котором располагались деревянный дом (22,5 на 18 арш.), погреба, кухня, два каретных сарая, сарай для поклажи, кладовой амбар, баня, и каменная палатка (18 на 9 арш.). Промышленные постройки были совсем невелики: красильня (7 на 7 арш.) и ткацкая (15 на 9 арш.).¹⁷ В них могли работать не более 10 чел. Судя по всему, фабрика ввиду незначительности не регистрировалась в уездном суде: в 1836 г. среди шуйских заводов она не упоминается.¹⁸

Очевидно, предприятие Балина принадлежало к числу небольших «фабричёнок», приостанавливавших и возобновлявшихся деятельность в зависимости от экономической конъюнктуры. Об этом свидетельствует тот факт, что согласно обывательской книге 1855 г. Е.И. Балин «занимался хлебною торговлей», а согласно книге 1863 г. – «производством миткалей». Ефим Иванович активно исполнял общественные службы – был гласным городской Думы, смотрителем при холерной больнице и старостой при составлении обывательской книги (на эту должность он был избран в июне 1843 г.).¹⁹ После смерти первой жены бездетный Ефим вскоре женился вновь. Согласно обывательской книге 1863 г., у 62-летнего Балина имелась 38-летняя жена Екатерина Ивановна и уже шесть детей: 16-летняя Татьяна, 12-летняя Любовь, 8-летняя Агрипина, 7-летний Иван, 3-летний Александр и полугодовалый Фёдор.²⁰ А вот недвижимое имущество Балиных постепенно сокращалось. К 1842 г. были ликвидированы промышленные постройки: красильня и ткацкая. У Балина остался большой деревянный дом, погреб, два сарая, кухня, баня, каменная палатка и кладовой амбар (12 на 7,5 арш.).²¹ А к 1850 г. всё имущество Балиных съёжилось до «деревянного флигеля» (20 на 9 арш.), принадлежавшего его старшей сестре Евфимии Ивановне по духовному завещанию отца, утверждённому в 1828 г. Владимирской палатой гражданского суда. Всё остальное имущество Балиных было распродано. Большой дом «с надворным строением, жилою избою и каменною палаткою» перешёл к Агафье Васильевне Белугиной от Е.И. Балина по купчей крепости, совершенной 26 мая 1842 г.²² Очевидно, к этому времени и относится окончательное «падение» шуйского рода Балиных. Остатки денег Е.И. Балин вложил в землю в будущем Вознесенском посаде – 13 ноября 1844 г. он приобрёл 620 кв. саж. земли при д. Иконниково у московского купца С.Л. Лепёшкина за 100 руб.²³

Семёнович Балин
1830

Подпись Семёна Ивановича Балина. 1830 г.

Что касается «московской» (а вернее – дуниловской) ветви рода, то её главой стал Семён Иванович Балин, оказавшийся одновременно предводителем местной старообрядческой общины «поповцев». Сам Семён Иванович проживал в Дунилове, о чём свидетельствует дело по обнаружению «старообрядческой моленной» в этом селе, содержателем которой как раз и выступал Балин. Началось всё с того, что Нижегородской консисторией «в рассуждении из своего села в расколнические скиты побегу» был задержан престарелый священник с. Федорына Семёновской округи Павел Никитин. В своём допросе Никитин показал, что ушёл из села в раскольнический Комаров скит в конце марта 1795 г., «по совращению тамошняго страца Тарасия». Прожив там полтора года с небольшим, «исправляя священнослужение» для местных старообрядцев, он был взят в село Дунилово в старообрядческую часовню её содержателем С.И. Балиным. Там Никитин прожил ещё три года, исправляя «всякие мирские требы, кроме крещения и венчания браков», но поскольку ослеп уже в 1796 г., его «требы» ограничились молебнами и панихидами. В середине июня 1798 г. последовал указ об исследовании балинской часовни из Владимирского губернского правления. Уже 18 июля туда явилась целая коллегия во главе с земским исправником Ф.А. Голенкиным. Моленная имела весьма богатый инвентарь: передняя изба 7,5 на 4 саж., стена в иконостасе «с образами и пред ними лампады», три «налоя» и два клироса с полным комплектом икон, церковной утвари и богослужебных книг. В сенях имелись две «манильских» светёлки с печами и два чулана, через сени – «стряпильная изба», а наверху – холодная светёлка. На переднем дворе располагались «два манильских сарайца», хлебный амбар, старая изба и два поднавеса, на заднем – ещё погреб и два сарай.

Священника и хозяев при часовне не оказалось, зато хорошие показания дал её сторож – крестьянин д. Федоркова Нерехтского уезда вотчины Ф.И. Глебова Тихон Васильев. Он появился в Дунилове восемь лет назад с целью попасть в моленную собратьев-«поповцев». Там он встретился с верхушкой местных старообрядцев – Г.Д. Середянкиным, С.И. Балиным и Г.В. Пастуховым и был определён ими в моленную сторожем. Старообрядцы сходились для молитвы по воскресениям и праздникам – среди них он называл семейства упомянутых Балина и Пастухова, а также «нищих стариков и старух», являвшихся «для моления из разных мест». Священники в моленную приезжали изредка – из Стародуба и Ир-

гиза, «живет же оные не подолгу». Обычно служили «мужики разные, хто придет молиться». На отопление и освещение кельи самого сторожа и моленной хватало подаяния приходящих. А вот постройку новой избы (прежде службы проводились в старой избе, располагавшейся на переднем дворе) целиком оплатил С.И. Балин, приобретавший для неё лес и договаривавшийся с писцовскими плотниками. Представители дуниловской вотчинной администрации П.Ф. Остафьевой в один голос уверяли, что часовня построена московскими купцами С.И. Балиным и Г.Д. Середянкиным на земле последнего, которую он получил после отпуска на волю от помещицы В.Б. Лопухиной, причём сам Середянкин скончался уже семь лет назад. Сын Григория Демьяновича Середянкина, Пётр Григорьевич, уверял, что землёй этой не владеет и вообще ничего о ней не знает, поскольку «с малоледства отцом моим отдан для обучения торгового промысла в Санкт-Петербург», а по возвращении «обращался в торговых промыслах в разных городах», проживая в Дунилове «только приездом». К 4 августа 1798 г. в Шую, наконец, прибыл и главный обвиняемый – 38-летний С.И. Балин, допрошенный в общем присутствии уездного суда и городового магистрата. Семён показал, что проживает в Дунилове, в доме отца – И.С. Большого-Балина и действительно является содержателем «моленной комнаты». Но служит это помещение лишь для молитв, священнослужения в нём не производится. Часы читают сами молящиеся, а изредка – проезжающие из Стародуба в Иргиз и из Иргиза в Стародуб священники «которых они для некоторых потребностей не на долгое время и останавливают». Из них он вспомнил лишь одного – Фёдора Никитина из Покровской церкви Климовского посада. Петра же Никитина, якобы отслуживавшего у него три года, Балин и вовсе не знал. Обвиняемый был отпущен под расписку 5 августа 1798 г. Шуйский уездный суд дело прекратил за недоказанностью обвинения.²⁴

Таким образом, выясняется, что Балин некоторую часть года проживал в Москве, но в основном, обитал всё же на родине, являясь главой местной старообрядческой общины (тогда как его отец постоянно проживал в столице). Старообрядческая молельня, несмотря на неоднократные «обыски» её содержателя по подозрению «в рассеянии раскола», просуществовала вплоть до превращения в Успенскую единоверческую церковь.²⁵ О некоторых обстоятельствах жизни Семёна Ивановича свидетельствует дело о погребении его младшего брата Панфила Ивановича Балина. Несмотря на то, что брат его был одним из первых людей в Дунилове, Панфил жил в доме крестьянина Прокофия Фёдоровича Симакова «для науки малолетней дочери грамоте». Братья проживали «в разделе» уже около 30 лет, а также имели старый конфликт на религиозной почве – Панфил называл «поповщину», которой держался Семён, «проклятой верою». Панфил неожиданно заболел 23 мая 1816 г., «сделался безмолвным» и в течение суток скончался. По словам Симакова, допрошенного уже через неделю чиновниками уездного суда, Семён Иванович выдал на погребение брата 10 руб., указал место

для могилы, а затем принял участие и в похоронах. Могилу на старообрядческом кладбище вырыл Симаков вместе с сыном покойного, Егором Панфиловичем, а в похоронах «без отпевания» приняли участие, кроме них и С.И. Балина, крестьяне с. Дунилова М.С. Крюков и с. Гориц Ф.И. Дюжин. Балин придерживался несколько иной версии событий – он отмечал, что дал 10 руб. не на погребение, а на прокормление заболевшего брата, «так как он был весьма беден». В дом к Симакову он не являлся «по неудовольствию, по слабости здоровья», а также «будучи занят разными от шуйских купцов комиссиями», в несанкционированном погребении также участия не принимал. 40-летний сын умершего, Егор Панфилович, в целом подтвердил версию дяди. При этом сам он отнюдь не был облагодетельствован влиятельным родственником – работал по найму на скорняжном заводе А.И. Тютина в с. Дунилове («работающего заячни мехи»). Он отмечал, что «подозрений в насильственном лишении отца жизни не имеет, поскольку тот был престарелых лет и почасти находился в болезненных припадках». Отпевания же не было, поскольку Панфил принадлежал к «поповщинской секте».²⁶

Возникает вопрос о причинах жёстких разногласий братьев Балиных, принадлежавших к одной секте, хоть и оказавшихся по разные стороны социальной лестницы. Причиной стало появление среди дуниловских старообрядцев единоверческого течения, возглавленного именно С.И. Балиным.²⁷ Многолетний сооружатель часовни и лидер дуниловских старообрядцев фактически стал основоположником единоверия во Владимирской губернии.²⁸ В январе 1820 г. группа единоверцев, возглавляемых Балиным, ходатайствует об открытии в Дунилове деревянной единоверческой церкви. Просители объясняли, что старообрядческая часовня, в которой предполагалось открыть церковь, построена более 30 лет назад С.И. Балиным «собственно от себя» с дозволения бывшей помещицы П.Ф. Остафьевой на её земле. Хотя ныне эта земля и перешла во владение её преемника – П.П. Нарышкина, но последний «никакого воспрещения и притеснения не делает, и занимать оную позволяет, хотя навсегда».²⁹ В приложенном к прошению реестре значилось 104 мужчины и 96 женщин. Возглавляла его семья Балиных – «дети записных предков, состоящих в двойном окладе». Кроме крестьян с. Дунилова и нескольких деревень той же вотчины (Никульникова, Орлихи, Ананкина, Грибанихи, Панютина), в число последователей Балина входили крестьяне д. Толчкова, а также сёл Горицы, Кохма, Иваново и г. Шуя. Причём в первый список желающих входило всего 110 чел. (57 мужчин и 53 женщины), а затем он пополнился практически вдвое.

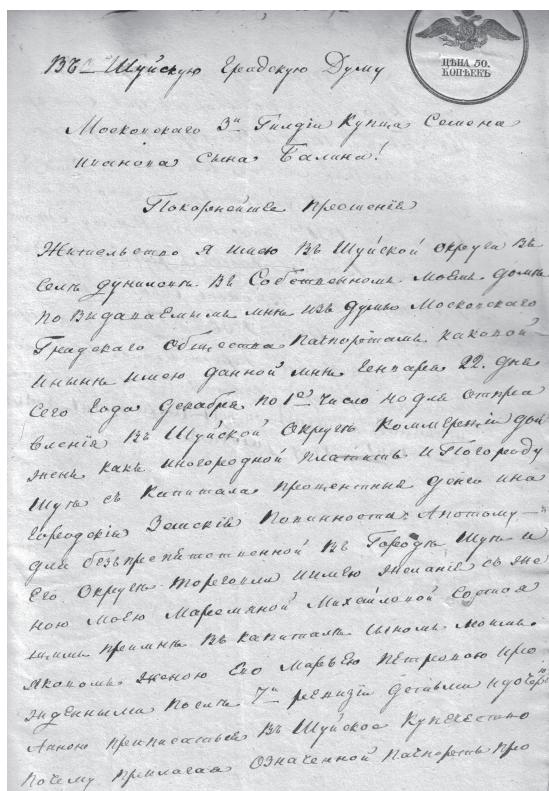
Владимирской консистории эта тенденция пришла не по вкусу: в её указе 8 октября 1820 г. отмечалось, что многие из показанных в прошениях раскольников (включая самого С.И. Балина) в реестре Шуйского земского суда 1811 г. не значатся. В связи с этим было решено обратиться во Владимирское губернское правление за справками обо всех лицах, указанных в прошении. Необходимо было узнать, значатся ли они «детьми записных предков в расколе» и когда уклонились в него. В декабре 1820 г. Шуйский уездный суд представил итоги рас-

следования. Большая часть указанных в прошениях старообрядцев оказалась обозначена в «ведомостях, каждогодно подаваемых от вотчинных начальников», оставшиеся же 47 чел. были опрошены местным земским исправником. На них был составлен реестр «с объяснением, кто когда поступил в раскол и чем они свое вступление в раскол доказывают». Относительно документа на церковную землю «инициативная группа» из 10 чел. во главе с Балиным заявила, что пока его не имеет, но «несомненно надеется испросить в скором времени», поскольку устное согласие от владельца (П.П. Нарышкина) уже получено.³⁰ Доверенность от Нарышкина на обращение земли «в церковное владение» была выдана крестьянину В.А. Телегину 10 декабря 1820 г.³¹ Святейший Синод санкционировал устройство каменной Покровской церкви 30 апреля 1821 г. с условием «до построения оной перенесть состоящую в том селе Дунилове деревянную часовню, яко способную и расположенную в устроении ея сообразно церкви на избранное просителями старообрядцами место и учредя оную настоящим храмом, освятить». Часовня Балина была найдена «крепкою и во внутренности довольно простирающею», удобной для помещения «значительного количества народа». Церковь была перенесена на расстояние в 50 саж. от села в «место, называемое Пустынью», где прежде располагалась Дуниловская Воробьёвская пустынь.³² Вскоре к новой общине изъявили желание присоединиться ещё 90 чел. старообрядцев из разных сёл Шуйской округи. Из них раскольниками оказалось лишь 24 чел., а 19 из оставшихся были отмечены в росписях, как «бывшие у исповеди». В связи с этим 29 ноября 1822 г. священник единоверческой церкви получил указ о присоединении к приходу только 24 старообрядцев, об остальных требовалось провести «надлежащее изыскание».³³ Церковным старостой указом Владимирской консистории от 19 ноября 1821 г. был назначен С.И. Балин, а 21 февраля 1825 г. его полномочия были продлены ещё на трёхлетие.³⁴

Семён Иванович всё более связывался с родными местами и спустя десять лет после основания церкви решил сменить московскую «прописку» на шуйскую. Прежде всего, он в два приёма (по купчим от 1 января и 2 марта 1828 г.) приобрёл у дуниловского помещика П.П. Нарышкина участок «крепостной усадебной земли», которой «покупщик прежде владел». На первом участке располагался двор Балина (за него было уплачено 500 руб.). Второй участок (на берегу) очевидно, предполагалось использовать под фабричное заведение (за него Балин заплатил 100 руб.). Ограничивалось владение Балина с одной стороны – проезжим переулком, с другой – двором М.И. Калинина, а сзади – р. Тезой. Балин стал «первой ласточкой», юридически получившей землю от П.П. Нарышкина, которой прежде владел по «доброй воле» помещика. В течение нескольких следующих лет с января 1834 г. по октябрь 1841 г. Нарышкин продал участки в дуниловской вотчине шуйским мещанам А.К. Кормакову и П.С. Построевой, а также вольноотпущененным крестьянам В.В. Крупкиной, М.А. и М.И. Казаковым.³⁵ Юридическое оформление «свободного землевладения» выводило Балина на новый уровень. Судя по всему, приобретение земли было связано с изменением «производственного

профиля»: не отказываясь окончательно от скорняжного дела, Балин пробует перейти к новому промыслу – красильному. В данном случае приходилось ориентироваться уже на местный рынок, и 15 октября 1830 г. С.И. Балин обратился в Шуйскую думу с прошением перечислиться с семейством из московских купцов 3-й гильдии в шуйские.³⁶ Мотивировал он это тем, что ранее «для отправления в шуйской округе коммерции должен, как иногородний, платить и по городу Шве с капитала процентные деньги и на городские земские повинности». А менее года спустя, 15 сентября 1831 г. Семёён Иванович скончался.

Производство Балина, судя по всему, было не слишком внушительным. Его красильный завод (в отличие от шуйского предприятия Е.И. Балина) попал в список предприятий уезда 1836 г., а вот в обывательской книге 1833 г. занятие наследника Семёна Ивановича – Якова – обозначено как «торговля бумажною пряжею».³⁷ Ко времени смерти отца Яков был уже весьма зрелым человеком – по ревизской сказке апреля 1834 г. ему было 43 года, его жене Марии Петровне – 41 год, сыну Асигкруту – 18 лет, а дочери Анне – 12.³⁸ Н.А. Зонтиков в своей работе отводит Якову весьма незавидное место «гнилого звена» в крепкой цепи балинского рода, что вообще являлось характерным для российского купечества.³⁹ Недоумение у него вызывает «невнятный» пассаж Я.М. Пашкова о прекращении существования красильной мастерской «по случаю недоразумений, возникших между наследниками С.И. Балина и их дядею Игумновым».⁴⁰ Между тем, дело Шуйского сиротского суда позволяет не только прояснить сущность разногласий наследников, но и нарисовать масштабную картину дуниловского хозяйства Балиных. Шуйский купец 3-й гильдии Анисим Александрович Игумнов был женат на сестре Якова Семёновича Балина, Марии. Венчание их состоялось в 1813 г. в дуниловской раскольничьей часовне, основанной отцом невесты, а позднее Анисим вошёл в

Прощение С.И. Балина о причислении его в шуйское купечество.

1831 г.

число первых прихожан Покровской единоверческой церкви. Мария Семёновна скончалась в 1827 г., её отец – в 1831 г. Безутешный зять спохватился лишь три года спустя: в октябре 1834 г. он сообщал, что воспитывает двух наследников Марии Семёновны – своих сыновей Михаила, 15-ти лет, и Абрама, 14-ти лет. Он отмечал, что оставшиеся после смерти его жены одежда и жемчуг находятся в ведении её матери Маремьяны Михайловны и брата Якова Семёновича. Кроме того, не получила она наследства и от отца, который якобы «будучи известен о недостаточном награждении дочери своей, обещался её наградить, но не успел». Игумнов просил установить опеку над его сыновьями во избежание расточения положенного им по закону имущества. И уже 24 ноября 1834 г. опекунами Михаила и Абрама были назначены сам Игумнов и его шурин Я.С. Балин.

Мать умершей Маремьяна Михайловна показала, что имущество дочери (16 ниток жемчуга, цепочка, серьги, шубы, сарафаны и другое платье) находится на хранении в Шье у Евфимии Ивановны Балиной. Состава приданного она не помнила, документов на него не осталось. При этом Балина не преминула заметить, что ко времени замужества дочери С.И. Балин «был московским мещанином и находился в самом посредственном состоянии». Опись имению М.С. Игумновой была составлена 24 ноября 1834 г. Наибольшую стоимость имели жемчужные украшения: подвески к серьгам, «перло» на 16 нитей и цепочка – их общая стоимость составляла 1125 руб. В 95 руб. были оценены 5 икон. А остальное имущество (4 шубы, 3 сарафана, 2 платья, а также рубахи, одеяла, занавеси, скатерть, платки, простыни, полотенца и даже несколько концов ткани) потянуло всего на 464,5 руб. Относительно этого имущества у Балиных претензий не было. А вот наследство Семёна Ивановича они делить не желали и 23 марта 1835 г. заявили, что Мария «родителем ея из имения его достаточно была награждена и оставалась довольною, равно и муж ее». Однако отвертеться от судебного решения было уже невозможно – 9 сентября 1835 г. оценщики приехали в Дунилово. Что они там увидели? «Каменный 2-этажный дом» размерами 6 на 7,5 саж., крытый железом. «В нем жилых комнат в нижнем этаже 5 и палатка с двумя железными дверями, кругом 13 окон, 3 изращатые печи, 8 дверей, в верхнем этаже 5 комнат, 17 окон, 3 печи, 9 дверей с медными замками и петлями. На дворе поднавес, обнесенный заборником, крытый тесом, мерою 7 на 3 саж. 1 арш., красильня деревянная крытая тесом, мерою 4 на 2,5 саж., амбар ветхий, мерою 4,5 на 3 саж.». Балинская недвижимость была оценена в 2000 руб., но «по местным обстоятельствам никакого дохода приносить не могла». В доме имелись два зеркала красного дерева, две дюжины простых берёзовых стульев, «обтянутых волосяною материею», ломберный стол и диван, обтянутый плисом, а также шесть простых деревянных столов, стенные часы и «туалет ветхой мебели». В палатке хранилось 203 «тюня» китайки – вишнёвой, яхонтовой, голубой и зелёной (всего на 1749 руб.), 4 пачки английской бумаги (на 100 руб.), пуд кубовой краски (на 200 руб.), 74 заячьих меха (на 185 руб.), 3 бочонка квасцов (на 60 руб.). Там же находилась одежда и посуда – 2 самовара, дюжина фаянсовых чашек и чайник

(всего на 114 руб.). Скота у Балиных оказалось немного – лошадь и корова с подтёлком, из транспортных средств – дрожки, три телеги и зимние сани. Общая стоимость имущества (4752,5 руб.) была примерно втрое выше, чем наследства М.С. Балиной.

Игумнова особенно интересовали деньги Балиных, но те утверждали, что ни денег, ни денежных документов не имеют, поскольку после смерти Семёна уплатили долги, в том числе и довольно крупные (так, «тобольский житель» Елисей Михайлов получил от них 1000 руб.). Кроме того, «немалое количество» денег было истрачено на поминование усопшего, на поправку строения, «да и от товару в некоторых годах» наследники «потерпели довольно убытку». Что касается описанного у них имущества, Балины в заявлении 18 ноября 1835 г. утверждали, что по закону Игумновы имеют право лишь на 14-ю часть недвижимости и 8-ю часть движимости (143 и 120 руб. соответственно). В связи с этим они просили всё описанное отдать в их распоряжение, особенно китайчатый товар, который «может измениться в виде, доброте и ценности к явному для нас убытку». В ответ Игумнов утверждал, что опись учинена почти через 4 мес. после требования суда – а в течение этого времени Балин мог свободно производить торговлю и сбыть значительное количество товара. Также он отмечал неописанное имущество: иконы в моленной, бумажную красную пряжу в палатке, известное ему платье самого Я.С. Балина и его сына Асигкрита, находящееся в сундуке в кладовой. Красильня же оказалась описана лишь снаружи, поскольку Балины открывать её отказались, так что «бывший в ней товар, посуда и кубы» в опись не попали. Вызывал сомнение и тот факт, что строение не может приносить дохода – в Дунилове производились «каждодневные торги», так что дом можно было сдавать купцам и заводчикам, если бы в нём не проживали Балины. Не согласен он был и с оценкой китайки, бумаги, краски, мехов и квасцов – она, по его мнению, была занижена почти в 3 раза. Что касается недвижимости, то 2000 руб., как полагал Игумнов, стоила только земля под строением. Намерения Балиных представлялись ему прозрачными – они якобы скрывали «во всех отношениях количество достояния отца своего».

Тогда Маремьяна и Яков сами пошли в атаку – в ответном прошении от 22 января 1836 г. они объясняли, что не описанное имущество «есть не родовое, а ими благоприобретённое». Кроме того, вспомнили они и о том, что брачный союз Анисима с их сестрой был совершён незаконным путём «беглым раскольничим попом» и в официальных документах не зарегистрирован. В связи с этим они угрожали просить в высших инстанциях о возврате им имущества, оставшегося после Игумновой (на 1684, 5 руб.). Ещё в одном объяснении от 4 марта 1836 г. Я.С. Балин сообщал, что торговых книг после отца не осталось и у него также не имеется, а не попавшая в опись «всякого рода движимость и домашнее с красильной фабрикой заведение есть самими нами приобретённое». Но сиротский суд вновь встал на сторону Игумнова – 5 марта 1836 г. его чиновники вновь появились в Дунилове. Они описали моленную – 50 икон, медные створы, 13 медных лампад, в том числе 4 образа невестки Балина Марии Арсеньевны (жены

Асигкрита). Общая стоимость священных предметов составила 520 руб. Было описано имение в кладовой – разная одежда, концы ткани, подушки и одеяла, а также посуда – тарелки, блюда, ножи и вилки, ложки и графины. В палатке было обнаружено красной бумажной пряжи на 360 руб., в другой кладовой – 5 «тюней» сурою китайки (на 25 руб.). Удалось, наконец, попасть и в красильню – в ней оказалось 4 куба, в которых «в деле» 4 тюня пряжи. Там же находились 8 котлов, 4 деревянных куба и 4 тюня неотделанной китайки. Общая стоимость всего имущества в красильне не превышала 190 руб. Обнаружена была также летняя откидная повозка и описана скромная одежда Асигкрита Яковлевича – шуба на беличьем меху, сибирка казинетовая и тулуп китайчатый – всего на 40 руб. Общая стоимость имущества составила 1324,35 руб., более 60% её приходилось на «спорное» имение – «благоприобретённое» по словам наследников.

Запрещение, наложенное сиротским судом на товар Балиных, подрывало их производство. На исходе апреля 1836 г. они вновь просили передать им в пользование «китаешный товар в сырой палатке, который должен неминуемо испортиться и потерять цену свою и добротность», указывая, что уже потерпели немалые убытки, не продав его на Ростовской ярмарке. Лишь 19 мая суд дал разрешение на продажу товара, но только в присутствии опекуна. Игумнов же отнюдь не спешил являться в Дунилово, наслаждаясь местью строптивым родственникам. Он соизволил прибыть лишь 7 сентября 1836 г., но при этом ещё раз обыскал дом Балиных. По итогам вояжа в Дунилово он направил очередное прошение сиротскому суду. Прежде всего, ему удалось обнаружить почти 140 тюней китайки голубой, вишневой и сурою, а также «в красильне в кубах немалое количество». Кроме того, Игумнов напоминал, что не произведена переоценка недвижимости, тогда как, по его мнению, дом со всем строением должен стоить не менее 10000 руб. Объяснение Я.С. Балина по этому поводу от 3 декабря 1836 г. уместно процитировать полностью, поскольку он описывает фактически способ работы большинства мелких и средних фабрикантов Шуйско-Ивановского текстильного района. Балин писал: «будучи шуйским купцом по 3-й гильдии и имея коммерческий оборот, занимаюсь по кругу оного довериями ко мне от разных сословий, чрез каковой способ оплачиваю я как гильдейские повинности, так равно и продовольствую себя с семейством, то по случаю сему неудивительно и быть у меня разнородных товаров, однако ж не собственных своих, а обрабатываемых на моём заведении и на доверие купленных». По его словам, только шуйскому купцу И.Д. Киселёву (не считая других кредиторов) он должен 9525 руб. ассигнациями и 1125 руб. монетой. Киселёв по этому поводу отмечал, что никакой выделки своего товара Балину не поручал, а вот долг за ним действительно немалый: за купленную у него пряжу 4750 руб. ассигнациями до Ростовской ярмарки, а «сверх того» без срока – 7200 руб. ассигнациями и 1150 руб. монетой. Таким образом, Балин был должен даже больше суммы, в которую оценивалось всё его движимое и недвижимое имущество (11876,85 руб.). Ясно, что и ему задолжали немалые суммы – причём операции велись «на доверие», без векселей и коммерческих книг.

Между тем Игумнов в который раз добился своего – 3 декабря 1836 г. судебные чиновники прибыли в Дунилово для вторичной оценки недвижимости Балина. В результате дом с землёй был оценён в 5200 руб., особая каменная палатка – в 1800 руб., прочее надворное строение (включая красильню) – в 800 руб. В тот же день Игумнову удалось добиться продажи всего описанного ещё в сентябре 1835 г. имущества рижскому купцу В.Е. Барапову – он приобрел 203 «тюня» китайки, английскую пряжу, заячий меха и квасцы. Краску же «благородный» Игумнов уступил самому Балину за 300 руб. Вся описанная сумма пошла на счёт «наследства» М.С. Балиной, в котором её сыновья Михаил и Абрам «отыскивали своей части».⁴¹ Итак, обстоятельства дела вполне раскрывают ход конфликта Балиных и А.А. Игумнова. Обе стороны постепенно шли на обострение, но в выигрыше всякий раз оказывался шуяний – сиротский суд вставал на его сторону во всех эпизодах конфликта. Балиным же приходилось раз за разом отступать, так что производственная деятельность действительно оказалась фактически невозможной. Заметим также, что Балин неоднократно называл красильню своим «благоприобретённым» имуществом. Даже если юридически он погрешил против истины, то фактически, судя по всему, был прав – красильное производство было его идеей, организовал его именно он. При этом отец его до последних лет занимался скорняжным делом – недаром в палатке хранилось значительное число заячьих шкурок, об этом же свидетельствует и внушительный долг «томскому жителю», выплаченный уже после смерти Семёна Ивановича.

Подводя итоги истории рода горицких крестьян Балиных в конце XVIII – первой половине XIX в., можно отметить целый ряд характерных черт промышленного предпринимательства Шуйско-Ивановского района этого периода. Балины врываются в шуйскую полотняную промышленность сразу после выкупа на волю и благодаря связям с уже обосновавшимися в Шуе горицкими крестьянами Игумновыми на короткий период 1790-х гг. оказываются на волне успеха. Однако конкуренции с местным купеческим обществом они не выдерживают – уже к началу XIX в. их предприятие сильно сокращает обороты, а к середине века они превращаются в обычную мещанскую семью, проживающую в небольшом флигельке, продав всё нажитое предыдущим поколением имущество. Другая ветвь балинского рода укрепляется в Дунилове, где занимается менее прибыльной, но более традиционной скорняжной торговлей. С.И. Балин на длительное время становится главой

Дом А.Я. Балина в Юже

местной старообрядческой общины и «пионером» единоверия в губернии. Однако его сын на рубеже 1820-1830-х гг. предпринимает попытку войти во всё увеличивающийся поток «полотняных промышленников». Проблема

подобного рода мелких фабрикантов была в том, что дело велось исключительно в долг и на доверие, так что любые непредвиденные обстоятельства могли подорубить его на корню. Таким обстоятельством для Я.С. Балина стала судебная тяжба с зятем А.А. Игумновым, из-за которой его предприятие на некоторое время прекратило деятельность, потерпев значительные убытки.

1. Пашков Я.М. Товарищество мануфактур Асигкрита Яковлевича Балина (1885-1910). Историко-статистический очерк. М., 1911.
2. Зонтиков Н.А. Балины: из истории купеческой династии. Кострома, 2017. С. 17.
3. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 1136. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-4; Там же. Оп. 1. Д. 135. Л. 1-4 об.
4. Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-6; Там же. Оп. 1. Д. 155. Л. 1-4.
5. Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42. Л. 8 об.-10.
6. Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 7. Л. 25, 39; Там же. Д. 12. Л. 31, 43.
7. Там же. Ф. 1136. Оп. 2. Д. 3. Л. 1-4 об.; Там же. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-4 об.
8. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 8. Л. 43, 60 об.
9. Там же. Оп. 1. Д. 93. Л. 1-12.
10. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 65 об.-66.
11. Там же. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 235. Л. 1-2.
12. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 99, 100, 118; Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 202, 203, 205, 221, 253, 254, 257.
13. ГАИО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 1218. Л. 3-28.
14. Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 253. Л. 1-4 об.
15. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 73 об.-74.
16. Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 8015. Л. 6 об.-7.
17. Там же. Д. 694. Л. 30 об.-31.
18. Там же. Д. 1153. Л. 12-12 об.
19. Там же. Д. 1786. Л. 3-10 об.
20. Там же. Д. 8020. Л. 2 об.-3; Там же. Д. 8022. Л. 2 об.-3.
21. Там же. Д. 1671. Л. 28.
22. Там же. Д. 8022. Л. 2 об.-3
23. Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1-4.
24. Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 638. Л. 1-25 об.
25. Сахаров Ф.К. Хронологическая опись дел о расколе, хранящихся в архивах губернского города Владимира (1720-1855) // Труды Владимирской губернской ученои архивной комиссии. Т. 8. Владимир, 1905. С. 44.
26. ГАИО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 161. Л. 5-22.
27. Иванов Ю.А. Шуйские раскольники. Шуя, 1997. С. 16.
28. Зонтиков Н.А. Цит. соч. С. 30-34.
29. ГАИО. Ф. 395. Оп. 2. Д. 1. Л. 6.
30. Там же. Л. 1-2, 30-31.
31. Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 301. Л. 3.
32. Там же. Д. 7. Л. 1.
33. Там же. Д. 2. Л. 8-9.
34. Там же. Д. 1. Л. 3-5, 28-29, 43-44.
35. Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3367. Л. 3-6 об.
36. Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 725. Л. 1-6.
37. Там же. Д. 1153. Л. 9 об.; Там же. Д. 8015. Л. 17 об.-18.
38. Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 20 об.-21.
39. Зонтиков Н.А. Цит. соч. С. 47-49.
40. Пашков Я.М. Цит. соч. С. 5.
41. ГАИО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 121. Л. 1-121.

Раздел V

Духовная и нравственная культура

В.Г. Камышев,
священник

О почитании шуйского новомученика Авксентия Калашникова в Петропавловском храме в Шуе, где покоятся его честные моши

Почтание новомученика Авксентия Калашникова, убитого на Соборной площади 15 марта 1922 года (в результате разгона стихийного протesta верующих против ограбления Воскресенского собора¹) и прославленного Поместным собором РПЦ в августе 2000 года, было на нашем приходе, можно сказать, постоянным. Дело в том, что он был погребён на Петропавловском кладбище недалеко от церкви. История старинного города Шуи и его округи свидетельствует, что наш храм изначально возник как кладбищенский – на месте часовенки над могилой жертв холерной эпидемии². Ещё до революции недалеко от храма было кладбище, на котором хоронили как жителей села Петропавловского (ныне вошло в черту города), так и городских. После того, как власти освидетельствовали личности убитых³, родственники разобрали тела невинно погибших и похоронили их на тех приходах, к которым были приписаны их семьи. Калачовы (как иначе писалась их фамилия) Авксентий и Прасковья, в девичестве Касина, венчались в нашей Петропавловской церкви ещё в 1915 году⁴, там же крестили двоих своих детей – Анастасию (1915 г.р.) и Павла (1917 г.р.). На этом кладбище и погребли страдальца, вдова осталась с тремя детьми, с которыми, конечно, и посещала всегда могилку мужа и отца.

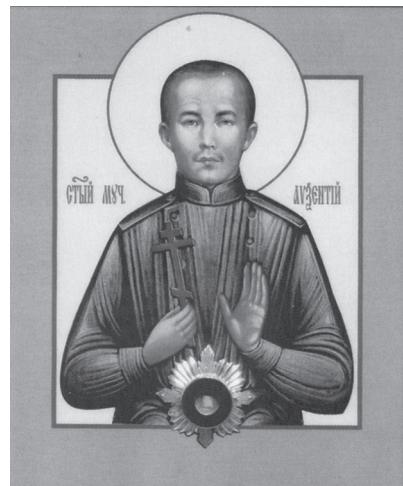
После разрухи советского периода богослужебная жизнь Петропавловской церкви начала восстанавливаться в 1997 году. Это – отдельная и очень замечательная история. Вскоре одна из прихожанок Валентина Алексеевна Крылова рассказала, что дед её подруги Ольги Павловны Колобовой погиб во время шуйских событий 1922 г. и погребён на этом кладбище, которое милостью Божией не было до конца уничтожено безбожниками. Она регулярно заказывала по нему и другим родственникам панихиды. Прославление собора новомучеников и исповедников Российских всколыхнуло весь православный народ, хотя до нас

не сразу дошло, что мы теперь должны служить Авксентию Никитичу молебны (списки канонизированных стали распространяться и дополняться позже). В 2002 году духовенство храма получило от Владыки Амвросия благословение на работу по правильной организации почитания новомуученика, уже в октябре внучка показала нам участок своей семьи и могилу дедушки. К нашей радости оказалось, что она не возражает против обретения мощей её предка.

Вскоре, в один из хмурых дней поздней осени мы, три священника⁵, начали, по устному благословению правящего архиепископа Амвросия, поиск честных мощей новомуученика. От внучки новомуученика Нины Павловны нам было известно место захоронения. Отслужили панихиду и пошли на кладбище к указанной нам прежде могиле. Мыкопали яму рядом, чтобы можно было открыть нужный гроб сбоку. Погода в эти дни была сырья, да и кладбище находилось в низине, но, удивительное дело, воды при углублении в почву не было, просто был влажный грунт. Стало видно боковые доски «домовины», я попробовал их вскрыть – они оказались подгнившими, мягкими, как губка. Плотный грунт тем не менее они держали, видимо, образовалась как бы ниша. Господь явственно помогал нам: нижняя доска гроба оказалась крепкой, будто новая, мы просто вытащили её из ниши вместе с честными останками богоугодного мужа⁶. Икону ко дню переноса святых мощей в храм написала, опираясь на сохранившееся фото, художник-иконописец Ирина Александровна Токарева.

В ближайший выходной была организована торжественная служба. На ней была отслужена последняя панихида и впервые спет тропарь новомуученику Авксентию (глас 4-й): «Первомуучеником земли наша явился еси, страдальче Шуйский Авксентие, от безбожных избиение приемше. Моли о нас Христа Бога, любовию подвиг твой почитающих, да Царствия Небесного с тобою сподобимся.» Этот тропарь появился тоже каким-то промыслом Божиим, его перед самым праздником привезли нам из Введенского женского монастыря в Иваново, черновик песнопения принесли духовнику обители архимандриту Амвросию как раз за пару недель до нашего прославления.

Сначала святые мощи положили в церкви в обычный деревянный ящик, но буквально через несколько дней привезли заранее заказанную раку (обитую бархатом), и с декабря

2002 года стали регулярно служить святому Авксентию молебны. Конечно, я как настоятель рассказывал прихожанам о житии новомученика (по сведениям от родных), что он принимал участие как солдат в Первой мировой войне, что побывал в германском плену и вернулся в 1917 году. Наш верующий народ интерпретирует жития своеобразно: вычленяет из них то, что пережил как горе или испытание сам святыи и в чём может помочь другим. Первыми просьбами к святому на молебнах были проблемы с выдачей зарплаты (вы, наверное, помните, как плохо было с этим делом в конце 90-х – начале 2000-х). И люди заметили, что – помогает! Таких просьб было множество, но один пример мне хорошо запомнился. У одной пожилой женщины, Валентины, сын служил в то время прапорщиком (командиром его военной части был тогда мне знакомый полковник Иванов). Его отправили в командировку на один из блокпостов Северного Кавказа, обещали хорошие деньги, а когда вернулся – разверли руками, мол, надо подождать. А семья, рассчитывая на эти средства, стала проводить газ, и вот стал подходить срок делать взнос, сумма немаленькая, пожалуй, несколько десятков тысяч. Валентина по несколько раз за неделю заказывала святому Авксентию молебны, молилась со слезами, стоя у раки на коленях. Ко крайней дате взноса сыну выплатили всю сумму сполна, семья заплатила за подводку газа, а оставшиеся 17 т.р. пожертвовала на восстановление своей церкви. Другой яркий случай был с Азой Флегонтовной Возженниковой: она пришла со слезами к святому мученику после того, как мошенники выманили все её нехитрые сбережения. По молитвам святого её обидчиков вскоре поймали, деньги хозяйке вернули, и она их тоже принесла в родную церковь.

Вот такими путями понемногу собралась сумма на обновление раки, в 2008 году удалось заказать достойное чести новомученика изделие, изготовленное шуйским мастером Иваном Колпецовым (им она была высеребрана, детали вы-

Южский крестный ход с иконой новомучеников у Петропавловской церкви в Шуе

золочены), в которое были переложены останки святого и хранятся до нынешнего времени. Раз в году мощи переоблачивают, а старые покровы разрезают на части, которые с большой радостью разбирают верующие. Каждое воскресение (нередко и чаще) святому служится после Литургии молебен, как водится, вместе с молебнами другим святым. Помощь от святого ощущается и в наше непростое время. Приходят к нему опечаленные родственники, у кого сыновья или мужья отправились на фронт на Украину. Иногда долго не пишут, не звонят, родные уже чуть не плачут. Было не раз: помолятся новомученику – и в тот же день звонок или письмо. Если святой сам в плена был – неужели не поможет нашим солдатикам?!

Мы были очень рады, что в августе 2022 года состоялся большой крестный ход

в память подвига шуйских новомучеников, и что крестоходцы прошли за 9 дней 230 км почти через всю епархию и дошли вплоть до нашей Шуи, до Петропавловской церкви, пронеся через все селения епархии их святой образ⁷. Мы служили краткий молебен и скоро отправились вместе на торжественную Всенощную в канун памяти Шуйской Смоленской иконы 9 августа. Мы очень надеемся, что молитвенное почитание нашего святого будет распространяться среди православного народа, и неоскудевающий Источник благодати будет через него изливаться в сердце каждого чтущего его подвиг.

1. Шуйское дело. Иваново. ПресСто. 2022. С. 13.
2. Шуйский ковчег. Сост. Е.В.Федосов. Сборник очерков об истории и сегодняшнем дне храма св. первоверховных апостолов Петра и Павла в г. Шуе Ивановской обл. М. ООО «Артмедиапринт». 2004. С. 11.
3. Ставровский Е.С. Поиск биографических данных о шуйских новомучениках 1922 г. // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 11. Шуя-Южа. 2022. С. 33.
4. Это был второй брак А.Н.Калащенко. Первой его супругой была Ольга Терентьевна, в дев. Юрова (+1914), от него у Авксентия осталась дочь Параскева 1912 г. рождения. Там же. С. 32.
5. Кроме автора вобретении принимали участие о. Игнатий Дубов и о. Василий Волох.
6. Документы об обретении мощей были срочно затребованы в оригиналах в Иваново-Вознесенское епархиальное управление весной 2007 г. Копий на приходе не осталось.
7. Примечание редакции. Точная копия (в размер) новомучеников Шуйских на пластике была подарена Свято-Смоленскому приходу в Юже настоятелем Воскресенского кафедрального собора иеромонахом Тихоном (Захаровым), прямо накануне юбилейного Южского крестного хода. В составе крестного хода был глава администрации Шуйского района Бабанов Сергей Александрович (см. фото на с. 130). Мы также очень благодарны за транспортную помощь со стороны ОАО «Шуйские ситцы» и лично А.В.Богаделиной.

Путями Южского крестного хода

В прошлом 2022 году Богородичный крестный ход, начало которого было положено в Юже шесть лет назад, стал проходить, по благословению Преосвященнейшего Илариона, епископа Кинешемского и Палехского, и по самому Палеху. Он был основан в честь знакового события – явления в Юже бронзовой иконы Божией Матери и её нерукотворного отпечатка на сосновом древе¹ и был призван восстановить старинную традицию встречи великих церковных святынь, известную нам по многим историческим свидетельствам. Например, в 1878 г. тогда ещё сёла Южа и Палех встречали древнюю Боголюбовскую икону, привнесенную в наши шуйские-ivanовские края из губернского города Владимира². Кроме нерукотворного отпечатка Неопалимой на сосновом древе, сохранившим южские леса от пожаров в 2010 году³, с крестным ходом идут такие святыни, как образ благоверного князя Фёдора Стародубского-Страстотерпца, резной крест-мощевик с мощами священномучеников Антипы, епископа Пергамского, и диакона Феофила Никомидийского, преподобной Анны Кашинской, специально для этого изготовленный в мастерской «Палехский иконостас» в 2019 году.

Как получилось, что палехские земли были включены в Богородичный крестный ход? До 2019 года его маршрут проходит по землям Южского района, но на нём крестоходцы трижды вплотную приближаются к землям Палехского района – 2 августа, у села Ряполово (9 км от Костюхино), 7 августа, у деревни Тарасиха (5 км. от Помогалово) и 8 августа, на Большой Ламне (10 км от Киселёво). Поэтому с 2020 года (когда к износимым святыням была присоединена копия Креста с Никольского погоста) организатор хода священник Алексий Лихачёв испросил у епископа Кинешемского и Палехского Илариона благословение на приглашение палехских участников. Тогда впервые было организовано движение группы крестоходцев во главе со священником Кириллом Пикулевым от с. Тименка через с. Ряполово до с. Хотимль, где они соединились с основным отрядом крестоходцев, что повторилось и на следующих крестных ходах в 2021-22 гг.

Летом 2022 года к уже ставшему традиционным маршруту добавился новый участок, посвящённый новомученикам. В том году вся полнота Русской Православной Церкви отмечала 100-летний юбилей подвига шуйских новомучеников, вышедших в марте 1922 г. на Соборную площадь на молчаливую защиту одной из величайших святынь нашего Отечества – Шуйской-Смоленской иконы Пресвятой Богородицы – от экспроприации под предлогом кампании «Изъятия церковных ценностей для голодающих Поволжья»⁴. И хотя драгоценная риза с жемчугом, золотом, изумрудами и бриллиантами была изъята, сама народная святыня оставалась в соборе до 1939 г. За это отдали свои жизни 4 верующих человека (среди них и Анастасия Шилова, родом из Савинского района), а вскоре по сфабрикованному по приказу высших властей «шуйскому делу» ещё трое были

Глава администрации Шуйского района Бабанов С.А. встречает крестный ход на границе района

расстреляны. Эти события положили начало системным гонениям на веру со стороны советской власти. Поместным Собором 2000 г. семеро шуйских мучеников (среди них священники Павел из Шуи и Иоанн из Палеха) были причислены к лику святых, им была написана икона. С копией этого образа наши крестоходцы и решили прийти сначала в Палех, к месту служения о. Иоанна Рождественского, а потом и в Шую, где служил протоиерей Павел Светозаров.

Крестный ход на своём пути обходит более 50 селений Южского, Савинского, Палехского и Шуйского районов, в которых были построены храмы или часовни. Читая дореволюционные издания с описанием церквей, приходов, часовен, поражаешься, какое несметное культурное и историческое богатство Отечества было оставлено нам нашими предшественниками, многими поколениями мастеров – как простых, но искусных строителей, так и созидателей церковного искусства. За 9 дней крестоходцы имеют возможность помолиться у святынь и увидеть состояние 35 храмов (не считая храмов в самой Шье), 6 часовен и десятка поклонных крестов. Каждый храм по своей внешней архитектуре и внутреннему убранству представлял собой большую художественную ценность. В них часто хранились древние рукописные и старинные печатные священные книги, иконописные шедевры, почитаемые чудотворные иконы, в том числе и палехских

мастеров (иконостас Спас-Шелутинской Троицкой церкви). Что-то из этих духовных сокровищ безвозвратно погибло в богохорческое советское время, какие-то православные святыни, проданные за границу, стали славой и гордостью западноевропейских музеев и собраний частных коллекционеров. Такова наша история и судьба – духовно гибнуть и духовно возрождаться. Оборана православная земля, обесценена, попрана... И вот в уцелевших стенах этих поруганных святынь вновь звучит Слово Божие, слово возрождающее, восстановливающее сам дух христианского народа. Великое начинание!

Одна из остановок крестоходцев была запланирована в селе Груздево. В частично разрушенном Покровском храме и у недавно восстановленного источника был отслужен молебен. Церковь в советское время использовалась как склад минеральных удобрений колхоза им. Свердлова, центральной усадьбой которого было село. Удобрения погубили, к сожалению, богатейшие росписи храма (сейчас ещё можно увидеть их остатки). Старинное село Груздево находится на границе Южского и Палехского районов. Храмы Палеха и его окрестностей, южские церковные приходы до 1929 года входили в Вязниковский уезд Владимирской губернии. 54 прихода уезда указаны в «Статистических описаниях» 1897 года издания. Груздевская церковь входила в 3-й округ. Кроме Груздевского прихода, в состав третьего благочиннического округа входили следующие приходы: Больше-Дорковский, Больше-Ламгинский, Вареевский, Красновский, Крутецкий, Лукинский, Мало-Дорковский, Мало-Ламгинский, Матушкинский, Мелешинский, Мордовский, Мугреево-Никольский, Мугреево-Спасский, Николо-Пенский, Палеховский, Помогаловский, Преображенский, Сакулинский, Тименковский, Холуйский, Шелутинский, Южский, Южский (фабричный). По этому списку можно судить о том, что Южский и Палехский районы в прошлом были объединены общим округом православных приходов. Это исторически – единая земля, это нас очень объединяет. В советское время действующими в этих краях из 5 десятков церквей оставались только две – в селе Красное Палехского района и в селе Холуй Южского района.

На примере села Груздево взглянем на благочестивые деяния наших предков. Глубокий овраг делит село надвое. Здесь находился один из самых богатых храмов, первоначальное основание которого относится к глубокой древности. Впервые это место упомянуто в 1578 году как слобода Груздево. Слобода – селение, освобождённое на то или иное время от уплаты податей. В храме до его разорения хранилось старопечатное Евангелие, и по его надписи можно было узнать, что уже в 1578 году в слободе Груздево существовала церковь Покрова Пресвятой Богородицы и святителя Николая Чудотворца. Сохранилось и имя священника – Семён Тарасов. Историю церкви можно проследить по писцовым книгам 1628-30-х годов, по переписным книгам первой половины XVIII века и по храмозданной грамоте 1810 года. После освобождения России от польской интервенции село Груздево-слобода с церковью значилось в вотчине князей Фёдора и

Юрия Борятинских. Это была деревянная церковь с двумя престолами Покрова Пресвятой Богородицы и святителя Николая Чудотворца. Вотчина состояла из самого села, 24 деревень, 6 починков. Население в то время составляло 346 душ мужского пола, 192 двора крестьянских и 13 бобыльских. Итого, 205 домов жителей. Судя по писцовым книгам 1628-30-х годов, церковь была богата и образами, и книгами, описываются ризы и церковные сосуды, «колокольница» с многочисленными колоколами. Двор князей находился в самом селе, на убранство церкви средств не жалели. Там же при церкви кормились и нищие, жившие в кельях.

В первой половине XVIII века переписные книги упоминают уже другую церковь вместо старой. В то время вотчина принадлежала сыну одного из владельцев – Ивану Фёдоровичу Борятинскому. В семидесятых годах XVIII века церковь сгорела. После пожара строится первая каменная церковь, она была покрыта тёсом и имела деревянную главу. В 1857 году за ветхостью она была разобрана. Храмозданная грамота 1810 года упоминает ещё об одной деревянной церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Груздево, которая уже в то время обветшала и разрушилась. Итак, в селе имелись две церкви, посвящённые Пресвятой Богородице. В 1810-1822 годах на месте двух деревянных и одной каменной Покровских церквей строится уже основательный, большой храм на возвышенности, обширной торговой площади села, где проводились большие ярмарки, а в 1860-65 годах к нему пристраивается отдельно от храма стоящая колокольня. Престолов в этом новом храме уже три. Главный – Покровский, в тёплой трапезе во имя Рождества Пресвятой Богородицы и Никольский. Над главным престолом была устроена сень.

Убранство храма передавалось из века в век со времени первого упоминания его в конце XVI века. Утварь, ризница, иконы, древние богослужебные книги составляли богатейшее собрание исторических и церковных редкостей. Старые жители села вспоминают особо чтимые прихожанами прихода, состоявшего из 22 деревень, древние иконы Покрова Пресвятой Богородицы, святителя Нико-

лай Чудотворца и святого Алексия, митрополита Московского. Особой красотой серебряных вызолоченных риз и ценностью украшений отличались иконы Богородичные – Покрова, Иверской, Казанской, а также две иконы Спасителя, икона Нерукотворного образа и икона Божией Матери «Всех скорбящих радости». Древние священные сосуды 1782 года упоминаются в «Описании церквей и приходов» – книге 1897 года – в количестве шести экземпляров. Для водоосвящения имелся большой серебряный вызолоченный крест – вклад, сделанный в 1776 году. Одной из самых больших древностей храма было особо хранимое Евангелие, напечатанное в 1575 году в городе Вильно при митрополите Киевском Ионе. Упоминается в «Описании», что на его листах имелась подпись: *«Лета 7086 положил сию книгу Козмо-домьянской поп Семен Васильев сын да Федор Лукин в Груздеве слободе у Покрова Святей Богородицы да у Николы Чудотворца при царе великом князе Иване да при архиепископе митрополите Антонии при священнике Семене Тарасове сыне по своих родителях; и аще хто похощет взяти сию книгу насильством отричь царя великого князя Ивана или его благоверных царевичей или похитит в тай книгу сию да судится со мною в оном веке пред Спасом, иже сердца весть и тайная всех человек, а подписал поп Семен своею рукою»*. То есть особо почитаемое Евангелие 1575 года передавалось в строящиеся на этом месте Покровские церкви из века в век. Какова дальнейшая судьба этого Евангелия, уникального церковного памятника русской истории – неизвестно. Кто похитил его или уничтожил? С кем судиться будет поп Семён Васильев сын перед Спасителем – «тайны всех людей Ведающего»? Вот такое было отношение у наших предков к православным святыням!

В новом храме, чья постройка велась 12 лет, служили два священника, два псаломщика и диакон. У всех были собственные дома на церковной земле. Церкви принадлежал капитал 7200 рублей, причитающиеся с него проценты шли на своё содержание. Приход храма состоял из села Груздево и многочисленных деревень, в которых по клировым ведомостям конца XIX века числилось 1461 человек. Здесь была открыта народная школа, содержащаяся на средства земства, упоминается, что учащихся в 1897 году было 90 человек. Что касается деревень, которые входили в приход Груздевского храма, то от многих из них остались лишь названия и память потомков их жителей. Это деревни Кашино, Суханиха, Бусино, Тарасиха, Федуриха, Терехово, Шамово, Починок, Кожевниково, Гарино, Горки, Оладьино, Петушки, Пашково, Чалово, Верзякино, Шоготово, Кокошкино, Сидоровка, Подлесново, Калиниха, Кудерево.

Последними остановками южского августовского Крестного хода 2022 года в Палехском районе стали деревни Воробино и Клетино. Надо отметить, что деревни Воробино, состоявшей из всего одного порядка домов вдоль реки, на географических картах XVIII и даже XIX веков не отмечено. Кузнечиха – деревня по другую сторону Люлеха – значится, Воробино – нет. Однако местные легенды упоминают в лесу вблизи деревни старообрядческий погост, впоследствии разорённый.

В самом конце XIX – начале XX веков здесь строит дом, или, как его ещё называли старожилы, деревянный дворец, Николай Николаевич Трусов, занимавшийся овчинным промыслом. Две каменные палатки из местного кирпича также выстроены были этим хозяином-предпринимателем для нужд своего производства. В одной из них хранились выделанные овчины, в другой был устроен склад готовых к продаже изделий. Не менее Палеха иконописного славился в России Палех овчный. Этим промыслом занимались крестьяне многих деревень и сёл, иногда и целые деревни. Для многих это был отхожий промысел. Везде палешан-овчинников очень ценили – и в поволжских городах, и в Астрахани, и в киргизских степях, и на Урале, и в Сибири, где им часто приходилось бывать. Два брата Трусовых создали собственное дело. Старший Василий Николаевич разбогател тем, что разводил овец в Калмыкии, мясо поставляя в Москву, а овечьи шкуры в зимнее время переправляя младшему брату для выделки. Романовскую овчину вымачивали в Люлехе, обрабатывали квасцами, сушили, шили из них добротные тулулы и полутулулы. Вероятно, уже в это время стала строиться деревня Воробино, производство Трусовых требовало рабочих рук, рук умелцев-крестьян, знаменитых мастеров подвигта.

Около трусовского, украшенного богатой резьбой, дома-дворца при спуске к Люлеху был родник. В 1917 году воробинцы начали чистить его, и из песка показалась вдруг медная икона Николая Чудотворца. Вот тогда-то Николай Николаевич Трусов и решил поставить деревянную часовенку над родником с лампадой и иконой святителя. С тех пор источник в Воробино стал считаться святым. Действительно, вода в нём кристально чистая и целебная до сих пор. В богоchorеческое время эта часовенка была разрушена, жители деревни поставили новую, в виде деревянного столбика с навершием с крестом и открывающейся дверкою. Крестовый столбик, хотя и часто подвергался разорению атеистически настроенной молодёжи,остоял до эпохи падения богоchorеческого режима и восстановления Православия.

В середине 90-х в Воробино купила дом семья Бадай из Иваново, её глава – Александр Александрович Бадай – родом из благочестивых Черниговских земель, отставной военный. Как человек активный, он скоро был избран старостой деревни, а как потомок благочестивых предков озабочился состоянием источника, крест над которым уже сильно обветшал. Раб Божий Александр не раз собирал односельчан на субботники, источник расчистили, обустроили, сделали ступеньки и перила, привезли песок и мелкий гравий. Скоро нашлись спонсоры для постройки часовенки из кирпича, она была сделана в виде небольшой четырёхсторонней ниши, где можно спрятать от осадков святые образы и теплить неугасимую лампадку. Александр Александрович руководил стройкой, а когда она была закончена, пригласил для освящения благочинного Палехского района отца Силуана. Освящение состоялось в 2014 году, и семья Бадай продолжает следить за святыней, возжигает лампады, убирает участок, поддерживает строение в порядке⁵. Само место бьющего из-под земли родника необыкновенно притягательно и красиво. Отсюда можно долго любоваться речными пейзажа-

ми, водной гладью реки, зарослями хмеля по берегам. Особая благоговейная тишина здесь разлита в природе.

Дом-дворец, вероятно, построенный по проекту из дореволюционного альбома архитектурных особняков Судейкина, не сохранился. Всю трусовскую мебель, книги и утварь домашнюю растащили. Само же деревянное здание рассыпалось при попытке перевести его на другое место в город Шую. Так Воробино лишилось архитектурной сказки, созданной на берегах Люлеха в начале XX века. Каменные палатки сохранились до сих пор. Они оказались долговечнее. Инструменты, приспособления для выделки овчин были ещё какое-то время востребованы – овчинный промысел в округе существовал до 1930-х годов ХХ века.

Совсем исчезло производство крестьянской зимней одежды в то время, когда прекратил свою работу кожевенный завод на берегу реки Матни (при въезде в Палехский район). Обширные и добротные кирпичные корпуса его были превращены в развалины и разобраны. Так пустела земля, исчезали существовавшие веками народные промыслы, переводились умельцы. Теперь только память пре-вращает для нас исторические сведения в интереснейшее путешествие по родной земле. История овчинного Палеха представляет несомненно большой краеведческий интерес, как яркая страница из народной жизни окрестностей древнего села и его экономики. «Задачи воспитания любви к родному краю, к Отечеству могут быть решены только на основе хорошего краеведческого музея», – считал В.Т. Котов, много своих сил и времени посвятивший сбору экспонатов для этого важного начинания. В одной из своих статей он пишет: «Жизнь природы должна быть показана в связи с деятельностью людей: земледелия, охоты, рыболовства, животноводства, промыслов и так далее. Изучать нормы местной хозяйственной деятельности человека, начиная с древности, чрезвычайно интересно, увлекательно и поучительно для современников. Разве не поражает тот факт, что, например, в XV – XVI веках русский крестьянин владел несколькими сотнями ремёсел?!»...

Нельзя не упомянуть в связи с жителями деревни Воробино и об уроженце здешних мест Иване Александровиче Трусове. Д.И. Салапин в своих записях упоминает о нём как о художнике, очень хорошем человеке и как об учителе в Палехском художественном техникуме, преподававшем в 30-х годах прошлого

века. Родился он в 1908 году, прожил 30 лет. В его жизни было знаменательное событие – полтора года он жил в Италии.

На берегах Люлеха, вблизи деревни Воробино, успешно работала водяная мельница. Фотографий её не сохранилось, но она запечатлена на работах палехского мастера-миниатюриста Ивана Ивановича Зубкова. Деревня Дерягино, где родился художник, находится в нескольких километрах от Воробино, и, конечно же, поэзия родных мест не могла не отразиться в его творчестве. Знакомая художнику картина детских лет – водяная мельница, конь, запряжённый в телегу, на возу – мешки с зерном, рядом – мельник. Хлеб выпаивали, убирали и здесь же мололи. Выпекали дома, в печах. И чего только не готовили из муки и из круп хозяйки здешних деревень и сёл. Мельницы, ветряная или водяная, считались символами крепкой деревни, крепкого села, его полнокровной жизни, обильного и разнообразного застолья, здорового, полноценного питания. Яркими красками деревенского быта мы любимся на чудесных миниатюрах И.И.Зубкова. До революции в России было более 700 тысяч ветряных и несколько тысяч водяных мельниц. На сегодняшний день это забытые источники энергии, экологически чистые, не загрязняющие природу. Профессия мельника часто передавалась по наследству, из рода в род, она основывалась на всесторонних неписанных знаниях, на понимании языка природы, мельники считались и мудрыми метеорологами. Сохранившиеся до наших дней мельницы (в заповедниках крестьянского быта) производят очень сильное впечатление сказочно красивого творчества народных мастеров.

Итак, путешествие в прошлое одного только села Груздево и одной деревни Воробино приоткрыло мир природных и культурных богатств нашего края. Молебны в местах исторических поселений духовно оживляют память народную. Миру русской церкви посвящены многие исследования ученых-историков, писателей и краеведов. Он – необозрим и прекрасен. Он связан глубокими корнями с историческим прошлым России. Это – корни наших современников, это – наша память, живущая в сердцах. Пройти по родному краю лесными тропами, полями, опустевшими поселениями, вспомнить прошлое народа, неразрывно связавшего свою судьбу с верой в Бога – это путь памяти и поклонения православным нашим предкам.

-
1. Пожарский юбилейный альманах. Выпуск № 2. 2007. Сс. 100–115.
 2. ЦПЛ. Иваново-Южа, 2005 г. Это торжественное мероприятие так запало в души набожных жителей Иваново-Вознесенска, что они на месте встречи крестного хода поставили Боголюбовскую часовню.
 3. Пожарский юбилейный альманах. Выпуск № 6. 2011. Сс. 116–117.
 4. Шуйское дело. Иваново. ПресСто. 2022. С. 13.
 5. А.А.Бадай, к сожалению, вскоре скончался (день памяти 11 декабря 2021 г.), его труды по сохранению святого места продолжили родные, Светлана и Ксения. .

Раздел VI

Семейный фотоархив

И.А. Соловьёва

На Небесах не ошибаются

Минувшим летом мы с братом из Петербурга побывали на родине наших мам, в селе Семёново Шуйского района Ивановской области. Бывали там и раньше, но не удавалось встретиться с местными жителями, кто мог бы слышать о фамилии Альбицких. Среди наших родственников был и прадедушка Михаил, здешний сельский священник. В 1937 году его и ещё группу других служителей культа обвинили в «активной контрреволюционной агитации против колхозного строительства». 14 сентября 1937 года о. Михаил был арестован. Постановлением тройки Управления НКВД по Ивановской области от 22 сентября 1937 года был осуждён и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. 25 сентября 1937 приговор приведён в исполнение.¹

Всё это трагические события многолетней давности. Не всё известно ныне живущим родственникам, а уж тем более – жителям и их потомкам односельчанам, но... Бывают же чудеса...

Постучав в одну из дверей дома в селе Семёново, мы встретили дачницу Галину, оказавшуюся дочерью местной жительницы. По рассказам её матери она вспомнила Альбицких. Жили рядом, внучки о. Михаила дружили с матерью Галины. Со временем все разъехались в разные города, переписывались. Дружба сохранялась.

От Галины мы узнали, что в начале августа через село Семёново пройдёт крестный ход из Южи, организатором которого был священник о. Алексий. Больше того, удалось связаться с о. Алексием по телефону и на следующий день встретиться в Шье. Нашёлся и ещё один человек – матушка Кристина из монашеской общины села Большие Дорки Палехского района Ивановской области. В Преображенском храме с 1896 по 1937 г. служил священником о. Иоанн (Прудентов), также оказавшийся в числе врагов по тому же делу и, по всей видимости, расстрелянный в одно время с о. Михаилом Альбицким. Только он уже канонизирован.

Вот и получается, что разорванные ниточки людских судеб связываются в узелки, пусть и малые, но достаточно прочные.

Пишу эти заметки и невольно возвращаюсь в те времена, когда мои прадедушка и прабабушка Анна были молоды, счастливы и полны надежд на будущее. Не знаю, как это было – одному Богу известно (их современников уже нет в живых), но двадцатиднолетнему выпускнику семинарии Михаилу чем-то приглянулась шестнадцатилетняя Анна (из семьи священника Дмитрия Никологорского), и 4 марта 1888 года в Христорождественском соборе города Коврова состоялось венчание молодых. В детстве Анна проживала в с. Никологоры Вяземского уезда Владимирской обл. У А.Д. Никологорской были две сестры: Ольга Дмитриевна, проживавшая потом в г. Иваново, и Лидия Дмитриевна, проживавшая

Участники крестного хода у стен Троицкой церкви
в с. Семёново

в Санкт-Петербурге. В любви и согласии молодые прожили без малого полвека. Могли бы и дольше...

Прадедушку я никогда не видела, а прабабушку я всё же помню, уже очень старенькой. В семье её называли просто – баба старенькая. Бабушка Анна пережила своего мужа (отца Михаила) на двадцать лет. Все эти годы жила затворницей, в молитве за мужа и близких.

Это была добрая патриархальная семья сельского священника, каких в России были тысячи. Отец семейства Михаил – сам родом из села Красное, что под Палехом, – был сыном местного священника, тоже о. Михаила. В 1887 г. окончил Владимирскую семи-

Альбицкий М.М.

Семья Альбицких. Фото ок. 1907 г. Слева направо сидят: Анна Дмитриевна (1872-1957),
Мария Михайловна (1890-1967), Михаил Михайлович (1866-1937);
стоят: Александра Михайловна (1891-1921), Владимир Михайлович (1892-1928)

нарию, сначала был направлен дьячком в село Никологоры. Вскоре венчался, стал на приходе тестя дьяконом (до 1898 г.), а потом был рукоположен во священника и получил приход в селе Семёново². С 1899 года по 1937 прадед верой и правдой служил на одном месте, то есть 38 лет на Свято-Троицком приходе (по

В верхнем ряду крайний справа Альбицкий Владимир Михайлович, сын деда Альбицкого

названию церкви), а это целая жизнь для кого-то. За эти десятилетия его службы сменялись целые поколения односельчан – рождались и умирали, он крестил и отпевал многих и многих.

В семье Альбицких рождались дети – сначала дочь Мария, затем погодки – дочь Александра и сын Владимир. Старшая дочь, Мария, окончила епархиальное училище во Владимире. Младший сын, Владимир, сначала закончил Шуйское духовное училище, а с 1915 г. учился во Владимирской семинарии³. После революции стал учителем. Старшая дочь Мария тоже стала учительницей. Дети отца Михаиларосли, покидали семейное гнездо. Анна Дмитриевна, жена отца Михаила (матушка Анна), вела хозяйство, во всём поддерживала мужа.

Всё, казалось бы, шло чинно, по преемственности поколений, по наследству, но грянула революция. Настали трудные времена, а поддержки семье требовалось немало. Умирает средняя

Альбицкий В.М.

дочь Александра – молодая, красивая. В 1928 г. от отравления грибами умирает младший сын – Владимир, остаются без отца две внучки отца Михаила, Сашенька (5 лет) и Лидочка (3 годика). Отец Михаил и матушка Анна стараются помочь невестке, вдове их сына, с маленькими детьми, они жили в том же селе Семёнове в своём доме. Владимир Михайлович был женат на Яневской Марии Ивановне, 1896 г. р., она была учителем, впоследствии была награждена орденом Ленина за работу в школе во время войны, после смерти первого мужа Мария Иванов-

Альбицкий В.М. с женой Яневской М.И.

на со временем снова вышла замуж⁴⁵. Дочери Александра и Лидия после школы поступили в Ивановский медицинский институт, обе стали известными врачами.

В это непростое для всей семьи Альбицких время начинаются и общегосударственные сложности в виде роста недоверия Советского государства к священникам и их семьям. В начале 30-х отец Михаил был впервые арестован. На первый раз обошлось, пробыл в тюрьме всего три месяца⁵. Но эти, казалось бы, недолгие месяцы, наверняка трудно дались матушке Анне. Сколько волнений и переживаний, бесконных ночей, молитв – Бог весть. И ведь сбылось: вернулся отец Михаил домой. А дома-то того, крепкого, и нет. Конечно, жене Анне всё не расскажешь, но тот холодок по спине стал пробегать всё чаще. В буднях великих строек уже другой Страны, в их весёлом грохоте, неслышным становился церковный хор, молитва к Богу, вечная Иисусова молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий...».

Моя мама Лидия (внучка отца Михаила) вспоминала дедушку с огромной любовью. Не строжничал отец Михаил, не заставлял учить «нешкольные» сочинения. Словом, не препятствовал новой жизни. Его невестка Мария воспитывала дочек, как и полагалось в то время учителю советской школы. Довоенное время быстро набирало свой темп: сплотиться перед лицом врага, не отставать, дружно шагать в ногу. Семидесятилетний сельский батюшка не поспевал за временем. И когда в 1937 году его снова арестовали, стало понятно: на этот раз всё будет иначе. Быстрое решение, быстрое исполнение.

Клеймо «враг народа» было снято с деда в январе 1989 года⁶. Но прабабушка Анна этого так и не узнала. Зато в 1957 году она ушла в Иной мир с верой в Бога и правоту своего мужа. Получив известие о том, что муж выслан в Дальневосточный край, она продолжала верить, что муж жив, только надо вот ещё подождать. Так она ждала своего Михаила вплоть до кончины, ей было 85 лет. Какой запомнилась мне прабабушка Анна? Тихой, улыбчивой, смиренной. Мне каза-

Альбицкий В.М. с женой Яневской М.И. и дочкой Шурой

лось, что в её маленькой комнатке за перегородкой никогда не гаснет лампадка, а большая старинная книга с картинками, лежавшая на столике, представлялась мне, тогда ребёнку, какой-то сказочной, таинственной.

С прабабушкой Анной до её смерти жила старшая дочь, вдова Мария. Две эти женщины были для меня примером спокойствия и благодати. Одна – учительница сельской школы, другая – на её иждивении, престарелая мать. Они обе поддерживали друг друга, как могли. Завели нехитрое хозяйство – две козы, одну из них звали Музу, другую – не помню, как звали. Ещё вспоминается старый запущенный сад с полудикими грушами и терновником. Приезжая ребенком в их деревню, видела граммофон в холодной закрытой комнате, керосиновую лампу над столом, жестянную игрушку в виде солдата, стоявшего в карауле в чёрно-белой полосатой будке. Как давно это было!

В семейном альбоме остались фотографии дореволюционного времени – на плотном картоне. Молодые девушки в белых шубах, с муфточками, светлые лица, светлые глаза... Когда умерла прабабушка Анна, меня – ребёнка – повезли прощаться. В памяти остались две смутные тени: монашки Ольга и Агаша (так, кажется, их звали) всю ночь читали молитвы над усопшей. Где её могила? Не знаю. Как не знаю, где могила прадедушки Михаила. В ответе на запрос было: «Сведений о точном месте захоронения Альбицкого М.М. не имеется». Однако

Альбицкий М.М. с внучками Шурой и Лидой, 1931 г. в селе Семёново

известно, что захоронение лиц, в отношении которых была приведена в исполнение высшая мера наказания, производилось в городе Иваново в двух местах: около Успенской старообрядческой церкви (ранее «Бурылёвское кладбище») и на кладбище в местечке Балино, где в настоящее время установили памятный знак «Жертвам политических репрессий 30-х, 40-х и начала 50-х годов».

Жизнь продолжается. Внуки отца Михаила и матушки Анны стали врачами, удостоенными государственных наград. У них есть свои дети, внуки, правнуки. Правнуки тоже стали все достойными людьми – служащий МВД, инженер-гидролог, журналист.

Поклон от всех нас отцу Михаилу и матушке Анне. Помяни Господи, во Царствии Твоем раб Божиих – отца Михаила и матушку Анну.

1. Управление ФСБ РФ по Ивановской области. Архивная справка от 21.08.2008 г..
2. Е.С. Ставровский. Храмы Шуйской округи. Краткая история и списки священнослужителей. Шuya, 2015.
3. Е.С. Ставровский. История шуйского духовного училища (1816-1918). Шuya. 2016.
4. Мария Ивановна вышла замуж за Салаутина Павла Александровича 1904 г.р., учителя. Жили они в с. Семёново. У Салаутина был отец Александр Дмитрович 1880 г.р., он проживал в с. Палех, его отец, Дмитрий Петрович, был основателем иконописных мастерских. Дом, в котором сейчас находится музей в Палехе, принадлежал Александру Дмитриевичу. Среди наших родственников есть художники Палеха: Лыдыкин Николай Аристархович (1903-1985); Гордеев Александр Николаевич (1927-1990).
5. Управление ФСБ РФ по Ивановской области «О результатах рассмотрения заявления от 25.02.2008 г.»
6. Прокуратура Ивановской области. Справка от 08.02.1990 г. О реабилитации М.М. Альбицкого.

Раздел VII

Наши публикации

Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте...

Главный исторический источник о явлении святыни, это «Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и Великого Святителя и Чудотворца Николая в Никольском погосте, что словет на болоте у Иисусова Креста и о благодатных знамениях и чудесных исцелениях от Животворящего Креста Господня и Святителя и Чудотворца Николая», далее – Сказание.

Сказание состоит из двух частей. Здесь публикуется первая, основная часть: «Сказание и объявление честного животворящего креста Господня и чудотворца Николая». Вторая часть состоит из записи чудес XVII–XVIII веков и называется: «Чудеса благодатныя исціленьї отъ животворящаго креста Господня и Святителя и чудотворца Николая». К сожалению, не выполнено научного исследования Сказания, не сделано сверки всех его рукописных списков. До сих пор неясны время и подробности составления Сказания.

Первый пересказ Сказания состоялся в 1848 году, на страницах Ярославских губернских новостей. Первая публикация по рукописи Никольского погоста у Иисусова креста осуществлена в 1874 году и несколько раз повторялась до революции. В XIX веке появились первые переводы Сказания на современный язык, а в 2000 году приход Спаса Нерукотворного образа в Андрониковом монастыре перенес первую часть. Недавно монастырь Животворящего Креста Ивановской митрополии выпустил факсимиле издания Сказания 1913 года. Тем не менее, хотя публикации текста Сказания продолжают выходить, для нас важно здесь снова представить читателю не перевод или тем более пересказ, а оригиналный текст для медленного и вдумчивого чтения.

Текст взят с самого первого издания, через посредство издания 2000 года, и отчасти сверен по факсимиле издания 1913 года, которое слегка осовременило некоторые выражения. Орфография и знаки препинания сохранены, несмотря на непривычное в наше время использование прописных и строчных букв. Все примечания издателей опущены за исключением датировок в скобках, абзацы расставлены по усмотрению.

Публикация священника А. Ю. Парфёнова

Въ лѣто 7175 (1667) месяца сентября въ 11-й день царствующаго града Москвы боголюбивый окольничий князь Петръ Лукичъ, слышавъ про чудотворный образъ животворящаго креста Господня и чудотворца Николая поиде в Ростовскій уездъ в Никольскій погостъ, что словеть на болотѣ у Иисусова креста и чудотворца Николы, по обѣщанію помолитися, и пришедъ въ Никольскій погостъ и вниде в церковь Николы чудотворца, идѣже чудный образъ распятія Господня предстоит, и вземъ у іерея благословеніе, и вопросы у того іерея слова полезнаго о чудесѣхъ животворящаго креста Господня, како сперва явися и котормъ подобіемъ, и какимъ людемъ и въ которыя лета.

Іерей же ему глагола: «Азъ слышахъ отъ древнихъ іероевъ про чудеса прежнія креста Господня. Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ Божімъ изволеніемъ, а нашихъ ради согрѣшеній, святая Божія церковь Николы чудотворца въ пожарное время сгорела безъ остатку, также и книги церковныя всѣ и о чудесахъ распятія Господня книга въ то время сгорѣла.»

И то слышавъ князь Петръ Лукичъ оскорбися, и паки вопросы отъ того іерея лѣтописца про чудеса животворящаго креста Господня, что-бы мнѣ пользоватися душою своею. Іерей же глагола: «И того у насъ не обрящеши». Князь же слышавъ, негодяя на іерея, глагола о томъ: «Како вы священницы и старіи суще у сеѧ церкви живете, а тщанія не имѣте. Азъ слышавъ отъ постороннихъ людей, отъ прадѣль и отъ чина вашего, что въ Никольскомъ погостѣ благодать Божія чудесно открыся, а вы и забвеніемъ и небреженіемъ своимъ такую великую благодать Божію оставляете. Азъ многогрѣшный въ прошлыхъ годахъ по именному великого Государя указу посланъ быль генераль ходить съ полкомъ въ дальнія страны за Кіевъ градъ ради оберегательства (отъ) государевыхъ непріятелей, противъ Шведскаго короля Сап'єги литовскаго, и быль тамо съ полкомъ два года, а въ полку моемъ всякихъ чиновъ люди, которые прибѣгаютъ съ вѣрою въ сей Никольскій погостъ къ животворящему кресту и чудотворцу Николѣ, и проповѣдуютъ многія чудеса и исцѣленія отъ животворящаго креста и чудотворца Николая исходящая и прославляютъ. И азъ слышавъ про дивная чудеса обѣщахся итти въ Ростовскій уѣздъ помолитися животворящему кресту и чудотворцу Николѣ, когда Богъ и великий Государь изволилъ свободить и отставить мнѣ службу. И ныне азъ многогрѣшный со княжнею своею и домочадцами далекъ путь идохъ, и великий трудъ понесохъ, обѣщався видѣти образъ животворящаго креста Господня, и слова полезна послушати, чтобы мы пользовалися душою своею. И ты скажи ми, іерою, на память елико помнишь про преславная чудеса?»

И той іерей, елико возможно, сказа и поучи его, и паки князь прослави животворящій крестъ Господень, похваливъ Бога и великаго угодника Николая, и повелъ молебное совершити пѣніе, и по совершениіи молебнаго пѣнія, знаменався у животворящаго креста Господня и у всѣхъ святыхъ иконъ, взявъ благословеніе у іерея и повелъ искати чудесъ животворящаго креста и чудотворца Николы тому іерою, а самъ обѣщаюся вовторые прійти ко образу Господню въ скорыхъ числахъ, и отыде въ домъ свой. Той же іерей, препроводивъ того молебника и миръ даде ему, и зѣло оскорбися о словесахъ того князя Петра Лукича, и прииде

въ церковь іерей и съ кротостію кресту Господню и съ вѣрою помолився и поиде во градъ Ростовъ извѣстно увѣдати про чудеса животворящаго креста, и прїиде въ монастырь Петра царевича взыскати пречестнаго отца игумена тоя обители Исаю, понеже того игумена въ томъ Никольскомъ погостѣ рожденіе и воспитаніе бѣ, дѣдина и отчина его.

И той іерей, испросивъ благословеніе у преподобнаго отца игумена вопроси: «Повѣждь ми, святый отецъ, како явиша исперва животворящій крестъ Господень въ Никольскомъ погостѣ?» И повѣда все прошеніе того князя, и како той вопросивъ про чудеса животворящаго креста. И той преподобный отецъ глагола: «Азъ многогрѣшный игумень слышашъ исперва про явленіе животворящаго креста Господня отъ отца своего священнохимонаха Игнатія и священнохимонаха Варлаама и како оні отъ прародителей своихъ слышаша, и повѣствоваша ми тако.»

Изстари, изъ давнихъ лѣтъ веси нѣкоя пасущимъ на поле пастухомъ скотъ, близъ того болота, иже словеть ныне Никольскій погость, и се явиша о себе отъ греческія страны отъ небеси и до земли свѣтъ неизрѣченный, и ста на болотѣ, и паstryrie, видяще то преславное чудо, убояшася, и видяще, яко нѣкая сила Божія является и чудо преславное, и глаголаша другъ ко другу: «Поидемъ и видимъ, какое чудо намъ являетъ Богъ; узримъ и проповѣдуемъ славу Божію». И оставя скоты на полѣ и поидаша на болото ко неизрѣченному свѣту, и егда доидоша труднымъ путемъ, понеже непроходимое мѣсто человѣкомъ и скотомъ, топи великия и древа высокія и чаща лѣсная, и придоша близъ къ неизглаголанному свѣту, и се явиша посреди свѣта на воздухъ крестъ Господень, и на немъ образъ распятія Господня, ликъ Божій, а предъ нимъ чудотворецъ великий Николай со святымъ Евангеліемъ, и ста близъ паstryrei на болотѣ.

Паstryri же отъ того страха падоша аки мертвіи на долгъ часъ, и, нѣкояю Божественной силѣ укрѣпляющей ихъ, едва въ чувство придоша, и се гласъ Божій отъ распятія Господня къ паstryремъ глаголющъ: «Будеть на семъ мѣстѣ благодать Божія и домъ Божій; аще кто съ вѣрою прїедетъ помолитися, будутъ многая исцѣленія и чудеса отъ животворящаго креста молитвъ ради чудотворца Николы. Шедше проповѣдите сія всѣмъ людемъ, чтобы на семъ мѣстѣ людіе поставили церковь мою». И не втунѣ явленіе бысть. Паstryrie возвратиша на поле ко стаду своему и придоша въ весь свою и повѣдаша про явленіе креста Господня и чудотворца Николы и сказавше вся поряду, како гласъ бысть отъ распятія Господня, и како повелѣвающъ поставить церковь Божію на семъ мѣстѣ и про такія чудеса и исцѣленіе, и како они паstryrie отъ страха и ужаса омертвѣша и падоша на землю на долгъ часъ.

Людемъ же отъ паstryrei сія слышащимъ, возвѣстиша во градъ Ростовѣ, и въ то время слыша епископъ преславное то чудо о явленіи животворящаго креста Господня, и вси прославиша Бога; людіе же просиша епископа и весь священный чинъ о поставленіи церкви Господни и чудотворца Николы на томъ мѣстѣ, гдѣ явленіе бысть на болоте животворящаго креста Господня и чудотворца Николы. Архіерей же давъ благословенную грамоту повель создати церковь Божію во имя святителя и чудотворца Николая, а придѣль происхожденія животворя-

щаго креста Господня. И по благословенію же архіерейскому людіе пришедшє помыслиша на томъ чудотворномъ мѣстѣ заложити церковь, но не возмогоша, понеже непроходимо мѣсто, и заложиша церковь близъ того болота яко стадіи быти единой, а воздвигоша первого дня церкви три ряда, мастери же церковныя чрезъ ноць отъ труда своего опочиша и заутра возсташа и поидаша на первое свое дѣло, и не обрѣтоша на томъ мѣстѣ зданія церковнаго ни единя щепы, и по семь удивиша и узрѣша паки на томъ же мѣстѣ неизреченый свѣтъ, где первейшее явленіе бысть пастыремъ, и придоша ко свѣту пречудному оному и обрѣтоша основаніе все церковное на болотѣ и бревна все на строеніе церковное пренесоша и посреди основанія церковнаго явися вовторые крестъ животворящій мастеромъ и гласъ глаголя имъ: «На семь мѣстѣ поставите церковь мою, и будетъ гора велика и чудеса многа произыдутъ съ вѣрою приходящимъ помоли-тися, и будуть многа исцѣленія».

И в ту же ноць проиде посреди болота потокъ и бысть река велика и яви-ся суша; и потому начаша безъ труда церковь Божію созидати и чудный образъ животворящаго креста явленный сталъ видимъ, и бысть всѣмъ людемъ радость, иже и до днесъ приходящимъ съ вѣрою подаетъ многа чудесная исцѣленія. Якоже бо и образъ пресвятая Богородица пріиде изъ Иверскаго царства во святую гору Аeonскую по воздуху Божіимъ промысломъ; тако и здѣ на болоте явися крестъ пресвятый. И егда совершиша та святая церковь, и по совершеніи священницы съ приходскими людми просиша во градъ Ростовъ у прежде помянутого епископа благословенія для освященія таковыя церкови, а епископу тому имени за дав-ностю нѣть: священноиноцы и сказать не упомнили.

И то паки архіерей слышавъ про тое чудесное явленіе о церковномъ сози-даніи и о пренесеніи ея чудесномъ, удивиша и поиде со освященнымъ соборомъ къ распятію Господню, а пришедъ паде предъ ногами пречистыми, проливая множество слезъ, глаголя: «Какую тебе, Владыка, принесу хвалу отъ недостойныхъ своихъ усть и которыя воздамъ Ти молитвы, яко сподобиль мя еси недостойными устнами пречистыя Твоя нозѣ лобызати? ... И пѣвъ молебень и по молебнѣмъ пѣніи архіерей повелъ во вся колокола звонити и постави той чудный образъ кре-ста Господня въ новосозданной церкови одесную царскихъ дверей и освятиль Божію церковь и отыде во градъ Ростовъ со многою радостю на свой престоль, прославляя многая животворящаго креста чудная чудеса и чудотворца Николу.

И потому проиде слава про чудеса животворящаго креста и чудная чудеса чудотворца Николы во многи страны, иже и до днесъ съ вѣрою приходящимъ многая исцѣленія подаетъ; и потому архіерей благослови, да на первомъ мѣстѣ, гдѣ заложена была церковь, поставить часовню на погребеніе странныхъ, яже и до днесъ. И въ та времена прежнія священницы чудеса животворящаго креста и чудотворца Николы вписаша въ книгу, и святая церковь Божія та стояла многія лѣта первозданная, понеже состроена была отъ древъ дубовыхъ, и Божіимъ изво-леніемъ, а нашихъ ради согрешеній, церковь Божія въ пожарное время сгорѣла, а тогда церковники при загорѣніи оныя начаша изъ церковіи святая иконы изно-сити и вѣтъ мѣстныя иконы вынесли; и внидоша священницы во святую церковь

взяти образъ животворящаго креста и хотъша вонъ изнести и не возможоша изъ мѣста двигнути, не изволи животворящій крестъ Господень изъ церкви Божіи изыти, и съ великою нуждою сами едва возможоша изыти, а святыя книги и ризы церковныя всѣ безъ остатку сгорѣша, и та святая Божественная книга животворящаго креста Господня прежнихъ чудесъ въ то пожарное время сгорѣла, понеже воста великая буря вѣтренная и невозможно было отстоять отъ огня святую церковь, пожарь многъ бяше и вси людіе отступиша отъ святыя церкви и издалеча со слезами и въ сокрушеніи сердца вопіяху: «Владыка Господи Іисусе Христе Боже нашъ! О, животворящій кресте Господень! мы согрѣшихомъ беззаконніи раби твои; не изволиъ Ты намъ грѣшнымъ рабомъ твоимъ пречистый образъ креста Твоего выняти. И нынѣ, Владыка Господи Боже нашъ, кого призовемъ въ помощь нашу, и кто насъ спасеть и помилуеть, и кто насъ избавить отъ всякихъ напастей и бѣдъ, и уже намъ грѣшнымъ пречистого образа лица Твоего не видати».

И по семь моленій всіи людіе со слезами и въ печальхъ своихъ въ домы свои разыдашася. И по бывшемъ пожарѣ по малъхъ днехъ придоша на то пожарное мѣсто множество людей и вси людіе начаша исками въ пепель церковныхъ вѣщай, желѣзнаго и мѣднаго припасу, и стали пепель перегребати, и обрѣтоша въ пепелу пречудесный крестъ Господень ничѣмъ невредимъ, не прикоснуся бо огнь, и вси людіе отъ страху и радости вопіяху: «О пречестнѣйшій и животворящій кресте Господень! которую мы хвалу грѣшніи принесемъ или которая благодаренія или кія недостойніи воззовемъ пѣснословія пречистому имени Твоему! Еще насъ сирыхъ не оставилъ еси, но сподобиль еси насъ грѣшныхъ пречистый образъ Твой паки видѣти».

Священницы же и служители той церкви повелѣша во вся колокола звонити и стекоша мноожество людей отъ многихъ странъ преславное то чудо видѣти и вси вопіяху: «Господи помилуй». Іерей же нача молебное совершати пѣніе, и въ то время принесоша множество больныхъ, всякими скорбями одержимыхъ, и повелѣ іерей имена писати всѣмъ скорбнымъ, пребывающимъ у пречистого образа животворящаго креста, и подаде Господь Богъ всѣмъ исцѣленіе, хромымъ хожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, недужнымъ здравіе, и святую воду освятивъ и постави крестъ Господень въ пречестномъ мѣстѣ съ подобающею честію.

И по малъхъ днехъ іерей паки съ приходскими людми просиша у архіерея благословенія о поставленіи новыя церкови, и архіерей же паки благословивъ повелѣ созидати новую церковь на томъ же мѣстѣ. И егда совершился святая церковь и по совершениіи въ новую церковь Николая чудотворца внесоша той пречудный образъ креста святаго, и поставиша въ прежнемъ мѣстѣ одесную страну царскихъ дверей, и чудотворный образъ Одигитріи пресвятыя Богородицы такожде поставиша одесную страну близъ царскихъ дверей, а чудный образъ Николы святителя и чудотворца по лѣвую страну. И отъ тѣхъ пречудныхъ образовъ съ вѣрою приходящимъ бываешь великое просвѣщеніе и исцѣленіе и до днесь во славу единосущныя и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа нынѣ и присно и во веки вѣковъ. Аминь.

И въ лѣто 7018 (по другим рукописям 7015, т.е. 1507 от Р. Х.) при благовѣрномъ великомъ князѣ Василіи Ioанновичѣ (1505–1509) всея Россіи и при благовѣрныхъ князѣхъ Георгіи и Димитріи и при преосвященномъ митрополитѣ Симонѣ (1494–1511) и при преосвященномъ архіепископѣ Ростовскомъ Васіанѣ 2-мъ (1506–1515) и при благовѣрномъ князѣ Александрѣ Феодоровичѣ Ярославскомъ (†1471 г.) священникъ Илія во градѣ Ростовѣ повелѣ написати книгу паремейникъ нѣкоему человѣку Ioанну въ домѣ своемъ животворящему кресту и чудотворцу Николѣ въ погорѣлое место въ новую церковь.

И въ лѣто 7028 (1520) княгиня Евдокія князя Семена Иванова Бѣльского приложила въ домѣ распятія Господня и чудотворца Николы воздухъ шить золотомъ, а на немъ вышить Спасовъ образъ, да пресвятыя Богородицы, Ioанна Предтечи и иныхъ святыхъ да две пелены зеленые тафты; да два рубля денегъ, да книгу псалтырь слѣдованную, да книгу четью Исмарагдъ, сиречь Златоустъ.

Да въ лето 7028 (1520) года Іоевъ Васильевичъ Тетеринъ приложилъ животворящему кресту и чудотворцу Николѣ минеи мѣсячныя письменныя.

И елико что отъ кого было возможно, то святый преподобный отецъ игуменъ Исаія, слышавъ отъ древнихъ священниковъ и преподобныхъ отецъ, тамо жителей, то ми повѣствоваше, и азъ недостойный іерей въ сю книгу вписаль, а ныне чудесь вопросиль и повелѣль искать по моему недостоинству во святѣй церкви въ древнихъ свиткахъ въ застарѣлыхъ; и азъ недостойный іерей, елико обрѣтохъ въ писаниихъ о чудесъхъ, то въ сю книгу вписахъ во славу и честь животворящему кресту и чудотворцу Николѣ, а впредъ съ вѣрою приходящимъ въ пользу душамъ ихъ.

Окончание первой части.

Родословец П.О. Воронова с комментариями

Родословная роспись Вороновых, подлинник, сохранился в РГАДА, фонде 210 «Разрядный приказ», среди родословных росписей, поданных в Разряд (опись 18). 'Поколенная роспись' предназначалась для внесения в т.н. Бархатную Книгу Российского дворянства и была подана в Разрядный приказ в 1686 году. Начальником рода указан «муж честен» Михайло Вороновский², выехавший из Польши на службу к Василию III и получивший испомещение в Новгороде³. «От него пошли Вороновы» – говорится в родословной, и далее показаны девять поколений этого рода. Полнота родословия особо оговорена в конце документа: «а оприч[ъ] сей росписи нашего роду нгть»⁴ и заверена личными подписями двух представителей рода Вороновых – Петра Осиповича и его племянника Григория Федотовича. Кроме того, верительная запись ссылается ещё на семерых действительных представителей рода.

К росписи прилагалась подборка документов, удостоверявших заслуги представителей рода перед царской фамилией. Списки этих грамот также хранятся в фонде «Разрядного приказа» (Оп. 18. Ед. хр. 137). В числе «явных свидетельств» честной службы Отечеству к росписи были приложены четыре наказа времён царствования Михаила Романова⁵. Все они касались Василия Яковлевича Воронова, который за эти службы, по-видимому, первым в роду был пожалован чином дворянина московского⁶. Грамоты деда хранились у Петра Осиповича на правах прямого наследника по мужской линии. Подробное перечисление царских наказов в тексте родословца указывает, что и сам текст его был составлен Петром Вороновым.

Бархатная книга повлекла за собой развитие русской геральдики. Пётр Воронов также принял участие в создании герба своего древнего рода. «Герб рода Вороновых» был официально утверждён и помещён в Общем Гербовнике⁷ Российской империи. Основная мысль этого герба заключается в верноподданстве Вороновых Российской престолу, начиная со старших поколений. Это подчёркивают дворянский шлем и корона на щите. Золотые слитки на щите символизируют четыре дворянские службы, честно исполненные Василием Вороновым, что дало ему возможность получить несколько поместий и потомственное дворянство.

Шуйское имение Василия Яковлевича имело особое значение для этой ветви Вороновых. В Волокобино была поставлена усадьба, а затем выстроен двухэтаж-

- Савелов Л.М. Родословные записи Леонида Михайловича Савелова: опыт родословного словаря русского древнего дворянства М., Вып. 2. 1908. С. 129.
- Родословная книга Князей и Дворян российских и выезжих. М., Ч. 2. 1787. С. 298.
- Бычкова М.Е. Из истории создания родословных росписей конца XVII века и Бархатной книги // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник. Сб. 12. Л., 1981. С. 103.
- РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 39, 39об.
- Родословные росписи конца XVII века / сост. Антонов А.В. М.: РГАДА. Археогр. центр. 1996. С. 120-121.
- Иванов П.И. Алфавитный список фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемой должности. М., 1853. С. 81.
- Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи, начатый в 1797 году. СПб., Ч. 8. – [1807]. № 111.

38 39 61
по т о р о н о в а н и я

При Аниконе избран князь Иванович Сафонов въ градѣ
 ку съ таиха князя Воронова и князя Бориса
 по земли Воронова и Аникону да въ градѣ Авода азовъ Аникону.
 Трактатъ ука съ таиха князя Аникона приелъ князя Авода
 въ земли Воронова таиха князя Авода убогана
 а въ земли во Пади приелъ князя Аникона
 князя Аникона таиха князя Авода а въ земли Воронова
 бояръ архитекторы на земли Авода въ земли Аникона
 земли Авода въ земли Аникона
 таиха князя Авода въ земли Аникона
 князя Аникона таиха князя Авода въ земли Аникона
 таиха князя Авода въ земли Аникона
 таиха князя Авода въ земли Аникона

ный храм. Строительство церкви было благословлено митрополитом Иларионом Сузdalским, который составил на её закладку отдельную храмозданную грамоту⁸ (1690). Он утвердил посвящение нижнего престола во имя «Богоматери Смоленской, честного и славного Ея Одигитрия». Ажурный надглавный крест храма в своём средокрестии имел образ короны, который соответствовал изображению на гербе Вороновых и подчёркивал потомственное дворянство владельцев имения.

При публикации родословца сохранены все языковые и стилистические особенности подлинника. Даты от Сотворения мира переведены в сносках на сентябрьское летоисчисление от Рождества Христова. Выносные буквы даны как надстрочные знаки. Лакуны в тексте восстановлены [по смыслу] и по имеющимся параллельным документам (Наказам) в указанной единице хранения (Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137).

Публикация Б.Л. Макарьянца

8. Клировая ведомость 1-го благочинного округа Шуйского уезда 1884 г. ГАВО. Ф. 556. Оп. 109. Д. 427. Л. 107.

Ро^д Вороновых^{хъ}¹

При Великомъ Кнзе Васи^ле Ивановиче всеа Роси^ї выѣхал ис Пол[ши] му^ж честе^н Михайло Вороно^вск^{ий} и Їспомѣщ^е в Новъ Город^е от негѡ пошли Вороновы и дана ему за выѣзъ ево жалованная грамота у него сънъ Михайло при Велико^м Кн^зе в походе² былъ выборны^м головою у Михайла сънъ Богдан^у у Богдана ³ сынъ Собльз⁴ во ПА^м⁵ го^{ду} при Велико^м Г^сдре Цре і Великомъ Кнзе Ишанне Василевиче всеа Роси^ї Собльз Вороно^в бы^л у [Ко] роля Арцыману⁶ на сва^лбѣ вмѣсто яси^ничева у Соб[лъ] зу дѣтей Яков^в Иванъ Дмитр^ъ Клим⁷ [лакуна окончания строки] [у Якова]⁸ три съна первой Василе^й въ PKS⁹ году при В[еликомъ] Г[с]дре и Цре]¹⁰ і Великомъ Кнзе Михайле Фешдоровиче всеа Роси^ї на е[гѡ] Г^сдру службу посыла^н с ратными людми в Погше [ко кнзю П]етру Пронскому¹¹ і велено ему быть с нимъ кнзь Петром [лакуна начала строки] [о том у н]а^с нака^з свидѣтельству^т да ѿ^н же Василе^й [лакуна начала строки] в РЛ[A]^м¹² году въ Ярославле на Костроме¹³

разрыв документа, вероятно, на сгибе

1. РГАДА Подлинник: Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 39, 1. Упоминается: Государев родословец и Бархатная книга / Н.П. Лихачёв. – С.-Петербург : Рус. генеалог. о-во, 1900. С. 181.
2. Вероятно, в одном из Смоленских походов Василия III (1512-1514).
3. Разрядная книга 1552 года (Л. 8), упоминает окольничего Ивана Воронова, которому было доверено «ночное бережение города Казани» на третью ночь седмицы вместе с боярином Иваном Семёновичем Воронцовым. (Разрядная книга 1550-1636 гг. Том I. М.: АН СССР. Ин-т истории СССР. Наука. 1975). В другой редакции Разрядной книги 1552 года уточняется отчество Ивана Воронова – Михайлович. (Милюков П.Н., Древнейшая Разрядная книга официальной редакции. М.: ОИДР, Московский университет. 1901. С. 157). Следовательно, Иван – это новое имя Богдана при крещении.
4. Поколенная роспись Вороновых, составленная на основании наследственного землевладения рода, (Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии // Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. Вып. 2. Рязань, 2007) упоминает Рахманина Воронова, его сына Муралая, у которого в свою очередь было два сына, Андрей и Авраам. Там же перечислены дети Прокофия: Афанасий, Алексей, Пётр, Варфоломей и Андрей (по росписи – Андриян), а также сын Авраама – Фёдор (по росписи – Федот). Поименное тождество младших Вороновых позволяет идентифицировать имена старших представителей рода до крещения. Дьяк Рахманин Воронов в книгах 1607-1609 гг упоминается с отчеством Макарьевич. Следовательно, Собльз Воронов получил в крещении новое имя Макарий.
5. ПА = (70)81 = 1572/73.
6. Арцимагнус, т.е. Герцог Магнус (Magnus), король Ливонии (1540-1583).
7. Клим в родословии далее не упоминается, вероятно, по причине его бездетности.
8. Часть лакуны, по структуре родословца, должна читаться: «у Якова».
9. PKS = (7)126 = 1617. Наказная память Разрядного приказа Василию Воронову на службу в Вязьму к воеводе князю Петру Пронскому датирована 6 сентября 1617 г. Список РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 2-3.
10. Лакуна восстановлена стандартной титулатурой Михаила Фёдоровича.
11. Наказная память Разрядного приказа от 6 сентября 1617 г. Список РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 2, 3.
12. РЛА = (7)131 = 1622/23. Окончание года в подлиннике утрачено, восстановлен по: Ед. хр. 137. Л. 4.
13. Наказ Разбойного приказа от 12 февраля 1623 года. Список РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 4-11.

[лакуна начала строки] РЛГ^м¹⁴ году в Сузdal' в Шуе в Луху о том у нас нака
[зы] свидетельствуют а во РЛС^м¹⁵ го^{ду} ѿ же Василей Воронов^в
был воеводою в Црве Kokшайско^м о том у на^с нака^з свидѣ
тествует второй Яко^в Яковлев^в съи^н во РМС^м¹⁶ го^{ду} был
воеводою¹⁷ на Чаро^нде¹⁸ о том у на^с наказ свидѣте^лствует^т
а Яко^в уме^р бе^здѣте^л третей Ма^зим уби^т по^д Смоленскимъ
бе^здѣте^л же у Ивана¹⁹ Соблѣзов^а съи^н да^{ти} А^ндрѣй Иванъ
бе^здѣте^л Михайло бе^здѣте^л же у Дми^трѣя съи^н Ива^н у Васи^ля
съи^н Сосип^а во дворянех^у А^ндрѣя²⁰ да^{ти} Прокоф^ей Авра^м уби^т
в Конотопскую службу²¹ у Ивана Дми^трѣва съи^н да^{ти}
Дми^трѣй уби^т по^д Быховы^м²² да А^ндрѣй оба бе^здѣты
у Сосип^а съи^н Пе^тр в стояни^к у Прокоф^ея да^{ти} Афонас^е
в стряпчей^х а ныне в Торшку воеводою Але^кс^ей в стряпчей^х
отпущен^о на Коломну воеводою Петръ Варфоломей А^ндрѣянъ
служа^т в жи^ве у Аврама съи^н Федо^т во дворянех^у а ныне
на Михайлове воеводою у Афонас^ея съи^н Семе^н у Але^кс^ея
съи^н Иванъ у Петра Прокоф^ея съи^н Пе^тр у [Федота]
да^{ти} Григоре^й А^ндрѣй і в разорен^е²³ м[лакуна окончания строки]
нова в Дрогобужскомъ в у^бде в Пог^ускомъ²⁴ стане С[лакуна окончания строки]
бен^ское а До^лгинево то^{*} разорено люди крътьене [все]
порублены и в то разорение за вы^бѣдъ жалова^ная грамо
та и иныя пи^ма ро^спропали и о том у него Васи^ля чело
бите было записано а шпри^ч сей ро^списи нашег^о
роду нѣть ложи^л ложиль²⁵
на обороте подлинника размашистой скорописью XVII века:
К сей родово^й росписи Пе^тръ Осиповичъ Воронов^в
[и за] отца своего Осипа Васи^левича и бра
[тев св]ои^х Афонас^ея Але^кс^ея Пе^тра Варфоло

14. РЛ Г = (7)133 = 1624/25. Наказ Разбойного приказа от 14 июля 1625 года. Список РГАДА Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 137. Л. 12-27. Год в подлиннике утрачен, восстановлен по данному списку Наказа (РГАДА).
15. РЛС = (7)136 = 1627/28. Наказ приказа Казанского дворца от 29 марта 1628 года. Там же, Л. 28-38.
16. РМС = (7)146 = 1637/38. Наказ не сохранился.
17. Яков Яковлевич Вороновъ сменил воеводу Андрея Захаровича Просовецкого.
18. Поселение Чаронда возникло в XIII веке на Беломоро-Онежском водном пути в Новгородской республике. В 1566 году Чаронда перешла в опричнину. В XVII веке Чарондская округа управлялась воеводой.
19. Иван Соблѣзовъ сын, он же Рахманин Вороновъ, дьяк на Вологде (1607-1609) и в Устюге (1611).
20. Андрей Ивановъ сын, он же Муралей Вороновъ. В 1623 году – был осадным головой на Михайлове.
21. Конотопская битва – одно из сражений русско-польской войны 1654-1667 годов, произошедшее 28 июня 1659 года. Ударной силой русского войска была дворянская конница князей Семёна Романовича Пожарского и Семёна Петровича Львова. Оба князя погибли в этом сражении.
22. Вероятно, при осаде Быхова с мая по декабрь 1659 года. Город был взят 4 декабря в ходе ночного штурма войсками князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского.
23. Вероятно, в октябре 1617 года, при сдаче Дорогобужа и Вязмы королевичу Владиславу.
24. Паужский стан Дорогобужского уезда. Поселение под названием Долгинево не сохранилось.
25. Подписи («рукоприкладство») сделаны двумя почерками.

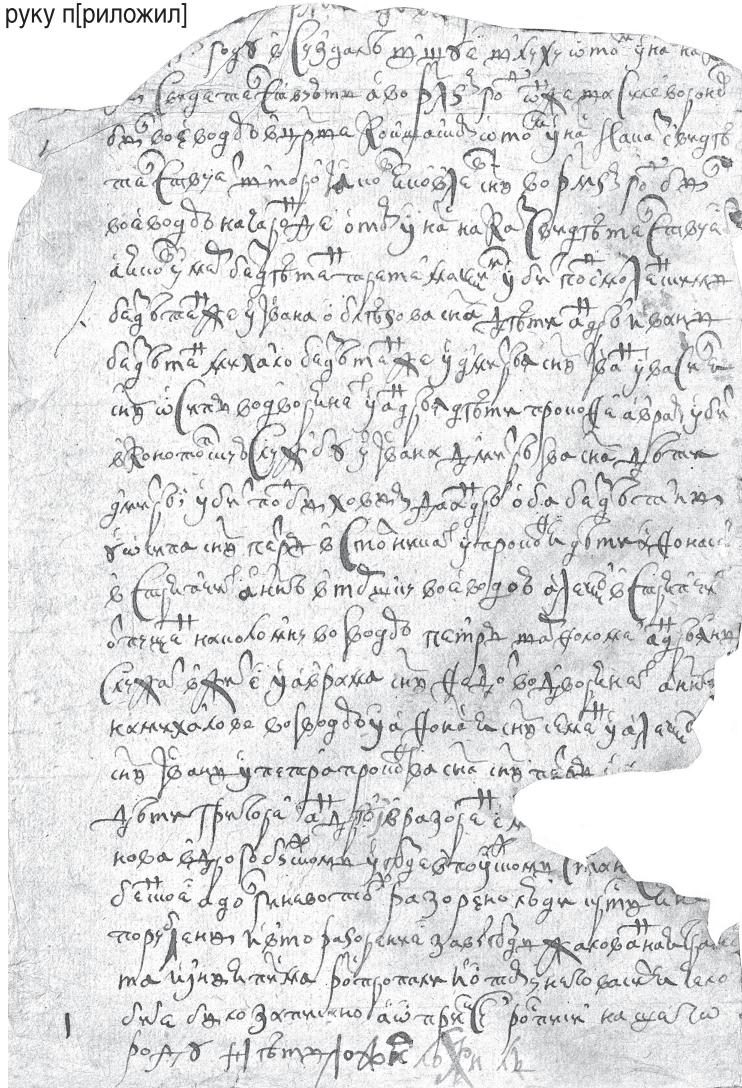
мая А"дріяна²⁶ ꙗ и^х веле"ю руку пр[и-ложил]

ниже другим почерком:

К сей родовой розписи Григоре^й [Федотович²⁷ и за]

отца Своево Федота О[враамова по его]

велѣ"ю руку п[риложил]

26. Дети Прокофия Воронова. Осип Васильевич и Прокофий Андреевич были троюродными братьями. Василий Яковлевич и Андрей Иванович (Рахманинович) были двоюродными братьями. Яков Макарьевич (Облъзович) и Иван (Рахманин) Макарьевич (Облъзович) были родными братьями.

27. Григорий Федотович – племянник Петра Осиповича. Федот Авраамович – племянник Прокофия Воронова.

Новые документы по истории женской Иверской Святоезерской пустыни

История женской Иверской Святоезерской пустыни вызывала интерес исследователей с начала своего возобновления в 1860 году. Укажем работу священника К.А. Веселовского «Святоезерская пустынь (девичий монастырь) Горюховецкого уезда Владимирской губернии», написанную по поручению настоятельницы обители игумены Платониды (1861-1892)¹, в которой впервые появляется легенда о старце Филарете, рукописные заметки «Сокращенное историческое описание Святоезерской Иверской упраздненной пустыни, собранное из разных достовернейших историй и рукописей», составленные иеромонахом Флорищевой пустыни Иеронимом (Косаревым)² и подробное исследование В.Г. Доброродова, доведённое до времени восстановления пустыни после пожара 1903 г. и освящения каменного Казанского храма.³ Современный краевед В. Копров несколько страниц посвятил состоянию монастыря в советское время и началу восстановления пустыни в апреле 1998 г.; упомянул как последнюю перед закрытием монастыря загадочную игуменю Варвару.⁴ В недавно опубликованной статье А.М. Тихомирова, в которой вводятся в научный оборот документы из Государственного архива Ивановской области о юридическом оформлении Святоезерской церковной общины в конце 20-х годов XX в., также упоминается игуменья Варвара как последняя настоятельница монастыря.⁵

В течение нескольких лет нами проводилось выявление источников по истории Святоезерской обители в архивах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Иванова; проводились записи воспоминаний жителей Мурзинского, Нижнего Ландеха, Лукино, знавших монахинь, живущих в последние годы в вышеназванных населённых пунктах. Представляем небольшую часть наших изысканий.

Уточним вопрос о последней игуменье. В Государственном архиве Владимирской области нами были изучены документы Владимирской духовной консистории: сведения о состоянии монастырей Владимирской епархии за 1870 год, ведомости о состоянии Святоезерской пустыни за разные годы, журналы заседаний Владимирской духовной консистории, послужные списки монахинь, сведения о девицах, проживающих в Святоезерской пустыни на испытаниях и др.

Просматривая финансовые документы, мы обнаружили, что «краткая выписка всех сумм из книги, выданной из Владимирской духовной консистории в Святоезерскую пустынь для записи прихода и расхода в 1916 г.» подписана игуменией Платонидой, казначеей Анатолией, монахинями Глафирией и Софией.⁶ Дополнительно изучая «Владимирские епархиальные ведомости» за 1916 год мы обнаружили, что в номере от 16 марта в списке лиц, от коих поступили пожертвования на подарки для воинов, находящихся в действующей армии, под № 19 значится настоятельница Святоезерской пустыни игумения Платонида – 20 руб.⁷

Изучение ведомостей о насельницах Святоезерской обители позволило идентифицировать м. Платониду (в миру – Давыдова Федосья Александровна (1860 –

после 1930), из мещанских девиц Иваново-Вознесенска. Читать и писать научилась в родительском доме. Пришла в монастырь в 1869 г. вместе с матерью Прасковьей Кондратьевной,⁸ до 1878 г. проживала по паспорту. Несла клиросное послушание, «способная весьма, очень хорошего поведения».⁹ Пострижена 16 марта 1900 г. – монахиня Платонида.¹⁰ В 1909 г. утверждена казначеей (см. док. № 1).

Именно м. Платониде пришлось пережить закрытие монастыря, изъятие имущества, стать одной из организаторов религиозной общины в 1925 г. после закрытия монастыря. О семье Давыдовых (их в монастыре было 5 чел.), удалось узнать от их дальней родственницы Анны Васильевны Мановской. Сама последняя игуменья в 1930 г. числилась на торфопредприятии чернорабочей, была лишена избирательных прав,¹¹ затем была сослана.

В марте 1923 г. в обители работала Гороховецкая уездная комиссия по ликвидации монастырей и учёту церковного имущества. В Государственном архиве Владимирской области отложился комплекс документов, включающий в себя описи церковной утвари в храмах Святоезерского женского монастыря Нижне-Ландеховской волости и часовни в с. Нижнем Ландехе, описание имущества в монастырских домах, хозяйственных построек, скота, сена, крупы и др. Протоколами оформлено изъятие денежных средств и их уничтожение, как вышедших из употребления. Передача имущества и оформление документов продолжались до сентября 1923 г., причём самые ценные вещи были перевезены в Гороховец.

В 1923 году пустынь формально была ликвидирована, перед этим Комиссия по ликвидации монастырей и учёту церковного имущества составила опись имущества и церковной утвари (ГАВО. Ф.357. Оп.2. Д.234. Л.8-78). Для истории пустыни опись от 27 марта 1923 г. представляет исключительный интерес. Любопытно, что в сравнении с Описью древних церковных предметов, составленных для Синодальной библиотеки, где указываются даты и историческая значимость реликвий (ОГИ ГИМ. Ф. 406), в ней указаны только вес и стоимость церковной утвари. Описание предметов быта – мебели, посуды, разного рода бытовой утвари велось в стиле инвентаризации – т. е. по месту расположения. Таким образом, можно условно восстановить интерьеры келий, служебных и хозяйственных помещений. Подробно описаны конный и скотный дворы, другие хозяйственные службы. Сдавали имущество монахиня Анатolia, игуменья Платонида, затем по мысли комиссии, по мере описи жилых помещений их следовало закрывать, а желающим остаться предоставлялось «право поселиться в специально отведенном для них помещении за оградой монастыря». В монастыре было изъято имущества на три тысячи триста пятьдесят один рубль 90 копеек (448 предметов), включая всё до последней верёвки. Впоследствии ценности, включая серебро, были перевезены в Гороховец и пересчитаны, а прочее (продукты, платье и т. д.) предназначеннное к продаже на месте, к июлю начало гнить и плесневеть на складе Коммунахоза.

Ниже публикуется несколько документов с сохранением языковых и стилистических особенностей.

Публикация Г.Р. и М.М. Якушкиных

Документы

№ 1

Журнал № 2871 Владимирской духовной консистории

1909 года ноября 2 дня в собрание Владимирской духовной консистории прибыли члены,protoиереи: Воскресенской церкви Павел Спасский, Димитриевского собора Василий Косаткин, кафедрального собора Принцип Евгенов, Николо-Златовратской церкви Владимир Боголюбов, Георгиевской церкви Михаил Сперанский.

Слушали: прошение настоятельницы Святоезерской общежительной пустыни Гороховецкого уезда, игумении Августы с сестрами, в коем просят на место бывшей казначеи монахини Азарии утвердить из числа сестер Святоезерской пустыни монахиню Платониду, как всегда отличающуюся благонравием, при весьма хорошем поведении и способную исполнять письмоводительское послушание.

Приказали: в виду усиленного ходатайства игумении со старшими сестрами [вписано карандашом над строкой – Авт.] и указания на то, что монахиня Платонида способна вести письмоводство по монастырю, что и требуется от казначеи, консистория полагала бы утвердить ее в этой должности.

Члены консистории: Павел Спасский, Василий Косаткин, Принцип Евгенов, Владимир Боголюбов, Михаил Сперанский [подписи – автографы]

Секретарь: А. [подпись неразборчива]

Регистратор: А. Миртов [подпись – автограф]

Резолюции: 1909 г. 6 ноября. Исполнить. Архиепископ Николай.

1909 г. ноября 6. Согласен. Епископ Александр.

ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.4664. Л.185-185 об.

№ 2 ПРОТОКОЛ

заседания Гороховецкой уездной комиссии по учёту церковного имущества
при храмах и по ликвидации монастырей
от 21 марта 1923 г.

Сего 21 марта ликвидационная комиссия в составе председателя тов. Кувшинова-Пескова и членов: уполномоч. РКИ т. Миловидова, нач. уездной милиции т. Шишина и зам. зав. Гороховецким коммунальным отделом т. Воронина прибыли в Свято-Озерский женский монастырь и по ознакомлении с внутренней и хозяйственной сторонами монастыря, найдя таковые в хорошем и опрятном состоянии, в целях сохранения этого порядка и на последующее время, нашла необходимым составить и осуществить нижеследующий план работ своих по ликвидации названного монастыря, а именно:

1) Приступить в первую очередь к составлению описи всего хозяйственного инвентаря, как живого, так и мертвого.

2) Опись начата с корпусов и домов жилых, причем по мере того, как будет описан весь инвентарь известного корпуса или дома, немедленно выселять из него всех жильцов, с предоставлением нетрудоспособным, а также желающим остаться в качестве рабочих, права поселиться в специально отведенном для них помещении за оградой монастыря.

3) Комиссия после описи монастырского инвентаря в корпусах, скотном дворе и других служб приступает к описи церковного имущества, находящегося в монастырских храмах.

4) Комиссия не оставляет монастыря до тех пор, пока настоящие обитатели его не покинут монастырское общежитие.

5) В целях охраны хозяйственного монастырского инвентаря от возможного расхищения, выбрать из среды монастырских рабочих лиц, заслуживающих доверия, для временной работы по охране и уходу за живым инвентарем, в качестве, какое по завершении описи будет признано необходимым. Для наблюдения и поддержания хозяйственной жизни при монастыре и за сохранностью описанного имущества, оставить в качестве временного заведывающего, впредь до особого распоряжения Гороховецкого УИКа тов. Сошникова, члена Н.-Ландеховской ячейки РКП.

Председатель

Кувшинов-Песков

Члены

М. Миловидов. Шишин. И. Воронин

При ликвидации Святоезерского женского монастыря изъято из хранения на руках игумены Платониды нижеследующие денежные документы:

9 расписок Владимирского государственного банка в приеме на хранение билетов 4% государственной ренты за № 25687 на 2000 р., за № 32643 на 12300 р., за № 37031 на 1800 р., за № 37556 на 8000 р., за № 38013 на 4700 р., за № 31280 на 1900 р., за № 39557 на 700 р., за № 42952 на 2400 р., за № 45292 на 2600 р. Книжка сберегательной кассы, выданная Н-Ландеховской почтово-телеграфной сберегательной кассой за № 351. Книжка той же кассы за № 345. Книжка Вязниковской сберегательной кассы за № 23108. Билет срочного вклада Лухского городского общественного банка за № 15. Свидетельство № 03717 на Государственную 4% ренту. Билет пятипроцентного с выигрышами займа № 47 серии 15212. Свидетельство № 03004 Государственной 4% ренты. Свидетельство № 04794 Государственной 4% ренты. Облигация № 682677 государственного 5 $\frac{1}{2}$ % военного краткосрочного займа. Свидетельство № 258806 Крестьянского процентного банка. Свидетельство № 42289 4% государственной ренты. Облигация № 343615 5% внутреннего займа 1915 г. Билет № 45 серии 13213 5% с выигрышами займа и билеты за №№ 4028, 3859, 3300, 2264 и 2870 Шуйского городского общественного банка.

Сдала игуменья Святоозерского женского монастыря Иг. Платонида.

Председатель комиссии

Кувшинов-Песков

Члены:

Миловидов, Шишин и Воронин

Председатель Н-Ландаховского ВИК

Жихарев

член ВИК (подпись)

ГАВО. Ф.357. Оп.2. Д.234. Л.15. Копия

№ 3

АКТ

1923 года марта 29 дня Гороховецкая ликвидационная комиссия, обнаружив в Святоозерском женском монастыре наличие советских денежных знаков образца 1919 и 20 годов, вышедших из употребления, произвела им подсчет. По подсчету таковых денег оказалось на сумму 947865 р.

Принимая во внимание, что все денежные знаки на эту сумму вышли из обращения и никакой ценности в настоящее время не представляют, Ликвидационная комиссия ПОСТАНОВИЛИ:

Означенные деньги в сумме 947865 р. немедленно сжечь в присутствии всех членов Комиссии, а также в присутствии представителей Н-Ландаховского Волиспокома и представителей от монастырствующих.

Сожжение действительно произведено, в чем расписуемся.

Председатель комиссии

Кувшинов-Песков

Уполномоченный РКИ

М. Миловидов

Члены: Зам. зав. коммтделом

И. Воронин

Нач. уезд. милиции

И. Шишин

Председатель Н-Ландаховского ВИК

Жихарев

Член ВИК подпись.

ПОДПИСКА

Я, нижеподписавшаяся, казначей Святоозерского монастыря Анатолия, даю настоящую подпись в том, что в моем ведении не имеется никаких денежных сумм и приходо-расходных документов. Всеми денежными суммами и приходо-расходными документами распоряжалась всегда игуменья Платонида. Я только подписывала бумаги, отчеты, когда их нужно было отправлять во Владимир. На расходы мне игуменья давала известные суммы, которые я по ее указанию и расходовала. Расписки по уплате денег мною по тем или иным расходам я представляла всегда игуменье Платониде.

Казначейша Анатолия. 1923 г. Марта 22 дня.

ПРОТОКОЛ

1923 года марта 24 дня Гороховецкой Комиссии по ликвидации монастырей и учету церковного имущества при осмотре сего числа имущество находящееся в зданиях, принадлежащих Святоозерскому женскому монстырю Н-Ландеховской волости обнаружила среди разных вещей в помещениях игумены и казначейши нижеследующие кредитные билеты царского режима рублевого, трехрублевого, пятирублевого и двадцати пяти рублевого достоинства всего на 1367 р., затем керенок сорока и двадцати рублевого достоинства на 5000 р. кроме того : три серебряные монеты в рубль 20 коп. и 10 коп., а всего серебряными монетами 1 р. 35 коп., 2 чайных серебряных ложки 84 пробы, и один серебряный жетон также 84 пр.

25 того же марта обнаружено кредитных билетов царского режима 5-рублевого достоинства 40 р. и керенок 20 и 40 рублевого достоинства 440 р.. Кроме того мелкими серебряными монетами: 10 копеечного достоинства 2 р. 20 коп., 15 копеечного достоинства 1 р. 80 коп., 20 копеечного достоинства 1 р. 60 коп., а всего серебром 5 р. 60 к.

26 марта обнаружено спрятанными 8 чайных серебряных ложек, из коих ложек 6 шт. обыкновенного размера и несколько ложек большого размера, кредитных билетов царского режима разного достоинства на сумму 2695р. керенок разного достоинства на сумму 5339 р. Того же числа сдано казначейшей монастыря монахиней Антонией 100 р. советскими знаками образца [19]23 г., каковые сего числа вручены для текущих расходов заведующему тов. Сошникову.

Обнаружено в разных местах монастырских келий медными монетами на сумму 2 р. 9 к. Билетами Государственного казначейства разного достоинства 900 р., облигация $5\frac{1}{2}\%$ военного краткосрочного займа выпуска 1916 г. в 50 р. Свидетельство 4% государственной ренты в 100 р.

Того же числа извлечено из монастырской церкви советскими денежными знаками выпуска 1923 г. 3 р. 20 к., каковые сего же числа переданы т. Сошникову, как временному заведующему хозяйством. Медных монет разного достоинства 22 р. 66 к.

Председатель ликвидационной комиссии

Кувшинов-Песков

М. Миловидов

Члены:

Шишин

Председатель Н-Ландеховского ВИК

Воронин

Член

Жихарев

ГАВО. Ф.357. Оп.2. Д.234. Л.15об. Копия

В. Шилов

№ 4
ПРОТОКОЛ

заседания комиссии по ликвидации Святоозерского женского монастыря
от 30 марта 1923 г.

Слушали: доклад председателя Ликвидационной комиссии, в которой он огласил весь материал, записанный в актах/протоколах и описях, составленных за время работы комиссии по ликвидации монастыря; предложил на обсуждение вопрос об определении условий, при которых должна сохранить свою жизнеспособность хозяйственная сторона монастыря в целях использования её для государственных надобностей.

По обмене мнений комиссия постановила: тов. Сошникову, оставляющему в качестве заведывающего монастырским хозяйством, вменить в обязанность тщательным образом следить за целостью и сохранностью всего имущества и инвентаря, как живого, так и мертвого. Предоставить тов. Сошникову право держать рабочих для нужд хозяйства и его поддержания в количестве не свыше 25 человек; рабочих выбирать из беднейшей среды, приглашая их работать на первых порах на условиях вознаграждения за работу продовольствием, блюда, однако, возможную экономию. Если хозяйствственные обороты позволят располагать денежными средствами, то наличие таких свободных средств не исключает возможности оплаты рабочего труда и денежными знаками.

Предложить зав. хозяйством вести следующие книги: 1) денежную приходо-расходную, продуктовую приходо-расходную и инвентарную. В последнюю он должен записывать инвентарь вновь приобретенный (приход) и обратившийся в негодность или утраченный (расход).

Преподать нижеследующую норму продовольствия в сутки рабочих: хлеба печеного $1\frac{1}{2}$ фунта, молока 1 бутылку. В приварок идет картофель по соображению с его наличием и с расчетом оставить картофеля на обсеменение 125 мер. Остающимся престарелым и нетрудоспособным обитателям монастыря, выселенным ныне в особое помещение за ограду для временного проживания, выдавать также хлеба печеного $1\frac{1}{2}$ фун[та] и молока 1 бутыль в сутки. Все излишки молока, остающегося в хозяйстве, должны быть обращены в прочные продукты: масло, сметану, творог. Лошадей довольствовать из расчета по 1 [пуду] овса на 3 лошади; сена же, в виду значительного его запаса, давать без ограничения.

Держать возможную связь с Н.-Ландеховским вол. Комотделом и, кроме того, ежемесячно доставлять доклады и отчеты Гороховецкому комотделу.

С наступлением тепла озаботиться приготовлением в надлежащий порядок сельск. хоз. инвентаря, чтобы своевременно и без задержки приступить к полевым работам. Принять меры к выставлению пчелиных ульев на пасеку и озаботиться их своевременной подготовкой к работе.

Вменить т. Сошникову в обязанность ежедневно осматривать наложенные на зданиях печати, в случае их повреждения немедленно доводить до сведения Нижнеландеховского ВИК для зависящих с его стороны распоряжений.

Строжайшим образом наблюдать за тем, чтобы в ограду монастыря не проникали посторонние лица.

Все ключи от опечатанных и запертых зданий и помещений, кроме храмов, передать завед. т. Сошникову.

Председ. Комиссии

Кувшинов-Песков

Члены:

М. Миловидов. Шишин. Воронин

Пред. ВИК Н.-Ландеховского волисполкома

Жихарев

Член

Шилов

ГАВО. Ф.357. Оп.2. Д.234. Л.16 об. Копия, машинопись

-
1. Святоезерская пустынь (девичий монастырь) Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Владимир, 1882; 2-е изд. М., 1894.
 2. РГАДА. Ф.1289. Щербатовы. Оп.2. Д.195. Л.1 об. – 12.
 3. Добронравов В.Г. Историческое описание Святоезерской женской общежительной пустыни. Владимир, 1909.
 4. Копров В. Тихая моя родина. Записки православного краеведа. Владимир, 2009. С. 108-111.
 5. Тихомиров А.М. История Святоезерского монастыря после 1917 г. // Пожарский юбилейный альманах. Вып.9. К 20-летию открытия Смоленского прихода в Старой Юже. Южа, 2020. С.49-53.
 6. ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.4997. Л.1.
 7. Владимирские епархиальные ведомости. 1916. Год LII. №12. С.68.
 8. Скончалась в монастыре рясофорной послушницей в возрасте 92 лет; погребение совершил священник Иоанн Сиротинский с сестрами пустыни в монастырской ограде 23 сентября 1909 г. ГАВО. Ф.556. Оп.2. Д.317. Л.33 об.-34.
 9. ГАВО. Ф.556. Оп.109. Д.398. Л.326 об. – 328; Д.361. Л.522 об.- 524.
 10. Там же. Д.576. Л.581 об.- 582 об.
 11. Учётная карточка лишенца. ГАИО. Ф. Р-1627. Оп. 1. Д.472. Л.2.

Инвентарная опись Южской Смоленской церкви, 1924 г.

Сразу после революции 1917 года Русская Православная Церковь была поставлена в жёсткие рамки, лишившись как собственности, так и многих прав. Культовые здания и церковное имущество стали «народным достоянием», которым теперь распоряжалась власть в лице местных советов рабочих и крестьянских депутатов. Верующие обязаны были заключать с представителями власти договор о найме помещений для богослужений. Вся ответственность за имущество и руководство религиозной общиной возлагалось на выборную «церковную двадцатку».

Смоленская религиозная община (общество) была зарегистрирована 27 июня 1924 года¹. В списки членов общества записались 73 человека, главным образом крестьяне и фабричные рабочие. Были среди них несколько ремесленников, школьных работников и один участковый ветеринарный врач (И.К. Невский). На место председателя приходского совета был выбран А.И. Пыренков, а в церковные старосты – И.П. Талов. Причт Южской церкви тогда состоял из четверых служителей: протоиерей Евгений Павлович Алеев², священник Иоанн Фёдорович Смирнов, псаломщик-диакон Александр Иванович Филиппов, псаломщик Пётр Павлович Никольский³.

Как тогда полагалось, власть в лице Южского волисполкома в присутствии приходского совета составила «инвентарную опись богослужебных зданий и культового имущества», которые были переданы православной общине «в бесцрочное пользование». Из описи мы публикуем первую часть.

Церковь св. ап. Асигкрита в Юже. 1890-е гг. Фото из коллекции В.Ф. Никонова.
Собрание Шуйского литературно-краеведческого музея К. Бальмонта

Вид на пожарное депо, фабричный клуб (быв. 6-ю школу) и телевизионную вышку в городе Юже
(там, где ныне стадион). 1959 г. Фото В.Ф. Никонова.

Собрание Шуйского литературно-краеведческого музея К. Бальмонта

14 сентября 1924 г. представители Южской власти занимались проверкой церковной имущества (в современном понимании, инвентаризацией имущества), в результате выяснилось, что всё имущество на месте (т.е. соответствует предыдущей описи, вероятно, состоявшейся в самом начале советской истории), за исключением изъятых 27 апреля 1922 г. «комиссией по изъятию церковных ценностей» следующих предметов⁴:

1. Риза с иконы Пантелеймона,
2. Крышки с Евангелия,
3. Крест серебряный небольшой пробы «84», весу $33 \frac{1}{2}$ золотника,
4. Крест серебряный без пробы, внутри дерево, 1 фунт 74 зол.,
5. Потир серебряный, позолоченный, пробы «84» и при нём дискос, звездица и два блюдца серебряных,
6. Кадило серебряное с цепями, пробы «84», вес 80 зол.

Интересно отметить, что в процессе проверки обнаружились «лишние» предметы – не значащиеся в старой описи 6 серебряных лампадок. Председатель церковно-приходского совета объяснил это несоответствие тем, что лампадки были «пожертвованы разными лицами в период 1922-1924 гг.»

Публикация Е.С. Ставровского

Инвентарная опись богослужебных зданий и культового имущества⁵:

1. Здание церкви

В селе Южа Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии, церковь каменная, крыта железом. Построенная в 1795 году. Престолов три. Один в главном храме и два в трапезе. Главный храм в основании своем имеет квадрат. 6×6 саж., а трапезный $6 \frac{1}{2} \times 6 \frac{1}{2}$ саж. Пол во всем храме чугунный, дверь входная одна, с запада.

2. Алтарь

Алтарь главного храма выступает на восток осмигранной призмой, рассеченной пополам. Площадь алтаря равна 3×5 сажен.

В алтаре престол из липового дерева. На престоле антиминс розового атласа, освященный в 1885 году. В простенках между окнами поставлены две небольшие киоты, в коих вставлены 4 иконы.

В южной киоте:

Образ Вознесения Господня,
Образ Неопалимой купины.

В северной киоте:

Образ Рождества Христова,
Образ Архистратига Михаила.

Жертвенник четырехугольный из липового дерева. В южном алтаре трапезного храма престол липового дерева.

На престоле антиминс желтого атласа. Жертвенник из липового дерева треугольной формы. За престолом на горнем месте киоты с иконами:

Спасителя,
Иоанна Предтечи,
Божией Матери,
Архистратига Михаила,
Трех Святителей.

В северном алтаре трапезного храма престол липового дерева. Жертвенник 3^х-угольный липового дерева. На внутренней стороне алтаря киоты со святыми отцами.

Предалтарный иконостас

Иконостас главного храма столярный с золоченой на аполимент резьбой в стиле «рококо», поле окрашено в белый цвет шехорвейисом. В иконостасе три яруса, наверху иконописное распятие с предстоящими: Богоматери и св. Иоанна Богослова. Царские врата резные вызолоченные сплошь. На них помещены священные изображения: Благовещение Пресвятой Богородицы на трех иконах четырех Евангелистов. Все иконы главного иконостаса писаны по золотому чеканному фону в греческом стиле.

Виды с. Южа, Вязников. уезда. Общий вид

1-й ярус: на правой стороне царских врат образ Спасителя, сидящего на троне, размер иконы 1 арш. 2 верш. × 2 арш. 3 верш. Подле него икона св. апостола и Евангелиста Иоанна Богослова размером 9 ½ верш. × 2 арш. 8 верш.

На южной двери изображение Архидиакона Лаврентия, против правого клироса образ преподобного Сергия Радонежского чудотворца размером 11 ½ верш. × 2 арш. 8 верш. По левую сторону царских врат образ Шуйской-Смоленской Пресвятой Богородицы, размер иконы 1 арш. 2 верш. × 2 арш. 3 верш. Подле него образ св. Илии, размер 9 ½ верш. × 2 арш. 8 верш.

На северной двери изображение Архидиакона Стефана. Против левого клироса образ Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, размер иконы 12 верш. × 2 арш. 8 верш.

Над царскими вратами образ Нерукотворенного Спаса. Над означенными местными иконами в восьми резных клеймах помещены иконы Двунадесятых праздников. Под местными иконами по циколю поставлено восемь изображений, относящихся к истории Ветхого Завета.

2-й ярус: в средине над царскими вратами икона Христа Спасителя с предстоящими: Богоматери и св. Иоанна Предтечи. По сторонам 8 икон св. Апостолов, на четырех по два и на четырех по одному.

Под иконами «Деисус» поставлено изображение Тайной вечери. Под иконами апостолов на 8 иконах изображены Страсты Христовы.

Над иконами св. Апостолов в 8 резных клеймах помещены иконы Праотцев и пророков в ветхозаветной церкви.

3-й ярус: в средине над царскими вратами образ коронования Пр. Богородицы. По сторонам его в двух клеймах помещены изображения св. Праотцев Адама и Авеля.

Иконостасы и иконы в прочих местах храма

За правым клиросом настоящего храма в киоте вызолоченном сплошь на аполимент икона св. великомученика Пантелеимона в серебряной вызолоченной высокой работы ризе. Ширина иконы 16 вер. Вышина её 1 арш. 8 вер. Икона написана на кипарисной доске в русском Пантелеимоновском монастыре на Афоне. Икона пожертвована потомственным почетным гражданином Л.А. Балиным в 1889 году. Им же сооружена и серебряная риза стоимостью в 1100 руб. На ризе проба «84» изд 1889 г. Риза изъята акт. № 49 от 27 апреля 1922 года. Подле означенной иконы медная вызолоченная хоругвь с изображениями: на передней стороне Воскрешения господня, на задней образ Каз. Божией Матери.

За левым клиросом киот вызолоченный сплошь на аполимент, в нём образ Знамения пресв. Богородицы Аббакацкая. Написана по золотому фону с чеканом. Подле означенной киоты медная вызолоченная хоругвь с изображениями: Крещения Господня на передней стороне и св. Николая Чудотворца на задней стороне.

В простенке между окнами на южной стороне в киоте с позолоченной резьбой образ Спасителя в медной высеребренной ризе. Две последние иконы перенесены из существовавших в Юже деревянных храмов. В простенке между окон на северной стороне в киоте с позолоченной резьбой Казанской Пр. Богор. в медной высеребр. ризе.

Иконостасы и иконы в трапезе

В трапезном храме в придельных алтарях иконостасы столлярной работы с резьбой вызолоченной на аполимент одноярусные.

Южный придел

Царские врата резные вызолоченные на аполимент. На них помещены 5 икон: образ Благовещения Пр. Богородицы и 4-х Евангелистов.

Над царскими вратами икона Тайной вечери. По правую сторону царских врат икона Рождества Христова в медной вызолоченной ризе. Ширина иконы 14 ½ вер., вышина 1 арш. 8 верш. По левую сторону царских врат икона Пр. Богородицы Всех Скорбящих радости в медной вызолоченной ризе. Ширина иконы 14 ½ вер., вышина 24 вер. Рядом с означенной иконой в особой киоте храмовая икона св. Николая Мирликийского Чудотворца, риза на иконе св. Николая Чудотворца серебряная вызолоченная. Размер иконы 10 × 12 верш.

На северной двери изображение собора св. Архистратига Михаила. Икона в ширину 13 верш. и в вышину 1 арш. 8 верш. По северной стороне иконостаса икона св. Иоанна Предтечи. Рядом с означенной иконой в таком же иконостасе икона св. великомученика Георгия, две последние иконы размером одинаковые,

а именно в ширину 13 ½ верш., в высину 24 вершка. Над означенными местными иконами 12 икон двунадесятых праздников.

Северный придел

Царские врата резные, вызолоченные на аполимент, на них икона Благовещения Пресвятой Богородицы и четырех Евангелистов. Над царскими вратами икона «Положения Господа во гроб». По правую сторону царских врат икона Пресвятой Троицы в медной вызолоченной ризе, высота иконы 1 арш. 10 верш. Ширина 1 арш. 3 верш. По левую сторону царских врат икона Смоленской Пресвятой Богородицы в медной вызолоченной ризе, размером иконы: высота 1 арш. 10 верш., ширина 1 арш. 3 верш. Рядом с иконой Пресвятой Троицы на углу икона святого мученика Леонида, размером: высота 1 арш. 10 верш. и ширина 14 ½ верш.

На южной двери алтаря икона Трех Святителей: святителя Митрофана Воронежского, святителя Дмитрия Ростовского и святителя Тихона Воронежского, размером 26 вершков в высоту и 12 ½ верш. в ширину. Рядом с дверью в проходе в Главный храм икона св. равноапостольного князя Владимира, размером 25 верш. в высоту и 14 ½ верш. в ширину. Рядом с последней иконой икона Всех Святых, размером икона в высоту 24 верш. и в ширину 14 1/3 верш. Над местными иконами северного придела на пяти досках изображены Двунадесятые праздники. На южной стороне трапезного храма в простенках между окнами поставлены иконы:

- а) изображение Божией Матери в разных явлениях,
- б) икона Успения Божией Матери.

На северной стороне трапезного храма в простенках между окнами иконы: Боголюбская Божия Матерь и св. Николая Мирликийского.

Лампады, подсвечники, аналои

В главном храме одно паникадило медное высеребренное по местам позолоченное о сорока двух свечах. В трапезном храме одно паникадило, медное высеребренное о 187 свечах. В трапезном же два одинаковых паникадила, между тем меньше предыдущего, каждое о 9 свечах. Четыре больших медных высеребренных подсвечника. Семь подсвечников меньших, медные высеребренные. Шесть лампад больших одинаковых, медные высеребренные весу в каждой 6 ¾ фунта. Две лампады медные высеребренные весу в каждой 4 ¼ фунта. Четыре подсвечника выносных медн. высереб. Аналой деревянный с резьбой с позолотой для праздничных икон. Аналой деревянный в парчовом одеянии для чтения Евангелистов и праздничных поучений.

Колокольня

Колокольня каменная, соединенная с церковью каменной папертью. В основании своем имеет квадрат 3 × 3 сажен; на этом основании выведено 4 этажа. 2 этажа нижних имеют форму правильного квадрата, а два верхних – форму восьми-

мигранной призмы. Глава и крест на колокольне из белой жести, окрашенные берлинской лазурью. Высота колокольни 13 саж. до креста. Колокольня построена усердием потомственного дворянина Ивана Александровича Протасьева⁶ по плану и чертежам губернского архитектора Реймса⁷. Рядом с колокольней каменное здание для помещения котла для водяного отопления церкви.

Колокола

Большой, весу не означенено, определяют приблизительно 200 пудов с лишком. Лит в с. Юже. Средний полиелейный, весом в 113 пудов 13 фунтов. Лит в 1802 г. Будничный, вес не означенено, приблизительно определяют в 40 пудов. 4 малых, весу не означенено, во всех приблизительно определяют 20 пудов.

Ограда

Вокруг церкви каменная ограда, четырехугольником, покрыта железом. Две стены по 26 саж. в длину и две стены по 19 саж. Высота стен одинакова от 3 до 6 аршин, с западной стороны ограды двое железных ворот.

Сторожка

На юго-западном углу ограды каменная сторожка, покрыта железом. Здание сторожки в длину 14 арш., в ширину 10 арш., одноэтажная, внутри капитальной стеной разделена на два жилья. Окон в здании 6, дверей 2. Сторожка построена прихожанином с. Южи Желаевым Пантелеимоном⁸.

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р1567. Оп. 2. Д. 128. Л. 6.
2. Алеев Е.П. окончил Владимирскую духовную семинарию в 1883 г. и с этого же года был учителем и законоучителем в Южском фабричном училище; 29 августа 1884 г. рукоположен во священника к Смоленской церкви, с 1921 – протоиерей, 27.01.1930 за штат. См. Пожарский альманах. Вып. 3, с. 62-68; Церковно-приходская летопись (ЦПЛ) Южской Смоленской церкви, с. 24-26.
3. Никольский П.П. окончил духовную семинарию во Владимире, с 1915 по 1928 гг. служил псаломщиком. О нем и его семье см.: Пожарский альманах. Вып.1, с.79-83; Вып.3, с. 62-68: ЦПЛ, с. 25.
4. ГАИО. Ф. Р211. Оп. 3. Д. 72. Л. 3.
5. ГАИО. Ф. Р1567. Оп. 2. Д. 128. Л. 171-173.
6. Протасьев И.А. (1802-1875), из дворян, предводитель вязниковского уездного дворянства (1836-1838, 1842, 1857-1869), кавалер орденов св. Станислава II и III ст., св. Владимира IV ст и св. Анны II ст. Подробнее о нём см.: Фролов Н.В. Предводители дворянства Вязниковского уезда. Владимир, 1997, с. 31-34; Фролов Н.В., Фролова Э.В. Южа как помещичье владение в 17-19 вв. Вып. 1, с. 37-49.
7. Правильно – Рейм. Рейм Николай Карлович (1821-1890), из обрусевших немцев, инженер-архитектор, работал во Владимирской губернии с 1846 по 1865 гг. Подробнее о нём см.: Пожарский альманах. Вып. 5, с. 56-59.
8. В «Церковно-приходской летописи Южского Смоленского храма», изданной в 2005 г., указаны два основных жертвователя на церковную сторожку – крестьяне Балабанов и Желаев.

Раздел VIII

Творческое приношение родному краю

В.Н. Крупин

Мальчик у креста

Быть хороший христианский обычай – устанавливать Кресты на истоках рек. Это знак нашей благодарности Богу, дающему нам всё необходимое для жизни. А вода – основа всего.

Река Вятка впадает в реку Каму, а Кама в Волгу. В истоках Камы и Волги давно стоят Кресты, а у Вятки Креста не было: к её истоку трудно пробраться. Он вытекает из болота.

Но люди православные не могли оставить без внимания такую красавицу реку с таким красивым именем.

И вот нынче, по благословению архиерея, установка Креста состоялась. Крест был сделан большой, крепкий, тяжёлый. Привезли на машине до того места, откуда дальше дороги не было: заброшенные рельсы. Взяли на плечи, подняли. Несли его поочерёдно. По железной дороге шли километров двенадцать, а последние километра два было сплошь болото. На мне были сапоги с высокими голенищами, но даже через них вливалась вода.

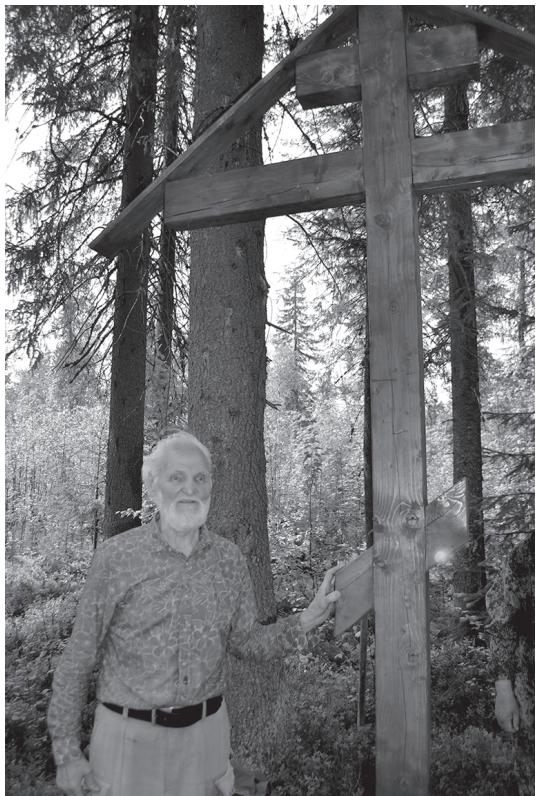
Батюшка просил каждого взять с насыпи, кто сколь сможет, камней. Это для укрепления Креста. Я увидел мальчика лет десяти, который схватился за камень явно тяжёлый.

– Возьми полегче, – посоветовал я.

– Нет, он лёгкий, – ответил мальчик.

Нас шло ровно пятьдесят человек, поэтому мы двинулись в путь с пением пятидесяти Покаянного псалма. Впереди несли фонарь, кадило, потом иконы, хоругви и Крест.

А постоянно всю дорогу свирепствовал всякий летающий кровососущий гнус: комары, паути, кусачие растревоженные осы, назойливо гудели над нами тучи насекомых. Но мы-то хоть как-то отбивались, а мальчик тащил камень обеи-

Установка Креста

ми руками и терпел. И ещё подпевал молитвам.

Через кочки, заросли осоки, низких кустарников шли долго, но дошли. Мальчик счастливо улыбался, хотя видно было: устал. Подошёл, как другие к истоку, умылся, напился и усёлся около своего камня.

Мужчины взялись за установку Креста. Выкопали углубление, которое сразу заливалось жёлтой водой. Потом вчетвером подняли Крест, ориентировали его по компасу на восток, на восход солнца, и основанием, которое было оковано нержавеющим чугуном, погрузили в землю. После этого все подходили и клали принесённые камни в фундамент Креста. И мальчик тоже привалил свой тяжёлый камень ко Кресту. Я даже увидел, что он погладил его ладошкой.

– Измучился? – спросил я.

– Нет. Меня даже и не кусали,

– весело сказал он.

– Ангелы их от тебя отгоняли, и камень нести помогали.

– Это правда, – согласился он.

Этот мальчик для меня – символ нашей грядущей России.

Сведения об авторах

Балагуров Олег Андреевич – кандидат культурологии, профессор РАЕ, зам. директора по УМР средней школы. Г. Березники Пермского края.

Балдин Кирилл Евгеньевич – доктор исторических наук, до 2020 г. профессор ИвГУ, основатель Пожарских Неопалимовских чтений в Юже. Г. Иваново.

Бокарева Мария Михайловна – научный сотрудник Палехского музея, организатор Ходовских чтений, автор ряда краеведческих и искусствоведческих статей. Птг. Палех Ивановской обл.

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и использования документов Государственного архива Ивановской области. Г. Иваново.

Васищев Юрий Александрович – пенсионер МВД, руководитель Ассоциации жертв политических репрессий Вязниковского района, член Общественного совета по краеведению. Г. Вязники Владимирской области.

Володихин Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор МГУ, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления (Первый казачий университет имени Разумовского). Автор монографии «Д.М. Пожарский» серии ЖЗЛ. Г. Москва.

Дамаскин (Орловский), архимандрит – доктор исторических наук, член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской православной церкви, член Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской; научный руководитель регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Г. Москва.

Кабанов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБУИО «Кинешемский художественно-исторический музей», автор более 100 научных трудов по истории Смутного времени в России, российского дворянства, генеалогии, исторической географии и краеведению.

Камышев Вячеслав Германович, священник – бакалавр богословия (выпускник Ивановской Свято-Алексеевской духовной семинарии), настоятель Петropавловского храма. Г. Шуя Ивановской обл.

Кривцов Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Библейской школы Автозаводского благочиния Нижегородской епархии, церковный историк и археолог. Г. Дзержинск Нижегородской области.

Крупин Владимир Николаевич – член Союза Писателей России (был секретарём СП СССР), лауреат первой Патриаршей премии в области литературы. Г. Москва.

Лихачёв Алексей Евгеньевич, священник – кандидат богословия, настоятель Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже, член Ивановского краеведческого общества. Г. Южа Ивановской обл.

Макарьянц Борис Леонидович – врач, краевед, автор исследований по истории Шуйской-Смоленской иконы и родословию дворян Вороновых. Г. Иваново.

Парфёнов Александр Юрьевич, священник – выпускник МДА, клирик Ростовского благочиния Ярославской епархии, краевед. Автор статей и путеводителей. Г. Ростов Великий Ярославской обл.

Семененко Александр Михайлович – директор Государственного архива Ивановской области, координатор проекта «Историческая память» партии «Единая Россия». Г. Иваново.

Соловьёва Ирина Ардалионовна – внучка прот. М.М. Альбицкого. Пенсионер, работала журналистом. Г. Кострома.

Ставровский Евгений Сергеевич – краевед, кандидат технических наук, доцент кафедры «Экономики и организации предприятия» ИГЭУ (энергоуниверситет). Автор ряда краеведческих брошюр. Г. Шуя Ивановской области.

Якушкин Геннадий Радикович – историк-архивист. Направление научной деятельности – источниковедение отечественной истории. Г. Москва.

Якушкина Марина Михайловна – научный сотрудник Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Г. Москва.

Содержание

Предисловие	3
Раздел I. К 600-летию явления Креста на Сахотском болоте	
О.А. Балагуров. Святыня и люди: из истории явленного на Сахотском болоте Животворящего Креста Господня.....	5
А.Ю. Парфёнов, священник. Обзор краеведческих работ по датировке явления Иисусова Креста	15
Д.Ю. Кривцов. «Сказание о явлении честного и животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте» между историческими реалиями и агиографическими топосами	24
А.Е. Лихачёв, священник. О связи исторического и мистического измерений (чудесах) в жизни Церкви.....	46
Раздел II. Проблемы изучения Смуты и рода князей Пожарских	
А.Ю. Кабанов. Малоизвестные факты из истории рода князей Пожарских.....	59
А.М. Семененко. «Помиримся на Мише Романове...»	66
Д.М. Володихин. Тактический стиль боярина и воеводы М.Б. Шеина в период вооруженной борьбы за Смоленск 1632–1633 гг.	75
Раздел III. Стоянье в вере	
Дамаскин (Орловский), архимандрит. Из жизни южского законоучителя сщмч. Никиты, епископа Орехово-Зуевского	87
Ю.А. Васищев. «И будут гнать вас за имя Моё»	93
Раздел IV. История Южской земли и смежных с ней	
К.Е. Балдин. Повседневная жизнь крестьянского населения мугреевского полесья на рубеже XIX – XX вв.	103
Е.С. Бутрин. К ранней истории рода Балиных (конец XVIII – начало XIX вв.).....	110
Раздел V. Духовная и нравственная культура	
В.Г. Камышев, священник. О почитании шуйского новомученика Авксентия Калашникова в Петропавловском храме в Шуе, где покоятся его честные мощи	125
М.М. Бокарева. Путями Южского крестного хода	129
Раздел VI. Семейный фотоархив	
И.А. Соловьёва. На Небесах не ошибаются	137
Раздел VII. Наши публикации	
Сказание о явлении Честного и Животворящего Креста Господня и великого во святителях чудотворца Николая в Никольском погосте... Публикация священника А. Ю. Парфёнова.....	145
Родословец П.О. Воронова с комментариями. Публикация Б.Л. Макарьинца	151
Новые документы по истории женской Иверской Святоезерской пустыни.	
Публикация Г.Р. и М.М. Якушкиных	156
Инвентарная опись Южской Смоленской церкви, 1924 г. Публикация Е.С. Ставровского.....	164
Раздел VIII. Творческое приношение родному краю	
В.Н. Крупин. Мальчик у креста.....	171
Сведения об авторах.....	173

Продолжающееся издание

Пожарский юбилейный альманах

Выпуск 12

**К 600-летию явления Иисусова креста
на Сахотском болоте
(ныне с. Погост Крест Ильинского р-на
Ивановской обл.)**

Над выпуском работали:

Художники – О. В. Сафарова, Ю. Мельков

Дизайн – А. А. Сурков

Компьютерная вёрстка – ООО «ПресСто»

Фотографии – авторов, составителя

Материалы для настоящего сборника получены в электронном виде,
через объявление рассылки Ивановским областным
краеведческим обществом. В дальнейшем интересные исследовательские работы
будут публиковаться по мере поступления.

Ознакомиться с выпусками Пожарского альманаха №№ 1-11
можно на сайте Прихода Смоленской иконы Божией Матери в Юже
в разделе «Историческая Память»: <http://www.old-yuzha.ru/almanah.html>
Желающие предложить свои публикации в следующие выпуски альманаха
могут присыпать их на отзыв по э/почте: yuzha-church@yandex.ru.

Подписано в печать 10.03.2023 г. Формат 60×84 1/₁₆.
Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 10,23. Тираж 1000 экз. Изд. № 5101.

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8
Тел.+7-930-330-36-20, e-mail:presssto@mail.ru
www.pressto-ipk.com